

СИМОНА ВИЛАР

АССАСИН

ТЕНЬ МЕЧА

КНИЖНОЕ
СЕРИЯЛЬНОЕ
ПОСЛАНИЕ

Тень меча

Симона Вилар

Ассасин

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2014

Вилар С.

Ассасин / С. Вилар — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
2014 — (Тень меча)

ISBN 978-966-14-6685-1

ХII век. Эпоха крестовых походов... Мартин – воин-наемник, ученик ассасинов, ему по силам самые рискованные задания. Его заклятый враг, маршал тамплиеров Уильям де Шампер, мечтает заманить неуловимого лазутчика в ловушку. И для этого как приманку он использует свою сестру, леди Джоанну. Но сердце девушки уже давно отдано мужественному Мартину, и она спасает ему жизнь...

ISBN 978-966-14-6685-1

© Вилар С., 2014
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2014

Содержание

Бог войны и богиня любви: о чем молчат исторические хроники	6
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Симона Вилар

Ассасин

© Гавриленко Н. Г., 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Бог войны и богиня любви: о чем молчат исторические хроники

Симона Вилар обладает волшебным даром – видеть историю в ярких и увлекательных картинах. Под ее легким пером сухие летописные сообщения преобразуются в красочные рассказы о сильных мира сего и о простых смертных, волею судьбы втянутых в водоворот драматических событий. Романтика и тайна, интрига и безудержная страсть захватывают воображение читателей и переносят их в мир древности, будь то средневековая Англия или Нормандия, Киевская Русь или Византия. Признанный мастер историко-приключенческого и любовно-исторического жанра, Симона Вилар с самых первых строчек удивляет, очаровывает и покоряет – в ее романы невозможно не влюбиться!

Первый роман нового цикла – «Лазарит. Тень меча» – поведал нам о Третьем крестовом походе, когда разноплеменное войско крестоносцев отправилось в Левант отвоевывать христианские святыни. В «Ассасине» читателей ожидает встреча с полюбившимися героями – благородным монархом Ричардом Львиное Сердце, мужественным тамплиером Уильямом де Шампером, блистательной Пионой – Иоанной Сицилийской, рыжим варангом Эйриком Эйриксоном. И конечно же, с наемником Мартином и английской леди Джоанной де Ринель, за историей которых мы следили с замиранием сердца. Что суждено пережить влюбленным? Достигнут ли они счастья? Ведь их хрупкое и нежное чувство так трудно сберечь в непростое время, когда в ожесточенном противоборстве сошлись две цивилизации – христианский крест и магометанский полумесяц.

Вместе с Симоной Вилар мы пройдем дорогами Иерусалимского королевства, обращенного в руины мусульманами. Стальная змея армии крестоносцев упорно продвигается к своей цели – Святому Граду. Невзирая на множество опасностей, терпеливо снося жару и холод, дождь и ветер, смелые и благородные паладины выступают в поход, чтобы осуществить мечту о спасении души и освобождении Гроба Господня. Вот-вот схлестнутся в яростном вихре битвы два войска. Гудит земля под конницей рыцарей, темнеет небо от тысяч сарацинских стрел...

После удачной осады Акры Ричард Плантагенет, английский Лев, вновь готов испытать воинскую доблесть в сражении с султаном Саладином, которого не зря зовут Мечом Ислама. Каждому из прославленных полководцев придется не единожды решать, что принесет долгожданную победу: жестокость или милосердие, коварство или рыцарственность. Кому из соперников улыбнется бог войны? А может, кровопролитие завершится созданием могущественной державы, объединяющей Запад и Восток? Ведь гарантией такого союза могли бы стать рука и сердце прекрасной венценосной женщины.

Перед нами оживут раскаленные солнцем улочки Акры, изобильная земля Шаронской долины, благословенные места Иерусалима и дикие хребты Антиливана. Наши герои окажутся в роскошном восточном гареме и в убогом горном селении, в военном лагере крестоносцев и в сумрачных подземельях Масиафа – циклопического замка ассасинов. Мартину и Джоанне в который раз предстоят головокружительные приключения. Им придется менять имена и обличья, рисковать своей жизнью, ступая опасными тропами. Ведь участь человека часто решает одно мгновение, разделяющее славу и бесчестие, спасение и гибель, неожиданную встречу и мучительную разлуку. Но чем больше препятствий – тем сильнее их влечение друг к другу и глубже чувство, озаряющее душу светом надежды и веры.

«Ассасин» – это пронзительный рассказ о том, какую цену способен заплатить человек за счастье, о том, можно ли начать жизнь сначала, оказавшись в безвыходной ситуации. Не в силах оторваться от удивительной истории, мы с первой и до последней страницы будем переживать

за героев и пытаться предугадать их будущее. Но авантюрный роман – это в некотором смысле чудесная сказка, а она всегда обещает счастливый финал.

Глава 1

18 августа 1191 года. Акра

Схватка рыцарей получилась просто великолепной! Всадники съехались в самом центре ристалища, раздался грохот удара, и кони поединщиков взвились на дыбы в мареве поднятой пыли. В какой-то момент показалось, что оба противника вот-вот рухнут вместе с лошадьми, но умелые наездники смогли справиться с храпящими животными и через миг скакали в разные стороны арены. Копья обоих при ударе разнеслись в щепки.

– Воистину победа на турнире в значительной мере зависит от мастерства всадника, – говорил магистр ордена Храма Робер де Сабле. Он сидел в ложе трибун подле маршала Уильяма де Шампера и со знанием дела обсуждал только что происшедший поединок. – Если участники схватки снова будут признаны равными, то... О! Что я вижу! – Магистр подался вперед. – Увы, рыцарь Обри де Ринель потерял стремя!

Маршал де Шампер тоже посмотрел в ту сторону, куда ускакал его родич Обри, но ничего особого не заметил – противники разъезжались, оставшись в седлах, на трибунах галдели зрители, оседала поднятая во время схватки желтоватая пыль. Однако Уильям мог чего-то и не учесть: с отрочества служивший в ордене Храма, где по уставу не позволялось выступать на турнирах, он не был посвящен в тонкости рыцарских игрищ. Зато новый магистр Робер де Сабле, который до вступления в братство тамплиеров слыл отменным турнирным поединщиком, мог знать особые правила рыцарских состязаний. И он пояснил де Шамперу:

– Как бы прекрасно ни выступал сегодня ваш родич Обри де Ринель, в этом поединке его признают проигравшим. Говорю же – при сшибке он потерял стремя! А при равной по доблести и мастерству схватке это считается поражением. Вы огорчены, мессир Уильям?

Де Шампер пожал плечами. Он недолюбливал Обри де Ринеля, мужа своей сестры Джоанны. По сути, будучи рыцарем ордена Храма, он вообще должен был держаться в стороне от своей родни, ибо для храмовника семьей являлись только его орденские побратимы. Но так уж вышло, что в последнее время Уильяму пришлось общаться с сестрой и ее супругом, что, однако, не доставляло ему удовольствия. Уж лучше жить по привычному для него орденскому порядку, сражаться за веру против сарацин¹, заботиться о нуждах собратьев-тамплиеров, всегда быть готовым к походу, но вышло так, что эти прибывшие в Святую землю родичи то и дело вынуждали его вникать в их проблемы, переживать и обременяли хлопотами.

Увы, сестрица Джоанна умудрилась вступить в любовную связь с засланным к крестоносцам шпионом, а ее муженек оказался содомитом. Что может более опорочить рыцаря, воина Христова, как не содомитские пристрастия? Что может стать бóльшим позором, чем распутство сестры? И Уильяму предпочтительнее всего было просто забыть о навязавшихся ему родичах, держаться от них в стороне. Однако честь рода де Шамперов не позволила ему отмахнуться от прегрешений родственников, и он приложил немало усилий, чтобы скрыть бесчестные связи обоих супругов: сестру он попросту запугал и заставил повиноваться, а ее мужа едва ли не силой вырвал из объятий любовника, привез в лагерь крестоносцев под Акру и сурово следил за ним. И если Джоанна еще вызывала в душе Уильяма смутные опасения, будучи безрассудной, как все женщины, то Обри в последнее время вел себя вполне достойно: учтиво держался с супругой, в окружении рыцарей короля Ричарда вел себя дружелюбно и приветливо, слухи о его наклонностях удалось пресечь, да и на нынешнем турнире Обри отличился, войдя в десятку лучших поединщиков. Пока его только что не лишил выигрыша этот

¹ Сарацинами европейцы называли мусульман.

неизвестный воин-мусульманин, решивший откликнуться на призыв герольдов², приглашавших на воинские состязания всех желающих.

Турнир под Акрой был устроен по приказу короля Ричарда Львиное Сердце. Уже более месяца победители крестоносцы оставались в Акре на побережье Леванта³ в ожидании, пока султан Саладин выполнит обговоренные при сдаче города условия. За это время воинский пыл многих рыцарей Христа пошел на убыль, они расслабились, отдыхали, бездействовали. И вот, чтобы поднять дух армии, Ричард устроил на равнине перед стенами завоеванного города турнир.

Задерживали армию крестоносцев в Акре и находящиеся у них в плену сарацины из захваченного акрского гарнизона – более двух с половиной тысяч воинов, эмиров, опытных военных предводителей, за которых Саладин обязался заплатить выкуп в размере двухсот тысяч золотых динаров. По условиям сдачи Акры также было обговорено, что султан отпустит и христиан, томившихся в плену у сарацин. Кроме того, Саладин обязался вернуть крестоносцам их великую святую реликвию – Истинный Крест, на котором некогда был распят Спаситель. Крест был утерян крестоносцами после поражения армии Иерусалимского королевства при Хаттине⁴, и это крайне удручало всех верующих. Пока же условия и обмен пленниками не были выполнены, между крестоносцами и сарацинами существовало перемирие, оказавшееся куда более продолжительным, чем рассчитывали поначалу. Сперва срок был назначен на начало августа, однако Саладин попросил некоторой отсрочки, ввиду того, что еще не сумел собрать оговоренную сумму выкупа. Но миновал и второй срок, а условия все еще не были выполнены, опять же по просьбе Саладина. И вот через пару дней выкуп должны были привезти, а король Ричард утверждал, что более ждать и оттягивать выступление армии он не намерен. Но если договор не будет выполнен?

Де Шамперу не хотелось думать, что произойдет в таком случае. Лучше уж, как и все, получать удовольствие от рыцарских состязаний.

– Вам так и не удалось выяснить, кто этот загадочный сарацинский поединщик, победивший Обри де Ринеля? – обратился он к магистру де Сабле.

Тот задумчиво смотрел на ристалище, но его только что гладившая длинную каштановую бороду рука замерла.

– Кто угодно. Когда герольды разнесли весть о предстоящем турнире, сюда явились и мусульмане. Вы ведь сами рассказывали, что за время осады Акры они не единожды приезжали поучаствовать в наших рыцарских состязаниях.

Де Шампер лишь кивнул. Продлившаяся более двух лет осада приморской Акры порой состояла не только из штурмов и атак, но были и мирные периоды, когда сарацины приезжали к крестоносцам, торговали, общались, похвалялись друг перед другом воинским умением. Вот и на этот раз некоторые из них явились на состязания, однако особенно среди них отличился этот не пожелавший назваться эмир.

Сейчас эмир-победитель объезжал арену, получая положенную ему долю рукоплесканий. Да и почему бы не похлопать врагу, если он прибыл с мирными намерениями и так порадовал зрителей своим мастерством?

– Не кажется ли вам, мессир Уильям, что этот таинственный эмир слишком крупный как для сарацина? – заметил де Сабле.

– Среди неверных имеется немало воинов отменной стати, – не согласился де Шампер, который куда дольше магистра прожил в Святой земле и лучше разбирался, как могут выгля-

² Герольд – здесь: глашатай и распорядитель на рыцарских турнирах.

³ Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря – Сирии, Палестины и Ливана.

⁴ Сражение в местности у холмов Хаттина произошло в 1187 году и завершилось полным разгромом крестоносцев. После этого султан Саладин захватил почти все земли Иерусалимского королевства, а также у него оказался Истинный Крест.

деть местные жители. – Но я обратил внимание на другое: этот пожелавший остаться неузнанным сарацин слишком уж хорошо знает наши обычаи и турнирные правила.

Упомянутый сарацин как раз проехал мимо их трибуны, приподняв в знак приветствия копье; под ним был массивный буланый жеребец, хотя обычно неверные предпочитали более легких арабских скакунов. В остальном же эмир выглядел как и многие из воинов-мусульман: обмотанный чалмой полукруглый шлем с высоким острием на макушке, с которого ниспадал конский хвост; обшитый стальными пластинами кожаный панцирь; круглый щит с чеканкой восточной вязи; сапоги с загнутыми носами. Лицо его скрывал до самых глаз кольчужный клапан⁵, так что черт было не рассмотреть, но Шамперу показалось, что глаза у него довольно светлые. Ох, и не доверял же он сарацинам с такими светлыми глазами! Они встречались у арабов так же редко, как у европейцев черные.

– Я отправлю кое-кого из братьев ордена разузнать, кем может быть сей сарацинский воин, – произнес маршал и уже стал подниматься, когда рядом прозвучал возглас:

– Не делайте этого, мессир!

Уильям и магистр де Сабле с удивлением повернулись к находившемуся в соседней ложе герцогу Гуго Бургундскому.

Крестоносцы между собой дали бургундцу прозвище Медведь – как из-за его внушительной комплекции, так и из-за чрезмерной волосатости: у герцога была не только густая бурая шевелюра, но и широкая жесткая борода, а также поросль в ушах и в носу. Он был импульсивным человеком, мог наорать, вспылить, но мог быть и ранимым, как девица, часто лил слезы. Все помнили, как Гуго Бургундский рыдал, сообщая Ричарду, что его король Филипп Французский отказался от дальнейшего участия в крестовом походе. Сам же Медведь предпочел остаться и бороться за Иерусалим, и именно ему надлежало командовать теми силами французов, которые, как и он, предпочли выполнить обет и воевать за Гроб Господень. Такая честь сделала герцога властным и заносчивым, он даже стал ссориться с Ричардом, чего ранее не позволял себе. Причем сетовал, что французов в армии Креста не чтут, как должно, и постоянно выдвигал все новые требования.

Сейчас бургундец смотрел из-под бурых косм на озадаченно повернувшихся к нему тамплиеров.

– Не стоит вам расспрашивать про этого сарацина! – с нажимом повторил он. – Ибо это...

Тут Медведь переглянулся с окружавшими его спутниками – хитрым епископом Бове, надменным Леопольдом Австрийским, палестинским бароном Балианом Ибелином. Ибелин что-то негромко шепнул герцогу, и тот решил сказать:

– Если орденские братья не выдадут нашу тайну, я назову имя того, кто под видом сарацина одержал сегодня столько побед.

Бесспорно, храмовники умели держать язык за зубами. И им сообщили, что победитель вовсе не местный последователь Мухаммада, а французский рыцарь, прославленный поединщик Робер де Бретейль. О, это многое объясняло – храброго француза де Бретейля король Ричард объявил своим личным врагом после нелепой ссоры, происшедшей еще во время останковки крестоносцев на Сицилии, где король Ричард и рыцарь де Бретейль устроили поединок на тростниковых палках. Все началось как обычная шутка, которая постепенно переросла в настоящую драку. Ричард был горяч, де Бретейль не любил уступать, и в итоге их едва растащили. Вот тогда разгневанный Ричард и объявил де Бретейля своим врагом, повелев, чтобы тот не показывался ему на глаза. И ни заступничество Филиппа Французского, ни просьбы иных вельмож не смогли переубедить упрямого английского Льва, который заявил, что если этот француз окажется в его власти, то его тут же схватят.

⁵ Кольчужный клапан – часть воинского облачения в виде кольчатого ворота, который, будучи завязанным, предохранял подбородок и нижнюю часть лица рыцаря. Вне боя носился отвязанным, свисающим на грудь.

И вот, узнав, что именно Бретейль под личиной сарацина вошел в число победителей турнира, тамплиеры только молча переглянулись. Им стало ясно, отчего французский поединщик решил выдать себя за прибывшего инкогнито сарацина.

После того, как отгремели чествовавшие победителей фанфары, отличившиеся рыцари спешили перед украшенной стягами ложей для дам, и те сошли с помоста, чтобы раздать достойнейшим награды. Конечно, среди победителей был и сам Ричард, отменный рыцарь, которого никому не удалось сегодня победить в единоборстве. О, Львиное Сердце не упускал возможности продемонстрировать свое воинское умение, хотя, на взгляд де Шампера, королю – главе христианского воинства – не следовало так рисковать своей особой на турнире. Но Ричард, устав от долгого бездействия в Акре, готов был участвовать во всех состязаниях. Сегодня он отличился во время конных скачек, сражался в единоборстве на мечах, принял участие и в стрелковых состязаниях, не говоря уже о зрелищных поединках хейстильд⁶.

Теперь же король преклонил колени перед дамами и, обнажив свою золотисто-рыжую голову, с улыбкой смотрел, как его нежная королева Беренгария вручает победителям награды. Награды были подобраны, как того заслуживают настоящие воины: отменное оружие, детали доспехов, богатая конская упряжь – почти все, добытое в Акре и имевшее восточный отпечаток. Кольчужные хауберки⁷ были выполнены столь искусно, что походили на тонкую кольчужную ткань; кинжалы были богато украшены камнями, а пояса расшиты золочеными бляшками. Когда королева с опаской подошла к закованному в броню мнимому сарацину и протянула ему наручи с чеканным узором, Ричард похлопал того по плечу и что-то сказал по-арабски из выученных им местных приветствий. Наблюдавшему со стороны де Шамперу стало любопытно: хватит ли Бретейлю ума ничем не выдать себя? Тот ограничился учтивым поклоном. Но поклонился, как христианин, без принятой среди мусульман нарочитой любезности. Заподозрил ли что-то Львиное Сердце? Слава Богу, его отвлек от мнимого эмира следующий из победителей – шотландец Осборн Олифард, которому награду вручила не Беренгария, а сестра Ричарда Иоанна Плантагенет. И Ричарду уже было не до таинственного эмира: он следил за сестрой, даже немного оттеснил ее от шотландца, так как среди крестоносцев уже поговаривали, будто Иоанна слишком явно благоволит к этому рослому светловолосому рыцарю.

Но каковы бы ни были сплетни об Иоанне Плантагенет, куда больше болтали о находившейся среди дам дочери Исаака Кипрского, плененного Ричардом. Ее греческое имя мало кто мог выговорить, все называли ее Девой Кипра, хотя уже немало рыцарей могли подтвердить, что никакая она не дева. Слишком уж она любила одаривать своей милостью пригожих северян, вот и сейчас почти обняла получившего награду английского графа Лестера. И опять Ричарду пришлось вмешаться, отвести льнувшую Деву от беспечно смеющегося молодого графа. Пожалуй, достойнее всех среди дам держалась сестра де Шампера, Джоанна де Ринель. Облаченная в легкие светлые одежды – только такие и можно было носить в душающей жаре Палестины, – она с поклоном подала блестящий камнями пояс Жаку д'Авену, ветерану осады Акры, шумному и веселому французу, который тоже был не прочь, чтобы его обняли. Мессир Жак выбрал Джоанну своей дамой, он пел ей песни и красиво ухаживал, а перед рыцарскими состязаниями попросил на счастье ее лиловый шарф. И хотя он не опозорил знак ее милости и доблестно сражался в поединках, Джоанна отстранилась от пылкого д'Авена, когда тот, поцеловав ей руку, намеревался еще и обнять свою избранницу.

Поглядеть со стороны – Джоанна сама скромность и достоинство. Но де Шампер знал позорящую ее тайну, как и догадывался, что сестра не все ему сообщила о своем возлюбленном-шпионе, некоем Мартине д'Анэ, если это его настоящее имя. Да, под нажимом Уильяма

⁶ Хейстильд – поединок на турнире, когда рыцари один на один выезжают сразиться на копьях.

⁷ Хауберк – кольчужная или сделанная из плотной ткани деталь облачения, носимая под шлемом, для защиты шеи, плеч, затылка, в некоторых случаях груди и нижней части лица.

Джоанна призналась брату, когда и каким образом собирается скрыться из Акры этот Мартин д'Анэ, однако все попытки де Шампера схватить лазутчика оказались тщетными. Бесспорно, столь ловкий шпион, да к тому же связанный с ассасинами, как подозревал маршал, мог покинуть Акру иным путем. Однако де Шампер знал, что для Мартина д'Анэ важно было вывезти некую группу людей, что усложняло его задачу, а без них он вряд ли оставит город. Уильям подозревал, что лазутчик все еще в Акре, поэтому время от времени вынуждал сестру прохаживаться с ним по улочкам, надеясь, что Джоанна заметит своего совратителя среди наполнявших Акру крестоносцев. Но вот выдаст ли она его брату? Де Шампер сомневался. Более того, он подозревал, что, несмотря на все его убеждения, даже на рассказ о том, что д'Анэ шантажировал его, угрожая оповестить всех о любовной связи с сестрой маршала, глупая Джоанна все еще не избавилась от чувств к шпиону. Разве не этим объясняются ее грусть и желание уединиться? И это в то время, когда в свите королевы БеренгариИ Джоанна вызывает своей красотой такое восхищение среди рыцарей, что многие стараются добиться ее внимания, благосклонности, улыбки. Не будь его сестра в печали из-за д'Анэ, она давно бы ожила и была счастлива таким всеобщим преклонением. А она... Догадываясь о причине ее грусти, Шампер испытывал неприязнь к младшей сестре. До чего же женщины глупы, когда ими завладевает любовь! Они вообще глупы, эти дочери Евы. О, как правильно поступают в ордене Храма, стараясь держаться в стороне от этих неразумных созданий, на которых ни в чем нельзя положиться.

Тем временем награды были розданы, дамы поднялись под навес своей ложи, а герольды затрубили, оглашая завершение турнира, длившегося три ярких, насыщенных дня. Причем зрители и участники тут же стали покидать ристалище, ибо начинавшиеся на рассвете состязания каждый раз затягивались, и в итоге все испытывали неудобство из-за изнуряющей влажной жары, дожимавшей северян в Акре.

Король Ричард со свитой и дамами одним из первых поскакал к воротам в городской стене. За ними двинулись остальные, и в проеме, как всегда, произошло столпотворение из крестоносцев, торопящихся укрыться от жары под каменные своды. Уильям де Шампер предпочел не толпиться со всеми у арки ближайшего въезда между башнями, а, объехав мощные укрепления Акры по периметру, направился к отдаленным Патриаршим воротам. Одновременно он бросал взгляды и в сторону видневшейся в солнечном мареве вдаль горы Кармель, гадая, скоро ли оттуда придут его лазутчики.

– Мессир де Шампер! – услышал он оклик позади себя.

Его догонял король Иерусалимский Гвидо де Лузиньян, которого сопровождали четверо рыцарей в доспехах, – не слишком достойная свита для монарха, но, учитывая, что у Гвидо была подмоченная репутация, хорошо уже, что он мог позволить себе хоть это.

Гвидо ехал на поджаром золотистом жеребце, облаченный в легкие светлые одеяния, а его голову по восточной моде покрывал белый тюрбан, из-под которого выбивались длинные светлые локоны. Гвидо был красавцем, немудрено, что некогда его выделила среди окружающих наследница Иерусалимского престола Сибилла, благодаря браку с которой Гвидо и получил корону. Но позже он проиграл битву при Хаттине, где polegло воинство крестоносцев, а сам он попал в плен. Со временем Саладин отпустил Гвидо, но в его королевских полномочиях уже многие стали сомневаться. И хотя Лузиньян был последним из монархов Святой земли, помазанным в Храме Гроба Господня, его права еще более пошатнулись после смерти королевы Сибиллы и после того, как вторая из наследниц Иерусалимского престола – Изабелла – стала супругой Конрада Монферратского, героя защиты от мусульман приморского Тира. Теперь уже Конрад заявил свои права на трон еще не освобожденного от неверных Иерусалима. Это привело к ссорам в воинстве христиан, в то время как силы сарацин все более спланивались вокруг султана Саладина. К тому же Конрада вызвался поддержать король Франции Филипп, в то время как Ричард взялся отстаивать права на корону для Гвидо де Лузиньяна, его вассала в

анжуйских владениях Плантагенетов⁸. В конце концов спорящие стороны пришли к компромиссу: Гвидо де Лузиньян оставался королем Иерусалима на срок его жизни, но наследником считался Конрад Монферратский, даже в том случае, если Гвидо вступит в новый брак и у него будут дети. С этим все согласились, ибо понимали, что влияние Гвидо держится на расположении к нему главы воинства крестоносцев – Ричарда Львиное Сердце. Особым уважением Гвидо не пользовался, и в его свиту вступали только местные уроженцы – христиане-пулены. На флаге, который нес сейчас знаменосец Гвидо, был изображен не герб королевства Иерусалимского, а герб Лузиньянов – алый вздыбленный лев на лазурно-серебряном поле.

– Ваше Величество, – склонился в седле де Шампер, приветствуя подъехавшего Гвидо.

– Нам надо переговорить, мессир Уильям, – негромко произнес король Иерусалимский. – И чем скорее, тем лучше. Вы обязаны сейчас прибыть в орденский Темпл? Нет? Тогда я бы попросил вас проехать в мою резиденцию.

Бок о бок они миновали Патриаршие ворота и двинулись по раскаленным от жары улочкам Акры. При чем Шампер отметил, что знаменосец Гвидо чуть поотстал, пропустив вперед сопровождавших маршала храмовников. Что это – учтивость или желание подчеркнуть, что пулены Лузиньяна признают значимость рыцарей в белом с алыми крестами? То, что знаменосец Гвидо был из пуленов, можно было определить по его гербу на котте⁹ – оливковая ветвь на светлом поле. Такие изображения могли быть только у местных уроженцев. Еще Шампер отметил, что, в отличие от своего короля, пулен был в полном воинском снаряжении: кольчуга, оплечье, на голове плоский шлем с носовой пластиной, затенявшей лицо, а его кольчужный клапан, как в бою, был поднят едва ли не до кончика носа. В таком облачении лица знаменосца не рассмотреть. И чего он так вырядился по жаре, если не принимал участия в состязаниях? Но почти так же были одеты и другие охранники Гвидо. Может, местные пулены не столь восприимчивы к жаре? Вон знаменосец спокойно едет себе среди раскаленных на солнце каменных стен, лишь на миг взглянул на обернувшегося к нему маршала – глаза у него были голубые, насколько можно судить под затенявшим его лицо ободом шлема. Больше на Шампера знаменосец не смотрел, ехал с опущенными глазами да поглаживал гриву своего высокого саврасого коня.

Резиденция короля Гвидо располагалась неподалеку от королевского замка, где ныне проживал со своим двором Ричард Львиное Сердце. Особняк Гвидо был богат и комфортабелен: проходя по анфиладе затененных ажурными решетками покоев, Уильям оценил царящую тут прохладу, журчащий струями фонтан, оглядел изысканную мебель с инкрустациями ценных пород дерева, облицованные мрамором стены с узорчатой мозаикой, вдоль которых стояли удобные низкие диваны, обтянутые гладким шелком.

Гвидо сбросил свою легкую накидку, снял тюрбан и самолично налил гостю прохладного шербета¹⁰ в высокий бокал красноватого сидонского стекла.

– У вас тут уютно, – отметил тамплиер, удобно откидываясь на обтянутый лимонно-желтым шелком валик дивана.

Он помнил, сколько было шума, когда на этот особняк вместе с Гвидо заявил свои права герцог Леопольд Австрийский. Гвидо настаивал, что это здание уже занято его людьми, но Леопольд и слышать ничего не желал. По его приказу воины-австрийцы установили на крыше флаг своего герцога с черным орлом, но в дело вмешался король Ричард и повелел сбросить австрийское знамя. Тогда это многих возмутило, дело едва не дошло до вооруженной стычки, и тамплиерам пришлось приложить немало усилий, чтобы уладить ситуацию без крови. Но

⁸ Ричард I Плантагенет был не только королем Англии, но владельцем почти половины французских земель на континенте. Эти владения получили название Анжуйской империи, т. к. английские Плантагенеты вели свой род от графов Анжу.

⁹ Котта – надеваемая поверх кольчуги длинная туника, обычно без рукавов и с разрезами внизу, для удобства верховой езды.

¹⁰ Шербет – восточный напиток из фруктового сока с сахаром.

Леопольд все равно был в гневе, намеревался даже уехать, и позже Ричарду пришлось попросить у него прощения. Но теперь Уильям понимал, что за такую резиденцию стоило потягаться. Какая роскошь! Какое чисто восточное великолепие! Правда, выведенные вдоль фризів вязевые письмена скорее еврейские, нежели арабские, насколько он мог судить.

– Какое у вас дело ко мне, Ваше Величество?

Гвидо жадно выпил полбокала освежающего шербета. Его золотистые локоны вспотевшими прядями прилипли ко лбу над плавно изогнутыми темными бровями.

– Мой брат Амори сам хотел поделиться с вами вестью, но он, к сожалению, задержался среди распорядителей турнира и сейчас занят разборкой трибун после рыцарских состязаний.

Братья Лузиньяны были очень дружны. Старший, коннетабль Амори, был отменным воином и полководцем, и Гвидо, даже несмотря на свое положение венценосца, часто советовался с ним и слушал его. Вот и сейчас он сказал, что именно Амори посоветовал ему прежде всего переговорить с де Шампером, которого оба Лузиньяна ценили и уважали.

– Ваши лазутчики уже вернулись от султана? – неожиданно спросил король и, увидев, как удивленно поднялись брови маршала, добавил: – Я полагаю, что у ордена есть свои люди в ставке Саладина.

Последнее было утверждением, не вопросом. Но ответа он в любом случае не дождался бы, поэтому снова заговорил:

– Вы родственник Плантагенетов, мессир де Шампер, и всем известно, как Львиное Сердце вас отличает. И пусть говорят, что магистр Сабле его поверенный и друг, однако расположение к вам Его Величества общеизвестно. Поэтому я бы просил вас передать ему некие полученные мною сведения.

– Отчего вы не сделаете это сами?

Гвидо замялся. Потом все же сказал, что Ричард вспыльчив, непредсказуем и часто никто не знает, чего ожидать от разбушевавшегося Льва.

«Он боится своего покровителя Плантагенета», – догадался Уильям, продолжая выжидательно смотреть на Гвидо.

Со стороны маршал казался даже отстраненным: непринужденная расслабленная поза, ниспадавшие до шпор полы белой котты тамплиера, широкие плечи, ровный пробор рыжекаштановых длинных волос, обрамлявших строгое породистое лицо рыцаря со светло-серыми спокойными глазами. Маршал ордена Храма не стремился, как большинство тамплиеров, коротко подрезать волосы, его борода была холеной и аккуратно подбритой вокруг жесткого решительного рта.

Король Иерусалимский сидел перед ним в складном кресле, машинально вращая в руках хрупкий бокал.

– Мои лазутчики принесли мне донесение из ставки султана.

Уильям лишь на миг задержал руку с бокалом, потом все же отпил глоток. Его лицо оставалось бесстрастным, хотя в глубине души он был поражен: ай да Лузиньян, у него и войско меньше, чем у других, а на шпионов средства находит! Хотя, если посмотреть с другой стороны, мусульманам не так уж плохо жилось в Иерусалимском королевстве при Гвидо – они не платили церковную десятину, как латинские жители королевства, им позволяли торговать и заниматься хозяйством, а безопасность путей и прекращение набегов давали спокойствие, какого не было и в обширной державе Саладина. Поэтому, оставаясь верными Лузиньяну, они вполне могли доставлять ему сведения.

Гвидо заговорил, не поднимая глаз:

– Еще утром, до начала рыцарских состязаний, ко мне прибыл доверенный человек с донесением, что этой ночью в ставке Саладина было обезглавлено более шестисот привезенных для обмена христианских невольников.

Бокал с треском лопнул в руке Шампера.

– Во имя всех святых!.. Быть такого не может!

Он встал, заметался по роскошному покою, почти не обращая внимания, что порезал руку и по пальцам струится кровь. Гвидо остался сидеть, затем все же протянул маршалу чистый белый платок и, пока тот перевязывал руку, стал пояснять, что и сам сомневается в донесении, поэтому они с Амори решили сначала сопоставить полученные сведения с теми, какие известны тамплиерам.

– Я не получал пока вестей из ставки Саладина, – обмотав порез платком, медленно произнес маршал.

Не совсем так. Поверенные уже доложили ему, что если Саладину и доставили деньги на выкуп пленников акрского гарнизона, то не в таком количестве, как полагалось. Сумма ведь огромная, ее так сразу не соберешь. К тому же Саладин, несомненно, хотел, чтобы часть суммы заплатили родственники находившихся в подземельях Акры эмиров – коменданта гарнизона аль-Машуба, военачальника Сафаддина, наместника Акры эмира Каракуша и множества иных известных воинов, происходивших из состоятельных семейств, которые вполне могли рассчитывать на выкуп от знатной родни. Но Саладин наверняка понимал, что, заплатив крестоносцам такую огромную сумму выкупа, он увеличит казну армии неприятеля. Ранее Саладин пытался уговорить Ричарда даже примкнуть к нему в войне против его врагов, наследников Нуреддина¹¹, но за свою помощь Ричард требовал Иерусалим, а подобного султан не мог допустить. И договор о передаче Святого Града крестоносцам остался несбыточной мечтой Ричарда, а все, что он мог добиться, – это потребовать возвращения Святого Честного Креста. А вот привезли ли Крест для передачи, никто пока так и не узнал. Однако весть, что пленников-христиан свозят к горе Кармель, уже была получена. Но чтобы казнить их накануне предстоящего обмена!.. Это нарушало все планы и обязательства.

– Пленников на Кармель доставляли небольшими группами, – продолжал рассказывать Гвидо, – и это понятно: за время плена они попали в самые разные места владений Салах ад-Дина, многие ослабли, иные умерли в неволе. К тому же некоторые хозяева рабов-христиан могли не пожелать возвращать их без выкупа, а для Саладина сейчас это тоже убытки, учитывая, сколько ему следует заплатить за гарнизон акрцев. Возможно, поначалу он и пытался выполнить эту часть договора насчет обмена пленными... Поначалу, – уточняю я. – Но потом... Да и Животворящий Крест, на котором страдал Спаситель... – Гвидо перекрестился и поднял свои светлые, как прозрачный мед, глаза на Шампера. – У Саладина ли наш Крест? – Я не знаю, – со вздохом ответил маршал, опускаясь на прежнее место. – Один из моих рыцарей сообщил, что перед битвой при Хаттине, увидев, что наши войска окружены, он закопал святыню в приметном для себя месте, однако позже этот рыцарь умер от ран. Нашел ли Крест Саладин? Он уверяет, что это так. Однако то, что вы сообщили об убийстве пленных... Мне трудно в это поверить. Ведь Саладин должен понимать, что подобное сорвет любые мирные переговоры.

– Так ли нужны Салах ад-Дину мирные переговоры, если он знает, что крестоносцы в любом случае не откажутся от похода на Иерусалим? – усмехнулся Гвидо.

Шампер нервно поглаживал бородку. Гвидо, конечно, не воин, но, как политик, он не самый бестолковый. И рассуждает здраво.

– Если Саладин не владеет Истинным Крестом, – продолжил Лузиньян, – если не сумел подготовить оговоренную сумму, если не смог собрать вместе всех пленников-христиан...

Шампер закончил за него:

¹¹ Нуреддин (Нур ад-Дин) (1116–1174) – султан Сирии, под начальством которого изначально служил Саладин. Но, получив власть в Египте, Саладин старался держаться отстраненно от своего повелителя Нуреддина, а после его смерти завоевал его земли и сражался с его наследниками.

– Султан понял, что не справляется, и решил не обременять себя содержанием такого числа пленных. Ему ведь не впервые казнить крестоносцев в таком количестве.

Губы маршала тамплиеров напряженно сжались, на скулах заходили желваки. А ведь Львиное Сердце содержит на своих хлебах в Акре куда большее количество сарацин! Более двух с половиной тысяч, по сути целое войско, которое связывает королю руки, требует значительных трат и напряжения, так как попытки побегов не прекращаются. А те пленники, какие вдруг выявили желание принять крещение и коих после погружения в купель безвозмездно отпустили на свободу, едва покинув Акру, спешили сорвать крест и вновь вливались в войска Саладина. Уильяму уже донесли о том, что более трехсот человек освободились таким способом, но пока маршалу не удалось убедить английского короля, что святые воды крещения ничего не значат для этих язычников¹².

– Вы передадите мое сообщение о казни Львиному Сердцу? – спросил Гвидо.

«Не ранее, чем мои люди подтвердят это», – решил про себя Уильям.

– Я хотел бы видеть вашего лазутчика.

– Невозможно. Ему опасно было оставаться, и он уже вернулся назад, дабы не вызвать подозрений среди неверных.

Это понятно. Непонятно только, как Лузиньяны, с утра знавшие о столь вопиющем нарушении договора, продержались спокойно в течение всего турнира: Амори выступал судьей поединков, будто голова его не была занята ничем другим, а Гвидо даже беспечно расточал комплименты королеве и дамам. Но разве и сам де Шампер не научился владеть собой и взял за правило не принимать решение, пока не убедится в его целесообразности? Шестьсот казненных христиан! По горе Кармель наверняка текут реки крови.

Уильям обдумывал это, пока стоял у арки покоя, откуда был виден сад во внутреннем дворе, и со своего места заметил, как по дорожке между розами идет брат Гвидо, Амори де Лузиньян. На миг коннетабль задержался, подозвав замеченного ранее Уильямом знаменосца, и о чем-то переговорил с ним. «Странно, что этот пулен и в особняке не растает с доспехами и шлемом», – машинально отметил Уильям, но эта мысль не задержалась у него в голове, так как сейчас де Шампера больше занимало то, что братья Лузиньяны теперь вдвоем насядут на него, требуя передать их сообщение Ричарду. Сами они опасаются разгневать Льва, ведь за время переговоров Ричард еще более проникся симпатией к Саладину и все еще надеется, что встретил равного по силе рыцарственного противника. Да и руки у Львиного Сердца связаны, пока не истек срок перемирия, пока на его шее две с половиной тысячи сарацинских пленников.

Маршал поспешил раскланяться и вышел до того, как Амори поднялся к брату.

– Он сообщит королю? – спросил коннетабль, когда они вместе с Гвидо наблюдали с галереи, как служка подводил храмовнику коня.

– Он нам не верит, – ответил Гвидо. – Но, насколько мне известно, сейчас де Шампер намеревался пойти к Львиному Сердцу. Сможет ли он спокойно молчать обо всем?

Уильям смог. Ни единым словом, ни интонацией он не выдал своего волнения, пока они с Ричардом изучали карту дорог вдоль левантийского побережья. Львиное Сердце говорил, что войску крестоносцев не следует удаляться вглубь земель Палестины, ибо пока они будут двигаться вдоль моря, их будет поддерживать и снабжать всем необходимым флот. Это облегчит крестоносцам путь и даст возможность сохранить во время рейда армию для решительного броска на Иерусалим.

¹² В те времена христиане считали, что мусульмане верят не в единого Создателя, а в какого-то своего бога. Поэтому их зачастую называли язычниками. Мысль, что магометане верят в того же Бога, но по-своему, начала развиваться позже, где-то с конца XIII века.

– И все же моим людям придется туго по такой жаре, – вздыхал Ричард, отбрасывая назад длинные золотистые волосы. – Воины расслабились в Акре, вино и женщины доставляют им удовольствие. Это ли рыцари Христа! Я повелел услатить всех шлюх, оставив только прачек, но мне донесли, что девки едва ли не в мужской одежде прокрадываются в Акру, чтобы заняться своим постыдным ремеслом. А ведь я плачущим своим людям не для того, чтобы они грешили, готовясь к святой войне. Что же мне предпринять, чтобы встряхнуть их, чтобы поднять воинский дух?

– Вы организовали турнир, государь, – заметил де Шампер. – Вы восстановили город, заняв людей работой, а воинские учения не прекращаются ни на один день.

В затемненном покое было не так жарко, как на залитой солнцем галерее, но все-таки Ричард был полураздет, его легкая шелковая туника липла к телу. Что же их ждет, когда они будут идти в воинском облачении под палящим солнцем? Не повторится ли новый Хаттин, когда люди на рейде падали от солнечных ударов, задыхаясь в доспехах?

– Расскажи еще раз, как сражаются неверные, – попросил король.

И маршал невозмутимо стал рассказывать:

– Наши рыцари совсем иначе воюют в Европе, государь. Там война – это открытая схватка, в которой важнее всего проявление доблести и силы. Здесь же тактика другая. Сарацины понимают, что им не выдержать наскока нашей закованной в броню конницы, поэтому обычно они начинают сражение с того, что обстреливают войска, разя воинов, убивая под ними лошадей. Но сама сарацинская конница, как правило, уходит от прямого удара, и их непросто вынудить пойти на сшибку. Если же они и принимают сражение, то лишь в том случае, когда уверены в своем значительном численном превосходстве. Так было и при Хаттине: Саладин начал бой только после того, когда наши крестоносцы оказались в весьма невыгодных условиях и многие из них пали под обстрелом. Известно, что к Хаттину Саладин пригнал семьдесят верблюдов, груженных стрелами, и недостатка в этих смертоносных жалах они не испытывали.

– Довольно о Хаттине! – Ричард поднял руку. – Хватит говорить о поражениях, ибо отныне нас ждут только победы! И если сарацинские язычники не могут устоять против конницы, то я заставлю их принять именно такой бой, какой нужен нам!

Его уверенность была непоколебима. Но если учитывать, что в Европе Ричард не проиграл ни одного сражения, если вспомнить, что по пути в Святую землю он за месяц захватил остров Кипр и пленил его императора, да и, подойдя к Акре, лишь немногим более чем за месяц взял этот неприступный город-крепость, то, возможно, он и прав, веря в то, что справится и с таким противником, как Саладин. В любом случае его воодушевление передалось и маршалу, и он подумал, что однажды и впрямь настанет момент, когда они въедут под знаменем Христа в Иерусалим и его собратья-тамплиеры вновь займут свою главную резиденцию в Храме Соломона¹³.

Они говорили с королем еще достаточно долго, пока у входа в покой не появилась королева Беренгария.

– Господин супруг мой, вы будете сопровождать меня на вечернюю службу?

В первый миг на лице короля появилось раздраженное выражение: он не любил, когда его отвлекали от обсуждения кампании. И Беренгария, похоже, поняла, что пришла не вовремя. Ее смуглое личико побледнело, в кротких карих глазах отразился испуг. Но Ричард заставил себя улыбнуться. Подойдя к жене, он ласково поцеловал ее в лоб.

– Конечно, госпожа моего сердца. Я обязательно пойду с вами.

¹³ Главная резиденция тамплиеров в Иерусалиме размещалась в бывшей мечети Аль-Акса, расположенной на Храмовой горе. Они считали мечеть храмом царя Соломона, и отсюда пошло их название – «храмовники». По-французски «храм» – templ, отчего их стали называть тамплиерами.

Когда они удалились, Уильям отправился за сестрой, ибо теперь уже начала спадать жара и на улицы стали выходить люди, так что было самое время для прогулки с Джоанной по городу. Уильям все еще надеялся, что Джоанна узнает в ком-то из встречных лазутчика Мартина д'Анэ.

Обычно на эти выходы брат с сестрой одевались так, чтобы не привлекать к себе внимания. Маршала хорошо знали в Акре, но в одеянии простого сержанта, с надвинутой на глаза каске ему удавалось оставаться неприметным. А Джоанну Уильям уговорил одеваться в костюм орденового сервиента¹⁴. У Джоанны была женская фигура, женская походка, однако, облаченная в длинную свободную тунику и оплечье с надвинутым на лицо капюшоном, под которым сестра прятала свои длинные черные косы, она все же сходила за юношу.

– Только смотри, не вздумай скрыть что-то от меня, – в который раз предупреждал Уильям сестру.

– Не скрою, – отвечала Джоанна, вскидывая голову. – Я поняла, каков мерзавец этот Мартин д'Анэ, как он меня использовал, порочил, обманывал. О, будь уверен, я укажу, если он покажется. Однако, Уильям, отчего ты так уверен, что этот негодяй еще в Акре?

Тамплиер отмалчивался. Надежды было мало, учитывая, насколько тот был ловок и хитер. Но ведь не мог же он так просто ускользнуть из окруженного крепостными стенами города! Маршал отдал на этот счет особые распоряжения и время от времени лично следил за отбывающими из Акры. Он дал своим людям приметы предполагаемого шпиона: голубоглазый, белокурый рыцарь, очень пригожий собой, рослый и гибкий в движениях. Таковые порой попадались, и тогда их заставляли раздеться, чтобы проверить, есть ли у них на теле шрамы от пыток, некогда оставленных палачами маршала. Но пока все усилия были тщетны. Уильям понимал, насколько беспочвенны его попытки разыскать Мартина д'Анэ, но не переставал надеяться. Внутреннее чутье подсказывало ему, что лазутчик все еще рядом. Этот шпион Саладина... или ассасинов... или евреев, как пытался убедить доверчивую Джоанну Мартин д'Анэ, – кто бы он ни был – враг!

Прохаживаясь по улочкам Акры, брат с сестрой по большей части молчали, однако Уильям внимательно следил за лицом Джоанны, надеясь, что она как-то выдаст себя, даже если пожелает что-то скрыть от него. Одно время Уильям подумывал брать в город вместо сестры ее супруга, который тоже знал в лицо шпиона. Однако переносить общество Обри для Уильяма было свыше сил. Предпочтительнее все же Джоанна. Младшая сестра, родная плоть и кровь. Порой Уильяму казалось, что он испытывает к ней что-то сродни нежности. Он подавлял это чувство. Прежде всего он рыцарь Христа, тамплиер, а она... Она – опорочившая себя в его глазах безрассудная женщина!

В тот день, когда уже отзвонили колокола вечерней службы, Шампер обратил внимание, что на только что безмятежном личике Джоанны появилось изумленное выражение, а ее серо-лиловые глаза удивленно расширились.

– О Небо! Кто это?

Уильям проследил за ее взглядом.

От укрепленной мощными башнями арки ворот на главную Королевскую улицу сворачивал кортеж посланцев мусульман. «Как они посмели явиться, если то, о чем сообщил Гвидо, правда!» – подумал де Шампер. Но правда ли? Осмелились бы они так рисковать, посылая к Ричарду брата самого Саладина? Хотя этот парень – отчаянная голова. Может, именно это и нравилось в нем Львиному Сердцу, ибо король всегда относился к нему с особым расположением.

Сейчас брат Саладина ехал во главе кортежа на великолепном вороном скакуне, его доспехи блистали серебром, на сверкающем шлеме развевался плюмаж. В этом переполненном

¹⁴ Сервиенты – служащие ордена из числа простолюдинов. Выполняли различные функции – оруженосцев, воинов-пехотинцев, просто прислуги.

крестоносцами городе он вел себя с поистине царственным спокойствием, его смуглое лицо оставалось невозмутимым, и лишь порой, блестя осле пительными зубами, он улыбался, когда обращался к сопровождавшему его племяннику Ричарда Генриху Шампанскому, – брат Саладина неплохо говорил на лингва-франка¹⁵.

– Так кто это? – теребила Уильяма за рукав Джоанна.

– Это эмир аль-Малик аль-Адиль Сайф аль-Дин Абу-Бакр ибн Айюб, младший брат повелителя мусульман Салах ад-Дина.

– Неужели?

Джоанна вдруг расхохоталась.

– Что тебя так веселит, сестра?

Она попыталась взять себя в руки, но смех так и рвался из нее.

– Малик аль... Вот уж действительно непрогнозируемое имя!

И снова смех. «О, эти женщины готовы смеяться по любому поводу!» – с раздражением подумал тамплиер. – Мы зовем его просто – аль-Адиль, – сухо заметил Уильям. – Его имя означает «справедливый властитель». – Прекрасно! – всплеснула руками молодая женщина.

Уильям не видел в приезде брата Саладина ничего прекрасного. Он поспешил проводить сестру обратно в замок, а сам отправился к магистру де Сабле, чтобы узнать, чем вызван неожиданный визит аль-Адила. Однако еще до того, как он смог увидеться с магистром, ему доложили, что его ожидает один человек. Им оказался шпион де Шампера, только недавно сумевший покинуть стан султана на горе Кармель.

Робера де Сабле Уильям посетил гораздо позднее. Тот был мрачен. Сообщил, что Саладин настаивает на пересмотре гарантий соблюдения христианами условий договора и просит в очередной раз отложить срок выполнения своих обязательств.

– И уж как бы Ричарду не был по душе сам аль-Адиль, но на этот раз он едва сдержался, чтобы остаться с ним учтивым. Наш король заверил посланца, что более ждать и удерживать войско в Акре он не намерен. Однако как же теперь быть со всеми этими пленниками? – сокрушенно качал головой Сабле. – Содержать их хлопотно, да и накладно. Правда, мне тут объяснили, что у сарацин торг – особое дело, что они всегда долго торгуются и пытаются сбить цену...

– Не в этом случае, – решил перебить главу ордена де Шампер.

И он поведал то, что сообщил его поверенный. Дело обстояло даже хуже, чем ранее рассказал ему Гвидо де Лузиньян. И казненных христиан оказалось куда больше...

Жизнь в августовской Акре начиналась рано, до того, как душливая жара становилась нестерпимой. Поэтому на совет к Ричарду командиров войска крестоносцев созвали до завершения в храмах службы хвалин¹⁶. Они явились еще расслабленными после сна, в легких домашних одеждах и, позевывая, занимали места за расставленными по кругу столами. Это Ричард приказал создать в Акре некое подобие круглого стола короля Артура, дабы показать, что все командиры тут равны, но, когда вошел он сам, присутствующие почтительно встали. Ибо Львиное Сердце был признанным главнокомандующим, да и в отличие от других явился в полном королевском облачении – в алом шелке с вытканными на груди золотыми львами Плантагенетов, в высокой короне с мерцающими камнями в виде чередующихся крестов и трилистников.

– Слава Иисусу Христу! – произнес король и, когда собравшиеся нестройным хором отошлись обычным «Во веки веков», тут же заявил, что желает выслушать их мнения относительно Саладина, который, возможно, опять не выполнит условия договора.

¹⁵ Смешанный язык на основе латыни, служивший универсальным средством общения в Средиземноморье в Средние века.

¹⁶ Служба, проходившая с пяти до шести утра. Заканчивалась, когда забрезжит рассвет.

– Саладин слывет благородным человеком, – подал голос маркиз Конрад Монферратский. – И человеком слова. Поэтому я считаю, что нам нет смысла обсуждать грядущее. Мне кажется, что так мы попросту будем *ante lentem augere ollam*¹⁷.

Говоря это, он исподлобья смотрел на Ричарда, давая понять, что в обсуждении этого вопроса пока нет необходимости.

– Надеюсь на лучшее, готовясь к худшему, – отозвался Львиное Сердце. – И если мы вспомним, что султан уже не единожды переносил срок обмена и выплаты за пленников гарнизона, то следует решить, как мы поступим, если договор и на этот раз не будет выполнен. Поэтому я и обращаюсь к вам, благородные господа, с вопросом: каковы в подобном случае будут наши действия?

Возникла пауза. Присутствующие переглядывались. Порой они ворчали на английского короля, считая, что он много на себя берет, желая всем повелевать, и зачастую единолично принимает решения. Но вот он обратился к ним, а они не знали, что ответить.

Решительный маркиз Конрад снова подал голос:

– Не связано ли ваше решение обсудить вопрос с тем, насколько вы были грубы с эмиром аль-Адилем вчера? Я слышал, что вы даже не пожелали проводить гостя, а мусульмане весьма щепетильны насчет учтивых манер.

– К тому же вы затребовали за пленников слишком высокую цену, – произнес со своего места епископ Бове. – Саладин может и впрямь не успеть собрать такое количество золота в столь краткие сроки.

– Краткие? – Золотистые брови Ричарда поднялись к ободу короны. – Уже прошло полтора месяца с момента падения Акры. Вы считаете, что этого времени недостаточно? Или готовы признать, что наше воинство должно и далее оставаться на месте?

– Я считаю, что непомерные требования выкупа ставят султана в затруднительное положение, – не уступал епископ.

Филипп де Дре, епископ Бове, был кузеном покинувшего крестовый поход короля Филиппа Французского. В душе он был не столько священнослужителем, сколько воином, и, возможно, поэтому не уехал вместе со своим монархом, но кое-кто поговаривал, будто Бове остался, чтобы блюсти тут интересы своего сюзерена и не давать излишней воли Ричарду, а заодно указывать на ошибки Плантагенета, дабы тот не слишком заносился.

Но сейчас Ричарду пришлось напомнить Бове, что условия суммы выкупа за пленников гарнизона Акры обсуждались как раз вместе с королем Филиппом, и епископу не следует брюзжать по этому поводу, чтобы не порочить своего государя.

– К тому же вы, преподобный, должны понимать, что меньше мы не могли затребовать, учитывая, что малый выкуп унизил бы честь доблестных защитников акрского гарнизона. Все эти пленные – командующие, эмиры, прославленные воины – стоят обговоренной суммы. Кроме того, известно, что, едва они окажутся на свободе, как тут же снова вольются в отряды Саладина и выступят против нас. А деньги за них должны возместить нам расходы на их содержание и послужить выплатой нашим воинам. И если деньги не придут...

Он умолк, следя за реакцией присутствующих. Те молчали, будто только сейчас осознав, что содержат и кормят за свой счет будущих противников.

В обсуждение вступил магистр ордена Госпиталья Гарнье де Неблус.

– Если условия договора не будут выполнены, мы все равно должны идти на Иерусалим, – заметил этот сухощавый, загорелый до черноты госпитальер, на темной тунике которого был нашит белый крест его ордена, но голову на восточный манер венчал белоснежный тюрбан. – Оставаться и дальше в Акре, когда неверные попирают наши величайшие святыни в Иерусалиме, было бы неразумно и преступно. Однако мы не можем оставить в подземельях города –

¹⁷ *Ante lentem augere ollam* – покупать горшок раньше чечевицы, то есть делить шкуру неубитого медведя (лат.).

у себя за спиной! – целое войско опытных воинов-сарацин. Их кто-то должен охранять, а нам не должно отстранять рыцарей от священного похода ради удержания пленников. Особенно учитывая, какие схватки и бои нам предстоят по пути к Святому Граду.

– И что вы предлагаете, мессир Гарнье? – повернулся к госпитальеру Ричард.

У него сложились весьма доверительные отношения с магистром ордена Госпиталей, и теперь он ждал от него конкретного предложения, но тот только развел руками, сказав, что они сами связали себе руки, взяв на попечение такое огромное количество пленников. Тем не менее в традициях христианского рыцарства было не убивать захваченных в схватках, а получить за них выкуп.

– Так принято в Европе, – уточнил госпитальер Гарнье, – так же мы повели себя и тут.

Но все это были просто рассуждения, а не конкретный совет.

Казалось, король был разочарован. Его рука сжалась на столешнице в кулак, челюсти двинулись из стороны в сторону.

– Выходит, мы не можем охранять такое количество неверных, но и не можем оставаться в Акре. Как же тогда поступить во имя Господа? Ну, не молчите же! Я жду предложений!

Собравшиеся переглядывались. Ни один из них не решался произнести вслух то, что напрашивалось само собой: от пленников нужно избавиться.

– Вы не отвечаете? – Голос короля сменился раздраженным рычанием. – Похоже, вы готовы ждать хоть до нового потопа, а Саладин тем временем улаживает дела в собственном государстве, укрепляет свои гарнизоны, собирает новые войска. О, благородный султан щедр на обещания, однако морит голодом наши желания. И как долго мы будем ждать, пока он соизволит что-то бросить нам в чашу для подаяний? Мы – мужчины, мы – воины, в конце концов, а не нищие, зависящие от чужой воли!

Уильям сидел подле магистра де Сабле и наблюдал за присутствующими, на лицах которых читались смутнение и растерянность. Магистр Госпиталей Гарнье молчал, бургундец Медведь хрустел своими волосатыми пальцами, граф Жак д'Авен растерянно скользил взглядом по лицам собравшихся, Конрад Монферратский кривил в усмешку рот, а белокурый гигант Леопольд Австрийский молча смотрел в свой опустевший бокал – он уже выпил разбавленное водой вино, и казалось, что, кроме мучившей герцога жажды, его больше ничего не волновало.

Епископ Бове решил сказать:

– Отчего мы говорим только о пленниках, когда не менее важным условием является передача христианам их величайшей святыни – Истинного Креста, на котором был распят Спаситель?

– Если Святой Крест и в самом деле у султана, – подал голос Гвидо де Лузиньян.

– Ну, вам виднее, Гвидо, – тут же заметил повернувшийся к нему Конрад. – Вы были при Хаттине, вам лучше знать, где Истинный Крест, который вы оставили врагам.

Маркиз не упускал случая уколоть короля Иерусалимского былым поражением. И Гвидо замолчал, только его быстро брошенный в сторону де Шампера взгляд умолял о поддержке.

Тут в разговор вступил Балиан Ибелин. Это был кряжистый, уже немолодой воин, палестинский барон, родившийся и всю жизнь проживший в Иерусалимском королевстве. Балиан, зная местные обычаи, стал уверять, что на Востоке нет ничего особенного в том, что торг затягивается. Саладин, щедрый и великодушный, готов дорого заплатить за доблестных воинов, защищавших Акру, но он любит сам ритуал торга.

– И мы должны снова ждать его решения? – Ричард откинулся на спинку кресла. Из-за его спины потоками вливался в полукруглую арку свет, и казалось, что сияние подчеркивает силуэт короля, от которого будто исходила угроза. – Тогда повторю: содержание двух с половиной тысяч пленников обходится нашей казне весьма недешево. Вы предлагаете ждать, Ибелин. Может, тогда вы готовы взять их себе на кормление? И пусть ваши люди охраняют акрцев, когда мы выступим в поход.

– Вы сами понимаете, государь, что это невозможно! – Барон всплеснул руками. – Мои земли захвачены Саладином, мне следует отвоевывать их, а на содержание пленных у меня нет денег. Поэтому я предлагаю... – Он осекся. Что он мог предложить? Ждать? А пленных повесить на шею Ричарда? Он не осмелился высказать это вслух.

Ричард сжал резные завитки на подлокотниках кресла.

– Когда вы, мессир Балиан, договаривались с Саладином о сдаче Иерусалима, вам удалось найти способ принудить его выполнить свои условия. Отчего же сейчас вы, кроме своего «предлагаю» невесть что, стали столь недогадливы?

– Тогда все было по-другому.

Ричард вдруг расхохотался.

– О да! Тогда христиане отступали, а теперь пришло наше время идти в наступление. Вы, мессир Балиан, прославленный защитник Святого Града, улавливаете разницу? А Саладин этим восточным торгом мешает нам нанести удар. И если раньше вы выставили условие, вынудив Саладина считаться с вами, мы сделаем то же самое. – Он глубоко вдохнул и продолжил: – Я уже отправил голубя с донесением к султану, а до этого сказал его брату аль-Адилю, что, если выкуп не будет внесен в оговоренный срок, торговаться и ждать мы больше не будем. И выступим!

Герцог Бургундский стукнул по столешнице своими большими волосатыми кулаками.

– Во имя самого Неба, как мы можем выступить, оставив за спиной Акру, где находится такое количество воинов Саладина? – воскликнул он. – Такая орава пленных наверняка взбунтуется, а если мы оставим малочисленную охрану... Вы понимаете, господа, что будет, если они перебьют наш гарнизон? Ведь эти пленные – отменные воины.

Собравшиеся загалдели. Нет, нет, они не могут выступить, рискуя потерять Акру, за которую столько сражались!

– Господа! – поднял руку Ричард, призывая их к вниманию. – Я для того и созвал вас, чтобы решить эту проблему. Учтите, не обговаривать ее, а решить.

Никаких предложений не последовало. Настала тишина. Только Конрад повторил, что у них еще есть надежда, что Саладин расплатится. Пустые слова. Командиры понимали, что султан попросту приковал их к Акре, что его затяжки с выполнением условий – всего лишь умелый ход, чтобы удержать крестоносцев от похода.

Шампер, сидевший подле магистра де Сабле, со своего места следил за присутствующими. Эти прославленные главы крестоносцев, столь часто утверждавшие, что ни в чем не уступают Львиному Сердцу и что он просто выбранный ими на время похода глава, сейчас, когда он передал им инициативу, попросту растерялись. Они ждали, что он возьмет на себя ответственность за решение, которое напрашивалось само собой. Чтобы потом иметь смелость сказать: мы ничего не говорили, это все Ричард Плантагенет.

И Уильям решился.

– Позвольте мне выступить, государи!

Он начал с того, что напомнил, чем обошлась осада Акры крестоносцам: погибли сорок герцогов и графов, шесть архиепископов и патриархов, умерла королева Сибилла и ее наследные малолетние принцессы, пали в боях более полутысячи иных высокопоставленных вельмож, а потерям среди неблагородных людей и простых солдат и вовсе нет числа. И все это для того, чтобы потеснить Саладина, завоевать себе крепость на побережье, куда смогут прибывать новые силы воинства Христова. Они ведут войну с султаном, которого принято восхвалять за великодушие и благородство. Но как ведет войну сам Саладин? Принято часто упоминать, что он пощадил жителей Иерусалима, но не стоит забывать, что город сдавался ему на определенных условиях, вытребованных Балианом Ибелином, – при этих словах де Шампер поклонился в сторону защитника Святого Града.

Барон сидел нахмурившись, как и многие из присутствующих. Они уже понимали, какое решение им придется принять, в душе были согласны, но не осмеливались сказать об этом вслух. И тогда де Шампер, этот храмовник, много лет воевавший в Святой земле, напомнил им, как обычно поступает Саладин с пленными. За несколько дней до того, как прокаженный король Бодуэн разбил его при Монжизаре¹⁸, Саладин совершил рейд в окрестностях Аскалона, захватил сотни пленников, а затем по его приказу им отрубили головы. Через год после победы под Хамой султан приказал обезглавить всех попавших в плен христиан, а их было немало... Уильям также заметил, что обычай убивать пленников не был чем-то необычным у сарацин, и в доказательство поведал собравшимся, как когда-то, захватив недостроенный замок у Брода Иакова, Саладин приказал убить семьсот пленников. Его мамлюки¹⁹ пускали пленным одному за другим литой болт в затылок, пока не перебили всех. И это лишь немногие примеры того, как поступал султан с беззащитными пленными. Так что ко времени битвы при Хаттине попавшие к нему в плен двести тридцать рыцарей Храма и Госпиталя уже знали, какая судьба им уготована. Конечно, сначала им предложили отказаться от веры в Христа и начать возвешивать Мухаммада. Ни один из рыцарей на это не пошел. Тогда султан приказал своим мудрецам суфиям – отметьте, не воинам, а священникам! – обезглавить всех орденских братьев, причем суфии, не являвшиеся опытными убийцами, многих пленников просто порезали, не сумев убить сразу, и те умерли в мучениях, истекая кровью.

Де Шампер, не будучи придворным, даже не пытался смягчить прямоту своей речи. Он видел, как побледнел молодой граф Генрих Шампанский, племянник Ричарда, видел, как истово стал креститься епископ Бове, а огромный Леопольд Австрийский зажал рот ладонью, будто его вот-вот стошнит. И все же он продолжил говорить, выложив напоследок самую страшную новость: прошлой ночью по приказу султана было казнено больше тысячи христианских пленников, доставленных до обмена.

– Причем это убийство было осуществлено вопреки Корану, – с присущим ему спокойствием продолжал Уильям, словно говорил не о погибших собратьях по вере, а пересказывал обычную новость. – Но Саладин может сослаться на то, что мусульманское право позволяет казнить пленников, если это произошло в интересах всей общины мусульман.

– Перед кем сослаться? – взвился горячий Жак д'Авен. – Да Саладин этим поступком напроочь сорвал всякие переговоры с нами!

– Да, сорвал. – Ричард резко поднялся. – И теперь ясно, что султан то ли не собрал двести тысяч динаров, обговоренных при сдаче Акры, то ли попросту решил не пополнять нашу казну, а может, и вообще не собирался отдавать нам Истинный Крест, коего у него, возможно, и нет. Но в любом случае Саладин понимает, что передача сей реликвии воодушевит наше воинство в борьбе за Иерусалим. Нужно ли ему это? Поэтому он решил не выполнять сделку и велел казнить свезенных для обмена христиан.

– О, если бы вы не выставляли столь жестких требований! – подал голос Конрад Монферратский.

Ричард какое-то время пристально смотрел на маркиза. Его глаза остро сверкали, а когда он заговорил, в голосе звучал приглушенный рык:

– Ваша светлость, похоже, забыли, что именно вы ставили эти требования, когда взялись принять у неверных Акру.

Конрад опустил на место. Смотрел исподлобья, но, не желая чувствовать себя виноватым, с почти царственным величием обратился к собравшимся все с тем же вопросом: как им

¹⁸ Победа короля Бодуэна IV над Саладином при Монжизаре произошла в 1177 году.

¹⁹ Мамлюки – в странах мусульманского Востока воины, которые набирались из невольников и воспитывались для воинской службы (как позднее янычары в турецком войске). После обучения мамлюка и становления его как профессионального воина господин давал ему свободу и платил за службу.

быть в сложившейся ситуации, когда ясно, что султан не выполнит взятых на себя условий? Де Шампер, едва сдерживая раздражение, заметил:

– Король Ричард уже не единожды вопрошал нас об этом, маркиз. И я вижу теперь – да помиует меня Всевышний! – только один выход: нам надо выступать в поход. Но перед выступлением следует избавиться от отягощающих нас пленников акрского гарнизона. Сыграть по правилам Салах ад-Дина.

И он выразительно провел ребром ладони по горлу.

Уильям заметил, как Ричард слегка кивнул. Английский король был благодарен, что хоть кто-то взял на себя смелость произнести вслух то, что им предстояло сделать.

Настала такая тишина, что стало слышно, как где-то на улицах Акры кричит водонос. Потом герцог Бургундский, решительно стукнув кулаком по столу, заявил:

– Согласен! На войне как на войне. И разве мы не затем прибыли, чтобы резать этих язычников сарацин?

Его большой кулак остался лежать на гладкой поверхности столешницы, и король Гвидо тоже положил кулак на стол, будто подтверждая свое согласие. После минутного раздумья к ним решил примкнуть и Балиан Ибелин. Так же поступил и Жак д'Авен, уже не первый год воевавший в Святой земле. Ричард, присоединившись к ним, медленно переводил взгляд с одного командира на другого. Его твердые, как кремь, серые глаза были жесткими и решительными, и те, кто еще не понял, что их единственный выход – казнить пленников, дабы освободиться от них, и выступить в поход, – невольно ежились под его взглядом.

Многие еще колебались, но открыто воспротивился лишь епископ Бове. С холодным выражением на узком лице он медленно поднялся, привлекая внимание присутствующих.

– Родственник короля Ричарда тут живописал нам резню, какую устроил этот нехристь Саладин по отношению к пленникам. Но мы – не он! Святая Церковь против подобного смертоубийства! И мы, как рыцари Христа, не можем так поступать. Осмелюсь напомнить один из постулатов рыцарства: никогда не нападать на безоружных соперников.

Леопольд Австрийский, недолюбливавший Ричарда, решил поддержать Бове и стал уверять, что убийство христианами такого количества пленных иноверцев запятнает рыцарскую честь крестоносцев. Герцог поднялся во весь свой рост и упомянул о милосердии и смирении, о том, что они обесславят себя на весь мир, поступив столь безжалостно по отношению к пленникам.

– Я вижу, что у герцога Австрийского есть свой план, как поступить с пленниками, – заметил Ричард. – Итак, мы слушаем, ваша светлость.

Леопольд стал багроветь, взгляд его эмалево-голубых глаз заметался.

– Вы готовы остаться в Акре, охранять и содержать за свой счет сарацинских невольников? – попытался подсказать герцогу Бове.

– Черта с два! – огрызнулся Леопольд. – Я прибыл сюда сражаться во имя Христа, и вы не заставите меня нянчиться с нехристями. Да и денег у меня столько нет, чтобы их кормить и платить охране. Поэтому я предлагаю поступить великодушно – отпустить язычников на все четыре стороны.

Он бросил взгляд на Конрада, ожидая от него поддержки, но тот отвел глаза. Даже епископ Бове вынужден был объяснить Леопольду, что сарацины пойдут не на четыре стороны, а только в одну: в сторону ставки Саладина, чтобы там снова взяться за оружие и снова убивать христиан.

После этого герцог Австрийский со вздохом вынужден был признать, что не ведает, как еще они могут поступить, и после некоторого колебания тоже положил руку на стол, присоединив свой голос к сторонникам казни акрского гарнизона.

– И чем скорее, тем лучше, – добавил он. – За всеми этими спорами мы никогда не доберемся до Иерусалима.

Тут вмешался отмалчивавшийся до сих пор молодой граф Генрих Шампанский. Он сказал, что раз у мусульман принято продавать своих невольников в рабство, то и они могли бы продать пленных сарацин в неволю.

– И где вы видели у нас рынки рабов? – резко заметил магистр Госпиталя Гарнье. – Или вы забыли, что наша Церковь выступает против рабства? В христианских странах на рабство смотрят как на гнусность и зло. Если мы начнем торговать пленниками, то уподобимся неверным с их лжепророком.

Генрих еще какой-то миг колебался. Он был против резни. Но раз выхода нет... Вздыхнув, он тоже присовокупил свой голос к тем, кто признал, что пленников придется казнить.

Оставался только Конрад Монферратский.

– Мне противно то, на что вы решаетесь. Когда я договаривался о сдаче Акры, то не имел в виду, что мы устроим массовую казнь сдавшихся на нашу милость воинов.

– Не на нашу, маркиз, – заметил магистр де Сабле. – На милость своего султана, который обещал их выкупить. Но ныне, похоже, Саладин решил, что христианская милость надежнее его обещаний. И тем принудил нас поступить так, как нам остается, – избавиться от пленников.

– И все же я не желаю в этом участвовать! – не уступал Конрад. – Я просто умываю руки.

И он поднялся, чтобы уйти. Но голос Ричарда его задержал:

– Маркиз, вы сейчас ведете себя, как Понтий Пилат, снимая с себя всякую ответственность.

– Не смейте сравнивать меня с ним! – резко оглянулся Конрад.

Потом взгляд его скользнул по лицам собравшихся. Его глаза сочились ненавистью. Но он, как и иные, отказался взять на себя охрану и содержание пленных.

Просто ушел.

– Не слишком активная позиция, – заметил Бове. – Что ж, исходя из сложившейся ситуации, я вынужден буду присовокупить свой голос к большинству.

При этом всем своим видом он выражал неудовольствие и только кивнул, когда Балиан Ибелин со вздохом сказал, что у них еще есть надежда на то, что Саладин исполнит хотя бы часть обговоренных условий – передаст крестоносцам Животворящий Крест. Даже если не вернет пленных христиан...

До этого оставалось ждать всего один день. А пока следовало готовиться к казни. Ибо в честность Саладина присутствующие уже мало верили.

Глава 2

– Персик мой! – негромко произнес Мартин, похлопав коня по крутой холке.

Высокий саврасый жеребец фыркнул в ответ и стал бить копытом по земле в деннике, выражая радость от ласки хозяина.

Обычно Мартин не давал своим лошадям клички: они часто погибали в боях, а когда знаешь, как их зовут, пережить потерю еще тяжелее. Этого саврасого он тоже никак не называл – саврасый и все. Персиком – этой смешной кличкой – его нарекла Джоанна де Ринель, красивая молодая женщина, с которой Мартин одно время ехал по беспокойным землям Малой Азии. Однако вспоминать о самой Джоанне не хотелось. Она предала Мартина, выдала своему брату-тамплиеру, и Мартин лишь в последний миг избежал пленения... и гибели. Ибо такой человек, как маршал Уильям де Шампер, не оставил бы его в живых. Джоанна должна была это понимать. Но все же предала.

Так что прочь все мысли о ней! Она в прошлом.

Мартин тряхнул головой. Нет, он решительно не желал о ней больше думать. Хотя и называл коня, как и она, – Персиком. Глупое прозвище, какое могла измыслить только женщина. Но все же Мартин рад, что саврасый снова с ним. Еще до падения Акры он оставил коня в лагере крестоносцев и почти не вспоминал о нем. Другие дела, другие заботы: ему было поручено вывезти из осажденного города семейство своего друга и покровителя Ашера бен Соломона. Мартин справился с заданием, защитил и отправил из Акры еврейское семейство, но самому пришлось остаться, тогда как евреев взялись сопровождать его друзья – рыжий норвежец Эйрик и сарацинский воин Сабир. Мартин вполне мог положиться на них обоих. Самому же уехать не удалось, и он скрылся от разыскивающих его тамплиеров маршала де Шампера, поступив в услужение к королю Иерусалимскому Гвидо де Лузиньяну. Со временем он намеревался тайно скрыться. Ему, ловкому и умелому воину, ученику ассасинов, рыцарю без сюзерена и страны, опытному путнику, умевшему изменять внешность и побывавшему на своем веку во многих странах, это не составило бы труда. Особенно учитывая, что были люди, которые обязались дожидаться его в Антиохии, чтобы отвезти к его невесте Руфи, дочери Ашера бен Соломона. Но все же он пока оставался в Акре.

Мартину самому не совсем была ясна причина этой задержки. Себе он пояснял, что просто выжидает удобного случая, в действительности же ему вдруг стало любопытно, как дальше пойдут дела у крестоносцев. Христовы рыцари уже отбили у султана огромную портовую крепость Акру и готовились к дальнейшему походу, собираясь отвоевать Иерусалим. Они жаждали реванша за свое бывшее поражение, в котором Мартин сыграл не последнюю роль.

Вина за гибель владений крестоносцев в Палестине давно томила его душу. Мартин прятал ее глубоко в себе, но успокоения это не приносило. И вот теперь он вдруг подумал, что может случиться невероятное и эти отряды отчаянных храбрецов крестоносцев сумеют вернуть свои утраченные владения. Он хотя бы посмотрит, как у них это получится. А потом уедет. Мартин не собирался задерживаться долго, только на время... Это было не совсем благоразумно, а для него и вовсе опасно. Но Мартин, будучи всю жизнь расчетливым и предусмотрительным, ныне ощущал, как в нем словно что-то сорвалось. Чувство, не подвластное разуму, удержало его в Акре.

Пока ему ничего не угрожало. Выдав себя за жителя Аскалона Мартина Фиц-Годфри, он неплохо устроился в свите Иерусалимского короля Гвидо. Более того, он был на хорошем счету, носил звание капитана, обучал новых рекрутов, получал плату и мог преспокойно оставаться в резиденции Лузиньянов, не опасаясь, что здесь его разыщут тамплиеры Уильяма де Шампера. Брат Гвидо, коннетабль Амори де Лузиньян, особо покровительствовал мнимому Фиц-Годфри, порой даже обсуждал с ним дальнейшие планы. Именно Амори обратил внима-

ние на то, что у командира отряда Лузиньянов нет достойного коня, и даже сам отправился с ним подобрать лошадь. Коней павших крестоносцев продавали с торгов в Акре, и Амори не поспешил, предложив капитану своего отряда выбрать скакуна, какого тот пожелает. Мартин же не раздумывал, когда в шеренге выставленных на продажу лошадей заметил своего саврасого. Эта масть не считалась благородной у рыцарских коней: светло-рыжий, почти песочный, с более светлым брюхом, но темным окрасом на спине, конь имел проходящую по хребту темную полосу – так называемый «ремень», намек на диких предков коня. Да и темные ноги имели некоторую полосатость, а грива и хвост, почти черные в массе, перемежались с бурыми и даже светлыми прядями. И все же конь был хорош – сильный, поджарый, с изящной длинной головой и крутой холкой.

– Вы уверены в своем выборе? – спросил Амори Мартина.

Тот не сомневался. Вновь получить обученного тобой преданного коня – разве не славно? Конечно, он не сказал об этом коннетаблю. Однако наблюдательный Лузиньян отметил, что саврасый сразу же потянулся к аскалонцу, даже стал выбивать копытами дробь, будто радуясь новому хозяину. Да и позже шел под ним, повинуюсь малейшему движению удили.

После приобретения жеребца Амори предложил Мартину Фиц-Годфри принять участие в турнире, организованном в Акре по приказу короля Ричарда. Но аскалонец отказался под предлогом, что он по рождению бастард и его не обучали правилам турнирных состязаний. На деле же Мартин, опасаясь быть узнанным, просто не желал привлекать к себе внимание. И оказался прав. На турнире среди зрителей присутствовал его враг де Шампер, а среди участников находился рыцарь Обри де Ринель, который тоже мог его узнать. Была там и Джоанна... Поэтому Мартину куда спокойнее было стоять в толпе позади короля Гвидо де Лузиньяна. Скрыв лицо за подвязанным кольчужным клапаном и широкой наносной «стрелкой» плоско-верхого шлема, он оставался неузнанным в течение всего рыцарского турнира. Что поступил правильно, Мартин убедился, когда король Гвидо после турнира неожиданно пожелал пообщаться с маршалом ордена Храма де Шампером. Тогда у Мартина душа ушла в пятки. Особенно когда заметил, как внимательно к нему присматривается де Шампер. Но повезло – Гвидо отвлек маршала беседой, а позже Мартин сразу же отделился от них и не снимал рыцарского облачения, пока тамплиер не покинул резиденцию Лузиньяна. И это несмотря на удушающую жару, когда большинство рыцарей сбрасывали сталь, едва представлялась такая возможность.

Из-за этой жары Мартин все реже проводил боевые учения с людьми короля Гвидо. Все вокруг говорили о предстоящем походе, однако едва раскаленное добела солнце обжигало стены Акры, крестоносцы устремлялись под своды строений, дающих тень, а то и предпочитали полуобнаженными сидеть в прибрежных водах моря. Но даже в период этого временного безделья они только и говорили, что о походе на Иерусалим.

Вернуть из-под мусульманского владычества свои святыни было их целью, их мечтой – казалось, они и жили для этого. И едва длинные вечерние тени уменьшали нестерпимый зной, воины выходили на площадки для учений, брались за мечи, натягивали луки, упражняясь в стрельбе. А потом шли в храмы и пылко молились о предстоящей победе. Но не только в храмах собирались воины Христовы: с утра до сиесты и по вечерам они трудились на восстановлении разрушенной после штурма Акры, и король Ричард, признанный глава воинства, платил им по четыре безанта²⁰ за работу, но за плату требовал от людей полной отдачи. Он и сам не бездействовал, бывая везде, где требовались его присутствие и внимание, заражал людей своим пылом, своей верой в победу. Ричард внушал крестоносцам, что они более достойны владеть Священным Градом, нежели поклоняющиеся лжепророку сарацины, он вдохновлял их своей верой, силой и обаянием. При таком повелителе они ни в чем не знали нужды... кроме шлюх.

²⁰ Безант – денежная единица Византии, около 4,5 г золота. В IV–XII веках стала образцом для монет Европы и Востока, почти тысячу лет являясь международной валютой.

Ричард не позволял крестоносцам грешить, и лодки с продажными девками в Акру не допускались. Конечно, в самом городе находились легкодоступные женщины, но если их услугами пользовались, то только тайно. Ибо иначе пришлось бы каяться целый день, а за отсутствие на работе Львиное Сердце не платил.

Наблюдая за этим разноплеменным воинством Христовым, Мартин даже завидовал их вере и убежденности. Они сражались не ради личной выгоды – хотя рассказы о сказочных богатствах Востока тоже имели место. Но в основном это была возвышенная цель служения своему Богу. А если и появлялись такие, кто выражал недовольство или подумывал отказаться от похода, то у большинства к ним было столь пренебрежительное отношение, что предполагаемые дезертиры тут же спешили изменить свое мнение, решая остаться в братстве крестоносцев, раскаявшись.

Крестоносцы в основном делились по землячествам – датчане, германцы, итальянцы, анжуйцы, аквитанцы, французы. Разные отряды, разговаривавшие на своих языках, многие из которых с трудом переходили на общепринятый – лингва-франка. Порой между воинами разных народов происходили стычки, да такие, что приходилось вмешиваться госпитальерам и тамплиерам, обязанным следить за порядком в городе. И все же особого напряжения в Акре не замечалось, ибо все крестоносцы вмиг становились единым целым, когда речь заходила о святости их похода.

– Когда же мы выступим? – вопрошали они.

И с нетерпением ждали конца переговоров с Саладином. Но назначенные ранее сроки уже миновали, и люди, томясь в ожидании, слагали песни:

...И впрямь: сарацины нам снова солгали.
Султан Саладин, по коварству натуры
Решив, что за Крест он сдерет с нас три шкуры,
Заложников вновь утешенья лишил
И вновь вместо мира лишь торг предложил.

Эти задержки с выступлением заметно раздражали воинов Христа. Оставалось только надеяться на милость Неба... если не султана. И крестоносцы снова и снова стекались под своды храмов, какие недавно вновь освятили после того, как мусульмане использовали их в качестве мечетей. В Акре оставалось и несколько действующих мечетей для местных жителей-мусульман, но с большей части куполов и колоколен был сброшен полумесяц и вновь водружен христианский крест. И крестоносцы мечтали, что однажды это произойдет в Иерусалиме.

Признаться, Мартину нравились крестоносцы. Когда у людей такое воодушевление, такая вера – в этом есть нечто увлекательное и заражающее. И Мартин всерьез подумывал выступить вместе с ними.

Он размышлял об этом, расчесывая гриву саврасого, когда услышал голос коннетабля Амори позади себя:

– Мессир Фиц-Годфри, вы должны отдать людям распоряжение быть в боевой готовности.

Мартин неспешно обернулся. Амори де Лузиньян, стоявший в проходе конюшни, жестом велел ему приблизиться.

– Довольно вам возиться со своим саврасым, мессир красавчик. Отправляйтесь к воинам. Люди должны быть готовы обнажить оружие уже завтра.

«Мессир красавчик» – этим прозвищем Амори наградил Мартина, и порой тому казалось, что коннетабль не одобряет тот факт, что кто-то, кроме его привлекательного брата Гвидо, может быть так хорош собой. А ведь Мартин, назвавшийся рыцарем Фиц-Годфри, и впрямь

обладал незаурядной внешностью: высокий и гибкий, он был широк в плечах, а в его движениях всегда чувствовалась особая грация сильного животного, не оставлявшая Мартина, даже когда он упражнялся с оружием, обучая пуленов. Его обычно немного замкнутое лицо, отличавшееся красивыми чертами, можно было бы счесть даже смазливym, если бы Мартину не был присущ особый мужской шарм сильного человека, а его выразительные светлые глаза светились на загорелом лице, как яркие голубые звезды. Даже сейчас, будучи растрепанным, он выглядел привлекательным, и его выгоревшие пряди ниспадали на чело и сильную шею чистой густой массой – все знали, что Мартин Фиц-Годфри любил мыться и почти каждый вечер посещал купальню.

– Завтра? – переспросил он, выходя из денника. – Неужели есть вести, что Саладин выполнит условия?

Амори внимательно смотрел на капитана своих пуленов. Амори был представительным мужчиной с коротко подрезанными белокурыми волосами и мощным подбородком. Пожалуй, в чертах его лица угадывалось сходство с младшим братом, но Амори ни на йоту не обладал той утонченной яркой красотой, которой природа одарила Гвидо. Зато в его лице читались решимость и сила, каких начисто был лишен младший из Лузиньянов.

Коннетабль шагнул к Мартину. Он выглядел задумчивым и хмурым.

– Похоже, красавчик, вы с самого утра возитесь со своим саврасым любимцем, если до сих пор ничего не узнали. Порой мне кажется, что вас куда менее интересуют новости о походе, чем последнего из оруженосцев в нашем отряде. Или вы не слышали, что объявили сегодня на мессе? Эта весть оглашалась с амвона во всех храмах Сен-Жан-д'Акры.

Мартин обычно только для вида посещал христианское богослужение. Приемыш еврейского семейства, обучавшийся у ассасинов и посвященный в рыцари германцами, он знал немало постулатов разных религий, но все это смешалось в его голове, и в конечном счете он стал человеком, не верующим в какого бы то ни было Бога. А полная превратностей жизнь научила его, что полагаться следует не на какую-то высшую силу, а только на себя – на свои умения и знания, на свою удачу и людей, которым доверяешь. Но признаться в таком... Нет, он ни при каких обстоятельствах не собирался посвящать в свое неверие Амори де Лузиньяна.

Когда коннетабль удалился, Мартин отправился к своим пуленам и от них узнал новость, которую обсуждали по всей Акре.

– Убить такое количество пленных сарацин? – поразился он, услышав о предстоявшей завтра казни, вопрос о которой будет окончательно решен, если от Саладина не поступит сведений. – Да ведь их более двух с половиной тысяч! Это будет настоящая резня!

– А разве Саладин не приказал казнить наших пленников христиан? – отвечали ему вопросом на вопрос. – И кто из пуленов не ведает, что султан никогда не щадил наших пленников – ни при Броде Иакова, ни при Хаттине. А вы, мессир, как уроженец Аскалона, должны знать, что султан рубил головы христианам перед стенами вашего города, а король Бодуэн лил слезы, видя это, но был не в силах остановить бойню безоружных!

Мартин промолчал. События, связанные с нападением Саладина на Аскалон, произошли тринадцать лет назад – он был тогда еще юнцом. Но пулены, потерявшие все и не забывшие прежних обид, люто ненавидели сарацин. Другое дело, как к упомянутой вести отнесутся крестоносцы. Они носят знак креста и служат Спасителю, который принес в мир милосердие.

Однако особого милосердия Мартин ни у кого не заметил. Укутавшись в накидку, опустив на лицо капюшон, он бродил по Акре, переходя из одной корчмы в другую, прислушиваясь к речам собравшихся на паперти храмов и на улицах, но везде слышал одно и то же: война есть война и Ричарду нет смысла щадить неверных, которые однажды снова могут выступить против него.

– Мы здесь для того, чтобы убивать сарацин, – говорили люди со знаком креста на туниках. – И если более двух тысяч из них можно уничтожить за один день без потери хотя бы одной христианской жизни, это замечательно.

Более двух тысяч жизней!

Мартин ужасался. Ему не впервые было убивать, но он понимал, что, если король Ричард Львиное Сердце запятнает себя подобной массовой казнью, о нем будут говорить как о кровожадном убийце.

Но пока как о кровожадном убийце говорили как раз о Салах ад-Дине. Даже мусульмане на рынках твердили, что султан обесславит себя, если не заплатит выкуп и позволит свершиться казни. И они поднимали голову к небу, следили за полетом голубей, которые то и дело уносились в ставку Саладина с посланием, что крестоносцы не намерены более содержать пленных эмиров. Все понимали, что это означает, все надеялись, что присущие Саладину благородство и великодушие не позволят ему оставить в беде единоверцев. На это же наверняка надеялись и пленники Акры. В тот день их охрана была усилена, вооруженные крестоносцы охраняли подходы к крепости, где содержали в заточении солдат акрского гарнизона, никто не мог передать им весть о решении, принятом главами крестового похода, и сарацины знали лишь то, что время их пленения на исходе. Они тоже молились и даже пели под тяжелыми сводами узилища, радуясь предстоящей свободе.

К вечеру во всех храмах Акры проходили службы. Церкви были полны. Собравшиеся крестоносцы, не сводя глаз с большого распятия над алтарем, пели *De profundis*²¹ о своих врагах, которых завтра будут убивать.

«Лицемеры! – возмущался Мартин. – Они готовы к убийству, хотя их Христос учил: “Не убий”»! Нет, напрасно он проникся к этим людям симпатией. Ему надо было уехать от них при первой же возможности. Может, этой ночью? Но сейчас это особенно опасно, учитывая напряжение, царящее в городе, да и люди султана наверняка патрулируют окрестности. Понимает ли Саладин, что крестоносцы более не намерены играть в навязанную им игру в долгий восточный торг?

– Наши люди готовы проявить себя? – спросил у него коннетабль во время ужина.

Высокий пост Мартина при Иерусалимском короле вводил его в окружение Гвидо, и он нередко присутствовал на трапезе Лузиньянов. В тот вечер мнимый Фиц-Годфри тоже был приглашен в покои короля, где на низких восточных столиках были расставлены всевозможные яства – восхитительный барашек в меду с толченой мятой и мелкими зелеными фигами; рыба под сливками, котлеты из телятины в миндальном молоке, всевозможные фрукты, легкие вина и прохладный шербет. Мартин неспешно пробовал то одно, то другое блюдо, не отвлекаясь на горькие мысли и сомнения, – все же работа есть работа, а убивать ему и раньше приходилось. Правда, никогда не доводилось резать безоружных, причем в таком количестве.

– Они ждут, что принесет им грядущий день, – ответил он коннетаблю, поднося ко рту бокал с разбавленным водой розоватым вином.

Король Гвидо ел с таким же завидным аппетитом. Прожевав кусочек нежнейшего барашка, он сказал:

– Некогда я был пленником султана Салах ад-Дина и знаю, как он умеет извлекать из всего выгоду. И уверен, что султан хладнокровно пожертвовал акрским гарнизоном, чтобы не платить деньги. Наверняка даже объяснил своим приверженцам, что сохранить двести тысяч динаров для них куда полезнее, чем жизнь двух тысяч посрамивших себя в войне с крестоносцами единоверцев.

Лицо Гвидо, который был прекрасен, как златокудрый архангел, при этом оставалось холодным. Видимо, он не забыл унижений, какие перенес в плену у султана. И хотя после

²¹ «Из глубины» – начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающими (*лат.*).

поражения при Хаттине Саладин повел себя благородно, прилюдно усадив его подле себя и во всеуслышание заявив, что «правитель не убивает правителя», на короле Иерусалима остался отпечаток пребывания в плену, когда он едва ли не выполнял обязанности слуги. Гвидо жаждал отмщения. Он хотел показать Саладину, что не только сарацины имеют право проливать кровь иноверцев. Кровь убиенных пару дней назад христианских невольников давала ему возможность отомстить – око за око, как говорится.

– А вы не опасаетесь, что казнь такого количества пленников опозорит крестоносцев и их предводителей? – осмелился все же заметить Мартин.

Оба брата Лузиньяна перестали есть, воззрившись на него.

– Эй, мессир красавчик!.. – стал подниматься со своего места Амори, имея при этом самый грозный вид. – Обожди, брат! – жестом остановил его Гвидо.

Взгляд его золотистых, как светлый мед, глаз неожиданно стал колючим.

– Дорогой мессир Фиц-Годфри, – произнес он своим мягким голосом. – О каком позоре может идти речь, если мы сражаемся с врагами, которые не щадят наших пленных? Но теперь настало время убедиться, что и мы можем быть опасны. Разве худо устроить наших врагов перед наступлением? Вы с этим не согласны?

– Я слишком мелкая фигура, чтобы с моим мнением считались, – опустив длинные ресницы, молвил в ответ Мартин. – И я выполню ваш приказ во всем, кроме одного: я не стану палачом!

Гвидо улыбнулся своей чарующей лучезарной улыбкой.

– Опоясанные рыцари не будут лить кровь. Это дело простых латников, которым хорошо заплатят за работу.

Это было существенное замечание, так как многие из рыцарей, будь то орденские братья или командиры отрядов, решительно отказались рубить беззащитных пленников. И король Ричард это учел.

Когда на другой день сарацин стали выводить за стены Акры, их сопровождали простые крестоносцы, в то время как сидевшие на конях рыцари являли собой заградительный барьер и охраняли место будущей казни. Закованные в кандалы пленники шли в колонне по четыре человека, ноги их были в цепях, они не могли идти достаточно быстро, но это позволяло им рассмотреть множество конных и пеших крестоносцев, заполонивших окрестности у колодцев Телль-Адия. Это открытое со всех сторон место, выбранное для казни несчастных пленников, было последним напоминанием Саладину о том, что с ним больше не станут торговаться. Выстроив пленников перед отдаленными возвышенностями, крестоносцы будто давали сарацинам последний шанс спасти их жизни. И в рядах всадников то и дело слышалось, что вот-вот появятся посланцы Саладина. Всем хотелось в это верить!

Долгий день полз, как улитка. Уже стало вечереть, но жара не спадала, и тем более удивительно было видеть на открытом пространстве вокруг Акры столько выехавших из города северян, облаченных, несмотря на царящий зной, в доспехи. Пленники же все были в легкой одежде, многие даже в шелковых и парчовых халатах, указывающих на их высокий статус. Они тихо переговаривались, обсуждая тот факт, что этим утром несколько наиболее значительных военачальников были увезены в Тир по приказу Конрада Монферратского. Сарацины даже жалели тех, кого забрал грозный защитник Тира... Сами же они пока не сомневались, что Саладин обязательно выкупит тех, кто столь отчаянно удерживал по его приказу Акру у моря.

Сидевший в колонне конников подле Мартина коннетабль Амори заметил по поводу вмешательства маркиза в судьбу знатных пленных:

– Обычно наш горделивый Конрад ссылается на то, что у него нет денег на военную кампанию. Но тут он вдруг нашел серебро, чтобы выкупить знатных заложников. Ох, чуется мое сердце, неспроста он это сделал. Иметь у себя под рукой таких прославленных военачальников... Но в любом случае казна Ричарда пополнилась за счет милашки Конрада – и то добро.

Мартин не ответил. Он испытывал легкое головокружение. Действительность казалась ему то игрой, то кошмаром. Восседая на саврасом в полном воинском облачении, Мартин чувствовал себя не в своей тарелке; его стеганая подкольчужница совсем взмокла, а по спине сбегали струйки пота. Так, должно быть, чувствовали себя и тысячи иных крестоносцев, выехавших и вышедших из Акры, дабы Саладин увидел мощь христианского воинства. Сталь и пыль, а под сверкающими шлемами – мрачные, насупленные лица тех, кто скоро начнет убивать. Похоже, об этом стали догадываться и пленники: они с отчаянной надеждой всматривались в окрестности, но нигде не было ни намека на зеленое знамя Пророка, под которым должны были явиться те, кто заплатит за них выкуп. Постепенно сарацин обуял страх: многие из них стали громко молиться, иные падали на колени, нарушая строй колонны, однако приставленные к ним охранники ударами древками копий вынуждали их подняться и идти к указанному месту.

– Аллах велик! Аллах милосерден! Аллах не оставит правоверных! – порой выкрикивали мусульмане, и в их голосе слышались полные отчаяния истеричные нотки.

Аллах, может, и не оставил, но Меч Ислама и предводитель правоверных явно забыл о своих людях. Пленники стали это понимать.

Все это происходило, когда солнце уже окрасило шафрановым цветом открытую акрскую равнину и заросли на холмах вокруг нее. А до этого, пока солнце нещадно палило окрестности, только небольшие отряды разъезжали по округе и трубили в рога в надежде, что им с минуты на минуту отзовется рог со стороны ставки сарацин. Жара в этот день была удушающей, раскаленный воздух дрожал над округой зыбким маревом. Вокруг царил глухая тишина. Никакого движения, ни одного силуэта, куда ни кинь взгляд. Правда, в это время Ричарду доложили, что из-за акрского залива, там, где располагается селение Хайфа, поднимается темный густой дым.

Лицо короля при этом известии будто окаменело. Его обожженная загаром кожа потемнела – от гнева кровь прилила к щекам.

– Саладин, похоже, сжигает крепости там, где нам предстоит идти походным строем. Значит, ни о каком выполнении договора не может быть и речи. Что ж...

Король Ричард Львиное Сердце проехал мимо огромной толпы пленников. Его белоснежный жеребец Фейвел гарцевал, упруго выбрасывая ноги, алый шелковый плащ короля взлетал и опадал за его плечами. Ричард вздыбил коня на самом краю открытого пространства, огляделся. Тишина, жара, далекие рыжеватые от зноя и пыли возвышенности, откуда так и не пришло никакого известия. И темный дым на мглистом горизонте, где за заливом горели строения Хайфы.

– Да простит нас Всевышний! – прошептал король в кольчужный клапан хауберга, закрывавший нижнюю половину его лица. И вымолвил сквозь сжатые зубы один из постулатов рыцарства: – Должен – значит можешь! Да, он мог! И должен.

Английский Лев медленно вынул из ножен меч и поднял его над собой. Какой-то миг он еще медлил, а потом резко опустил руку с клинком.

И тотчас в лагере крестоносцев заиграло множество труб.

Это был сигнал. И этот громогласный гул больше не умолкал, будто должен был заглушить собой те отчаянные вопли и стоны, что разносились по округе.

Мартин натянул поводья, сдерживая заволновавшегося под ним Персика. Конь рвался, оглушенный и напуганный как криком, так и волной отчаяния, которая мощным потоком хлынула на окружавших короля Гвидо рыцарей. Они стояли в оцеплении, но не могли не видеть, как снопами падают пронзенные стрелами пленные воины Акры, как в панике они пытаются бежать, но, скованные цепью, валят своих же товарищей, перекатываются, барахтаясь в пыли, вызывают к Аллаху, пока на них не опускаются острия мечей и копий крестоносцев, разящие, пронзающие насквозь, отсекающие конечности тех, кто пытался сопротивляться. В отчаянии мусульмане хватались прямо руками за смертоносную сталь, вопили, визжали, умоляли... Пощады не было.

Мартин, стараясь не смотреть на резню, поднял глаза к яркому закатному небу. Со стороны казалось, что рыцарь Фиц-Годфри упоенно читает молитву. Но он просто не хотел видеть... Он даже не отдал своим людям приказ броситься на группу сарацин, которые, надеясь вырваться из адского круга смерти, попытались бежать мимо их оцепления. Однако пулены сами наскочили на сарацин, ослепительно сверкала сталь, отсвечивая кровавым отблеском в закатных лучах, фонтанами брызгала темная кровь, слышались стоны и вопли... ощущался запах крови...

Оказалось, что люди Саладина все же наблюдали за казнью единоверцев, – вскоре послышались их тонкие протяжные выкрики, из зарослей на ближайшем холме выехали конники с обнаженными для удара саблями. Послал ли их сам султан или просто велел наблюдать за происходящим? Или не выдержали их души при виде бесславной кончины тех, кто столько времени отважно оборонял Акру? В любом случае всадники приближались, и их надо было остановить.

Мартин даже почувствовал облегчение, когда понял, что напряжение можно снять настоящей схваткой, а не резней безоружных. Громко отдав приказ и на ходу выхватив меч, он послал коня вперед. Враги приближались, он даже различал их темные, оскаленные в ярости лица под тюрбанами, видел поднятое оружие. Их было довольно много... Но об опасности он не думал. Главное сейчас – сорвать на ком-то свое напряжение, убивать, зная, что имеешь дело с равным противником... И первый же удар, каким он сразил несущегося на него всадника, вырвал из его груди ликующий крик отчаянного торжества...

– Ты хорошо поступил, успев предотвратить нападение сарацин, мессир красавчик, – заметил ему позже Амори.

Был уже вечер, они с коннетаблем опять находились в конюшне, и Мартин с усердием чистил потемневшие от пота и потоков чужой крови бока саврасого. Амори стоял у заграждения денника, облокотившись на деревянное перекрытие, и говорил о всякой всячине: о том, что Ричард отправил из Акры в Антиохию отряд шотландцев, дабы те до будущей Пасхи охраняли владения князя Боэмунда; о том, что это расстроило его сестру Иоанну куда больше сегодняшнего кровопролития, ибо с отрядом защитников Антиохии уехал и ее любимчик Осберт Олифард. Но, возможно, Ричард специально усладал этого пригожего светловолосого парня, потому что слухи о предпочтении к нему вдовствующей королевы Сицилийской уже расходятся среди крестоносцев, как круги по воде. Поведал Амори и о том, как во время резни отличился родич Ричарда Обри де Ринель, который так и бросился на пытавшихся прорваться сквозь оцепление неверных и колот их пикой, пока та не стала настолько тяжела от нанизанных на нее тел, что Обри едва не рухнул с коня под ее тяжестью. А еще сказал о том, что Мартин Фиц-Годфри обратил на себя особое внимание Ричарда: если бы не его стремительная атака, орденским братьям пришлось бы туго. Аскалонец успел сдержать курдскую конницу Саладина еще до того, как ему на помощь подоспели люди бургундского Медведя и отчаянного храбреца Жака д'Авена...

– Да ты слушаешь меня, мессир красавчик? – спросил Амори, заметив, что Фиц-Годфри не обращает внимания на его слова и ведет себя так, будто, кроме лоснящейся под скребком кожи саврасого, его ничего не интересует. – Я мог бы представить тебя пред очи английского Льва, а это и награда, и ощутимое пополнение твоего тощего кошелька.

– Благодарю, ваша светлость, – ответил Мартин, откинув упавшие на глаза пряди, и коннетаблю показалось, что его голубые глаза светятся во мраке, как два светляка. – Благодарю, но слишком устал, чтобы в данный момент думать о почестях.

Амори слегка кивнул, запустил пятерню в свои светлые взъерошенные волосы. Да, конечно, он все понимает.

Более двух с половиной тысяч трупов остались лежать на равнине под Акрой на поживу стервятникам, когда отряды христиан, уставшие и словно оглушенные, покидали побоище этой

новой страшной Голгофы... Амори сам провел остаток дня как во сне. Но он воин, он сражается за эту землю. Хотя и понимает тех участвовавших в казни солдат, что ныне стоят на коленях перед своими крестообразными рукоятями и поют об убиенных врагах слова зауспокойной молитвы.

Амори прокашлялся.

– Ты пойми, красавчик, иначе нельзя было поступить. Ни отпустить, ни продать сарацин мы не могли. А тот, кто был ответственен за их освобождение, я имею в виду Саладина...

– Вы слишком добры ко мне, мессир, раз объясняете все это.

– Я не тебе объясняю – себе!

Они помолчали. И пока Мартин, оставив коня, вытирал руки влажной ветошью и собирал свои вещи, Амори протянул руку, желая погладить саврасого, но тот прижал уши и, сердито фыркнув, резко вскинул голову.

– Ишь какой дикарь, клянусь копьем Господним! А ведь к тебе ластится, будто котенок. Умеешь же ты располагать к себе, Мартин, и тварей... и людей. При этом будучи таким скрытым молчуном. Вон наши солдаты в тебе души не чают, уважают. Да и я болтаю тут с тобой...

Мартин повернулся, посмотрел на Амори. Вот сейчас он скажет, что собирается покинуть Лузиньянов. То, что свершилось сегодня, – подходящий повод, чтобы сказать, что он отказывается от службы.

Но он не успел, ибо Амори сообщил:

– Через пару дней наше войско выступает. И ты теперь особенно нужен нам – мне и Его Величеству моему брату. Гвидо даже больше, поскольку сегодня король Ричард распорядился, чтобы я остался в Акре в должности коменданта, обязанного охранять город. А Гвидо... Подле него должен находиться человек вроде тебя. У нас не такое большое войско, и в нем найдется не более двадцати человек, знающих грамоту; еще меньше таких, которые умеют думать, планировать и вести вперед. А ты можешь, тебя послушают. Поэтому мой наказ таков: оставайся при Гвидо, будь его военачальником и советником.

Мартин только моргнул. После такого предложения говорить о своем отъезде весьма опасно. Крестоносец, да еще хорошо зарекомендовавший себя, вызовет подозрения, если начнет говорить, что устал и желает оставить войско... Амори не так доверчив, чтобы не начать вызнавать, отчего безземельный рыцарь Мартин Фиц-Годфри отказался от почестей и высокого положения. Не может же он сожалеть об убитых врагах! Пулены ненавидят сарацин, а Фиц-Годфри без своего покровителя Гвидо к тому же нищ и неприкаян. Даже если он постарается тайно покинуть воинство христиан, его будут искать, потребуют, чтобы вернулся, а то и обвинят в дезертирстве и казнят. Проклятье! Кажется, он не на шутку влип, так что его отъезд придется отложить до более благоприятного момента.

И Мартин, с трудом выдавив улыбку, принялся благодарить коннетабля за оказанную честь.

Тот похлопал его по плечу и направился к выходу. Но уже на пороге конюшни оглянулся и заметил, что Мартина разыскивает некий рыжий верзила. Тот явился сегодня ближе к ночи в резиденцию Лузиньянов, стал расспрашивать.

«Эйрик! Мой славный приятель Эйрик!» – обрадовался Мартин. Ну хоть одна хорошая новость сегодня!

И Мартин поспешил в привратническую, где раздавался бас его рыжего друга, о чем-то беспечно болтавшего с охранниками.

Глава 3

Мартин знал Эйрика сызмальства. Этот здоровенный рыжий норвежец, потомок викингов, беспечный, как подросток, и в свои сорок лет, был к тому же язычником, посмеивающимся над верованиями христиан. Зато он свято чтит старые легенды предков далекой родины и, возможно, поэтому смотрел на мир с неким присущим северянам бесстрашием и легкостью, отмахиваясь от многих условностей.

– Клянусь молотом Тора громовержца!²² – воскликнул он, выслушав причины, по которым Мартин отказался сразу же покинуть с ним Сен-Жан-д’Акр, намекнув, что их просто примут за дезертиров и будут преследовать. – Чего нам бояться этих парней с крестами, малыш, когда мы выкручивались и не из таких передраг?

«Малышом» Эйрик называл приятеля всегда – с тех самых пор, как по приказу главы еврейской общины Ашера бен Соломона привел к нему маленького белокурого сироту, из которого потом по воле Ашера сделали лазутчика и превосходного воина, не раз спасавшего гонимых евреев от погромов и преследований.

Мартин откинул упавшие на глаза пряди и вздохнул. Хорошо быть таким, как Эйрик, – ни в чем не сомневающимся, не знающим угрызений совести, идущим по жизни широким шагом, не замечая тех, через кого перешагнул по пути, – поверженных противников, оставленных женщин, разбросанных по всему миру собственных детей, прежних друзей... Хотя друзьями Эйрик старался себя не обременять. Благодаря его общительности и добродушию люди сразу испытывали к рыжему норвежцу расположение, доверяли ему, делились с ним, восхищались его немалой силой и умением остроумно пошутить, рассмешить. Вот и среди людей короля Гвидо верзилу Эйрика сразу же приняли с радушием, и никто не спорил, когда их новый главнокомандующий Мартин Фиц-Годфри взял того к себе в знаменосцы.

И все же Эйрику не нравилось, что они остаются.

– Зачем тебе это, ради самой злосчастной из норн, плетущих наши судьбы?²³ Захотелось пощеголять во главе отряда с собственным гербом на знамени? Эка невидаль – ветка оливы! Напомню, что все это не твое, малыш, ты это присвоил незаконно, и если вдруг кто-нибудь разведает...

– Таковых нет. Вся родня настоящего Мартина Фиц-Годфри давно в земле, да и из Аскалона после «милостей» Саладина к сдавшимся здесь, в Леванте, не осталось никого, кто бы мог узнать бастарда какого-то давно почившего рыцаря.

Они разговаривали с Эйриком в таверне богатого генуэзского подворья в Акре, куда зашли под вечер после того, как Мартин управился с кучей дел, какие надлежало выполнить командиру перед началом похода. Крестоносцы выступали уже завтра на рассвете, и Эйрик все не мог уразуметь, зачем его приятель ввязался в это дело. Но Мартин и не спешил открывать перед приятелем-язычником душу: не пояснять же, что он несет ответственность за тех, кого обучал все это время, и что он не может так просто предать возвысивших его Лузиньянов. Да и вообще, момент, когда он мог беспрепятственно уехать, уже миновал, что бы ни думал по этому поводу беспечный Эйрик.

– Я уже принял решение, рыжий, и довольно об этом. Но тебе необязательно ввязываться со мной в эту авантюру. Что, остаешься? Вот и славно. А теперь повтори мне свой рассказ, как вы доставили госпожу Сарру и ее семейство в Антиохию.

Эйрик пожал огромными плечами и, отхлебнув из кубка, снова поведал о том, как они выехали из Акры на галере венецианцев, как в тот же день добрались до Тира, но там им при-

²² Тор – в скандинавской мифологии бог грома и молнии.

²³ Норны – в скандинавской мифологии богини пряхи, плетущие нить людских судеб.

шло на некоторое время задержаться из-за всяких проволочек местных властей, жадных до взяток. К тому же море стало штормить, отчего осторожный Сабир решил не рисковать судьбой вверенных ему людей. Зато когда были улажены все дела и установилась подходящая погода, они поплыли напрямик в Антиохию. Там Сарру бат Соломон давно ожидал сын ее брата, молодой Иосиф бен Ашер. Юноша радушно встретил тетку, устроил ее с детьми в безопасном месте, где они и передохнули, пока Иосиф завершил в Антиохии какие-то торговые дела. Госпожа Сарра была просто счастлива, что избежала опасности и теперь поплывет к родне в Никею, а вот Эйрик, едва убедившись, что родичам их нанимателя Ашера ничего не угрожает, тут же сообщил Иосифу, что вернется за Мартином. Ох, как же он переживал за малыша! Это Сабир, их приятель и третий из наемников Ашера, настаивал, чтобы Эйрик сопровождал и охранял с ним Сарру до самой Никеи в византийских владениях. А вот Иосиф, с которым Мартин был дружен с детства, понял тревогу Эйрика и не стал его задерживать. Молодой еврей ведь тоже волновался за Мартина, особенно после того, как они с Сабиром повели, как парня едва не схватили люди жестокосердного маршала де Шампера. Вот Иосиф и отпустил Эйрика в Акру, справедливо полагая, что для безопасности в пути им хватит и Сабира – ловкого и опытного воина-сарацина. При этом рыжий с некоторой долей ехидства заметил Мартину: уж Сабир не упустит возможности в Никее доказать Ашеру, что именно он сделал для родни их нанимателя, умалив тем их с Мартином заслуги.

Мартин только усмехнулся – стычки Эйрика и Сабира были для него не внове. Простодушного норвежца раздражала скрытность Сабира, а может, он в глубине души понимал, насколько Сабир, умный и изворотливый, превосходит его самого – простодушного рыжего великана. Но Мартин не стал упрекать Эйрика в злословии, особенно когда слушал, как не просто тому было на пути в Акру: и разбойники на него по дороге напали, и патрулирующие отряды во владениях Антиохии задержали, якобы для проверки, а на деле для того, чтобы вытрясти из него плату за проезд без подорожной грамоты. Подобное случилось и позже, когда его на подступах к Тиру задержали разъезды храмовников, которые были недоверчивы до ужаса, ворчал Эйрик. Эти не так уж платы добивались, сколько дотошно выясняли, кто он и откуда. Вот и пришлось рыжему орать на все побережье и клясться их Христом, что он просто едет на священную войну, чтобы убить как можно больше сарацин. И доказал-таки, что подобные ему воины нужны в славном воинстве крестоносцев.

А потом он приехал в Акру, кинулся к дому Гвидо де Лузиньяна и узнал, что малыш Мартин стал у крестоносцев значительной особой, да еще и собирается ехать воевать с ними против Саладина.

– Умом от всего этого можно тронуться, клянусь молотом Тора! – нервно подергивая за одну из своих височных косичек, проворчал Эйрик. – Я-то, почитай, спасти тебя спешил, а ты... Зачем тебе возиться с крестоносцами, когда тебя ждет не дождется твоя красотка Руфь?

При этом имени сердце Мартина невольно дрогнуло. Руфь! Нежная еврейская красавица, со смуглым личиком в форме сердечка и кудрявыми, как виноградные листья, иссиня-черными волосами. Он так тосковал по ней! Но главное, что там, где жила она, находились и близкие Мартину люди – старина Ашер, его добрая и приветливая жена Хава, их дети, с которыми он был дружен. Дом, в котором он мечтал осесть после всех треволнений своей бурной жизни. Покой... Но хотел ли он ныне покоя, когда его захлестнула и увлекла волна крестового похода?

Эйрик же по-своему истолковал его молчание и хитро подмигнул:

– А может, ты позабыл о своей невесте после того, как тебя приласкала кузина короля Ричарда?

Он говорил о Джоанне, приходившейся дальней родственницей Ричарду Английскому. Но Мартин только поморщился при упоминании о ней.

– Дело в другом, приятель. Ты сам говорил, что достопочтенный Ашер бен Соломон, как сообщил Иосиф, ныне отбыл в Фессалоники. А без его слова я не смогу жениться на Руфи. Зна-

чит, пока мне спешить некуда. Я люблю юную еврейку, хочу на ней жениться, она это знает... О, она соблазнительна, как райский плод, она сама тянется ко мне, и, признаться, мне будет спокойнее, когда я смогу обнять ее, уже имея на это разрешение от ее отца. Поэтому моя задержка тут особой роли в нашей с Руфью судьбе не сыграет. Ну а пока... Нет, дружище, пока я не могу уехать. Это будет слишком не вовремя.

И Мартин снова стал объяснять, какие подозрения вызовет внезапное исчезновение командующего отрядами короля Гвидо, его могут искать, снарядят погоню...

– Ладно, – махнул рукой Эйрик. – Если ты остаешься, то так тому и быть. Однако и я останусь с тобой. Знаешь, малыш, ты порой выглядишь будто замороженный, но голова у тебя горячая, и мысли в ней роятся беспокойные. Поэтому я хотел бы быть рядом, чтобы присмотреть за тобой, а то и усмирить, когда надо будет образумить тебя, даже против твоей воли, если зайдешь слишком далеко.

Мартин засмеялся. Вот какая заботливая у него нянька! А ведь обычно именно Мартин слыл куда более рассудочным и серьезным, а Эйрика всегда тянуло на самые безумные предприятия и опасные затеи.

Зная Эйрика, Мартин не удивился, что его рыжий оруженосец быстро проникся идеей похода. Правда, тот зевал, когда перед выступлением воинства была совершена торжественная месса и все крестоносцы молились, опустившись на колени перед крестообразными рукоятками своих мечей, но едва зазвучали трубы и воины стали садиться на коней, рыжий сразу воодушевился. К тому же Эйрика поразило, как вдохновляет воинов Христа появление прославленного Ричарда Львиное Сердце.

– Клянусь своей рыжей шевелюрой, эти парни с крестами просто боготворят Плантагенета! – восклицал Эйрик, проезжая мимо группы блестящих всадников, наблюдавших, как длинная колонна армии покидала Акру.

Ричард сидел на своем белом скакуне Файвеле, увенчанный короной шлем оставлял открытым его мужественное лицо, и было видно, что Львиное Сердце улыбается. Он то и дело приближался к кому-то из проходивших мимо крестоносцев – как рыцарей, так и простых воинов, – хлопал кого-то по плечу, с кем-то обменивался шуткой, еще кому-то помогал успокоить встревоженного коня. Серебристая броня короля мерцала в лучах восходящего солнца, и он весь казался сверкающим. Люди, еще пару дней назад такие мрачные и угрюмые после резни пленников – многие в эти дни молились и каялись, другие пили, иные по-прежнему со злым упорством отмечали, что иного выхода у них не было, – сейчас начали улыбаться и верить в победу при одном виде своего знаменитого короля-победителя.

Многие громко пели:

Идем с мольбой мы за тобой.
Наш крест и меч едины!
Веди с собой нас в бой, герой,
В пределы Палестины!

Сидевший подле Ричарда епископ де Бове, облаченный в доспехи, сурово заметил, что, отправляясь на священную войну, крестоносцы должны петь псалмы, а не залихватские песни. Но Ричард только засмеялся.

– Пусть поют, если это тешит их душу!

Он всегда хорошо чувствовал настроение своих солдат.

Гарцевавший подле Мартина Эйрик тоже был воодушевлен.

– Красиво выступаем, клянусь памятью предков!

Мартин молчал. Это только начало. Война куда страшнее того, что так любят в ней рыцари, – рыцарского великолепия, желания совершать подвиги, проявляя отвагу. Но пока

войско выступало во всем блеске: развевались знамена, вышагивали, поднимая пыль, тысячи и тысячи ног, гарцевали конники, сверкали на солнце доспехи рыцарей, звучала громкая музыка, бой барабанов и переливы флейт. О, мусульмане должны понять, какая сила на них движется! Пусть же поспешат доложить об этом своим командирам, а тех и Аллах не спасет!

Крестоносцы двинулись вдоль береговой линии, по дороге, проложенной еще римлянами. Вскоре армия миновала речку Вилу. Солнце поднималось, становилось все жарче, легкий бриз с моря почти не приносил облегчения, но все же, не будь рядом водной стихии, воины могли бы просто утонуть в собственном поту. Несмотря на то, что крестоносцы переняли у сарацин обычай носить поверх шлемов льняные куфии²⁴, на их запыленные лица струйками стекал пот, заливал глаза. И все-таки даже речи не могло быть о том, чтобы обнажить голову. Все понимали – враг может появиться в любой момент, многие уже заметили на возвышенностях слева от колонны то и дело появлявшихся всадников, пристально следивших за длинной стальной змеей армии. Пока мусульмане не спешили приблизиться, и лишь издали проносились по склонам кони, мелькали бедуинские куфии, харранские чалмы, туркменские тельники. Но через какое-то время всадники стали тревожить арьергард крестоносцев осиным роем стрел, и люди заволновались, кто-то вскрикнул, где-то встала на дыбы и заржала раненая лошадь.

И тут Мартин с Эйриком смогли убедиться, насколько точными были приказы Ричарда, как беспрекословно они выполнялись.

Колонна крестоносцев была выстроена так, что рыцарская конница – гордость и основная сила франкских рыцарей – двигалась в окружении пехоты и лучников. И как только начался обстрел, пехотинцы загородили конников и обозы своими огромными щитами, а лучники, укрывшись за ними, стали посылать ответные стрелы. Тетивы звякали повсюду, рой стрел уносился в сторону сарацин, а те все кружили, явно рассчитывая, что конные рыцари ответят на их атаку и выедут с копьями наперевес, как бывало в прежних кампаниях. Но ничуть не бывало! Конники не нарушали строй, а выпустившие свой заряд лучники отступили, дав сделать очередной выстрел тем, кто уже ожидал со стрелой на тетиве. Ожидали своей очереди и арбалетчики. Но их болты стоили дорого, и было решено, что арбалетчики проявят себя только в самом крайнем случае. Впрочем, это пока не понадобилось. Не в силах разорвать колонну, легковооруженные сарацинские конники, обстреливаемые без передышки, предпочли отступить. Над войском крестоносцев прогремело гордое «Ура!».

Да, кампания была продумана основательно. Крестоносцы показали себя во всем блеске: неразберихи, присущей войску, набранному из крестьян и домашних слуг, тут не было, командиры исправно выполняли приказ не размыкать строй и продолжать продвижение. И это несмотря на то, что многие почувствовали на себе меткость сарацинских лучников. Но добротные доспехи уберегли их от ран, и солдаты продолжали идти, утыканные стрелами, точно дикообразы. При этом они пели:

Когда труба зовет в поход, Не время для утех.

Иерусалим нас всех зовет!

Наденем же доспех.

Мартин ехал в колонне на саврасом. Он был облачен в прочный кольчатый доспех и шлем-топхельм, закрывающий голову до плеч и покрытый бело-зеленой куфией, которая защищала от перегрева; его длинная котта поверх доспеха была светлой, а на груди красовался герб Фиц-Годфри – оливковая ветвь, а также герб Иерусалимского королевства – большой червлёный крест, окруженный четырьмя малыми крестами. Королю Гвидо в этом походе было позволено идти под знаком Иерусалимского королевства.

²⁴ Куфия – полотняный покров, который носили поверх головного убора, дабы защититься от солнца.

Гордый, что его титул в походе все же признали, Лузиньян ехал, окруженный своими щитоносцами и сержантами; над ним трепетал шелк развернутых знамен. Но поручено ему было не самое опасное место в колонне – со своими отрядами он должен был охранять двигавшийся ближе к берегу моря обоз с кухней, пожитками и палатками для стана. По приказу Ричарда под командованием Гвидо де Лузиньяна находились его земляки, рыцари из Пуату, пехотинцы и лучники, а также сирийские бароны Иерусалимского королевства: облаченный в новенькие доспехи юный мечтатель Онфруа де Торон, принц Юг Антиохийский, граф Реджинальд Сидонский и прославленный Балиан Ибелин. Последний был не очень доволен тем, что оказался под командованием Гвидо, и держался от него в стороне. Такое неприязненное отношение знаменитого защитника Святого Града смущало Гвидо и держало его в напряжении. Ему казалось, что он даже через свой покрытый голубой куфией шлем чувствует на себе недвольный взор Ибелина, вынужденного подчиняться ему.

– Как думаешь, будет он покорен? – обратился Лузиньян к ехавшему рядом с ним Мартину. – Согласится ли вновь видеть во мне иерусалимского повелителя?

Мартин только пожал плечами. Это не его забота. Его куда больше интересовало, как проходит сам поход, восхищала выдержка и дисциплина крестоносцев. Даже хотелось верить, что все споры и интриги между главами армии не скажутся на ходе военных действий.

Армия двигалась вдоль побережья, растянувшись вереницей на несколько миль. Справа было море, слева – горы, где укрывшиеся мусульмане наблюдали за ее передвижением. В авангарде воинства двигались отряды тамплиеров в их белых плащах. Для Мартина немалое значение имело то, что его недруг де Шампер все время оставался среди своих рыцарей, охраняя Босеан – черно-белое знамя ордена Храма, – а это значило, что он без особой нужды не будет покидать свое место во главе колонны, так как магистр де Сабле, опытный флотоводец, находился не в войске, а на одном из кораблей идущей параллельно берегу флотилии. Это мерное движение судов подле марширующего войска было задумано Ричардом: флот должен был постоянно сопровождать сухопутные силы, держась у берега и тем самым прикрывая правый фланг колонны с моря на случай, если появятся суда Саладина.

Сразу за тамплиерами ехал и сам Ричард со своими вассалами из Англии, Нормандии, Аквитании, Анжу и Бретани – огромное войско, всецело преданное своему королю-паладину. Из этой массы Львиное Сердце выбрал небольшую проверенную группу воинов, и легкий летучий отряд короля оказывал помощь там, где это было нужно. Воины то и дело оставляли голову колонны и проносились вдоль всего строя, выявляя, где возникли те или иные проблемы.

В центре колонны крестоносцев двигались отряды короля Гвидо и его сирийских баронов. За ними следовали французы и бургундцы, возглавляемые Медведем Гуго и молодым Генрихом Шампанским. С ними был и любимец войск – веселый пьяница Жак д'Авен; правда, в походе он напрочь забыл о своем пристрастии к вину, и его колонна была одной из самых образцовых. В арьергарде же, защищая войско с тыла, двигались облаченные в черные накидки с белыми крестами силы ордена госпитальеров во главе с магистром Гарнье де Неблусом. С ними были и туркополы – мусульманские воины, оставшиеся служить христианам, а также лазариты, – и Мартину было спокойнее от мысли, что они находились далеко от него и он мог не опасаться быть узнанным кем-то из них.

В полдень был дан приказ разбить стан. Войско остановилось, обозные латники и оруженосцы стали растягивать на шестах тенты, под которыми рыцари и солдаты могли укрыться от палящих лучей и перекусить. Только пехота, устроившись за поставленными вертикально щитами, продолжала следить за отдаленными возвышенностями, опасаясь возможного нападения сарацин.

Король Гвидо, едва его нагретые доспехи облили морской водой и в тень под навесом принесли блюдо со свежими фруктами, неожиданно стал выражать неудовольствие оттого, что Ричард велел сделать привал, когда они прошли так мало.

Мартин взглянул на этого красавца с мокрыми обвисшими локонами с легким раздражением.

– Ваше Величество не должны говорить так. Ричард хорошо запомнил урок битвы при Хаттине. – Мартин намеренно не назвал Хаттинскую битву поражением, дабы не унижать Гвидо. – Ричард прекрасно понимает, что его армия будет страдать от палящего августовского зноя, поэтому, щадя своих воинов, повелел двигаться только в утренние часы, до наступления жары. Флот будет поставлять нам все необходимое на лодках, а темп, устраивает вас это или нет, будет задавать пехота. Так что поход предстоит долгий и мерный. К тому же, несмотря на свою легендарную отвагу, Ричард Львиное Сердце – осторожный полководец. Он во что бы то ни стало хочет сохранить армию, не доводя ее до истощения долгими маршами под солнцем.

Это как раз было то, чего не придерживался в свое время Гвидо, когда четыре года назад гнал армию в пустыню Хаттина на смерть по жаре и в полном безводье. И Гвидо смутился, опустил голову.

– Я вздремну немного, – произнес он и, закинув руки за голову, растянулся на попоне под тентом.

Мартин расположился в стороне, глядя на покачивающиеся неподалеку большие суда крестоносцев. На время стоянки на кораблях опустили паруса, и их корпуса слегка покачивались на синей глади моря. Ветер... Ветер был горяч, как густая нуга... Мерное покачивание кораблей навевало сон...

То, что он тоже задремал, Мартин понял, когда вокруг поднялась суматоха. Резко вскочив, он увидел вскочоченного со сна Эйрика, подбежавшего к нему.

– Нападение в конце колонны!

Там действительно что-то происходило, клубилась пыль, слышались выкрики и звуки труб, раздавался пронзительный сарацинский визг, громкое ржание лошадей. Расстояние не позволяло рассмотреть, в чем дело, но приказа поспешить в конец колонны на помощь не поступило, хотя Мартин и Эйрик из-за щитов видели, как мимо войска стремительно пронесся со своей группой рыцарей король Ричард.

Позже им все поведали. Оказалось, что большой отряд сарацин напал на рыцарей Госпиталья в арьергарде. Причем мусульмане не столько стремились схватиться с самими госпитальерами, сколько разили стрелами пасшихся в стороне от воинского стана коней. Госпитальеры остались в строю, закрывшись щитами и отстреливаясь, однако бургундец Медведь не мог видеть, как гибнут прекрасные, ни в чем не повинные животные, и велел своим воинам наскочить на сарацин. И тут же возникшие будто ниоткуда мамелюки Саладина напали на них. В результате они едва не пробили строй колонны, но вовремя подоспевший Ричард сумел отбить атаку и удержать бургундцев, рвущихся преследовать сарацин. А еще донесли, что в схватке королю очень помог некий рыцарь, который, когда Ричард приказал тому открыть лицо, оказался врагом английского короля Робером де Бретейлем.

– И как Его Величество отнесся к тому, что встретил своего врага-француза? – спросил Гвидо.

Оказалось, что восхищенный мужеством де Бретейля, который отчаянно сражался с набегчиками, Ричард просто обнял его и попросил забыть старые обиды. Даже взял его в свой летучий отряд рыцарей, ибо столь искусные воины нужны английскому Льву.

Когда солнце стало садиться и жара немного спала, колонна христианского войска продолжила свой путь вдоль моря. По рядам передавали горькую весть о том, что сарацины убили более сотни прекрасных лошадей. Король Гвидо, знавший обычаи сарацин, был озадачен; он не понимал, отчего мусульмане, сами любители этих благородных животных, вдруг стали убивать их, причем в таком количестве.

– Если Ваше Величество позволит, у меня есть кое-какие соображения на сей счет, – сказал Мартин, закупоривая небольшую флягу с водой, из которой только что отпил, – несмотря

на вечернюю пору, жара не переставала донимать, в горле першило от песка, говорить было трудно. – Сарацины понимают, что без своих скакунов рыцари не представляют в бою такую опасность, как тяжеловооруженный конник. Когда наши доблестные воины выстраиваются в полный боевой порядок и колено к колену несутся лавиной, никто и ничто не в силах противостоять их атаке. Без своих же скакунов рыцари превращаются в обычных пехотинцев. К тому же в пустыне и на жаре непросто сражаться в пешем строю в рыцарских доспехах и с тяжелым боевым вооружением. Так что, приказав убивать наших коней, Саладин тем самым подготавливает себе победу.

– Какое простое и верное объяснение! – отметил Гвидо. Он ласково потрепал своего рыжего скакуна по вспотевшей гриве. – Я бы был огорчен, лишившись моего красавца. Но, знаете ли, мессир Фиц-Годфри, вам бы следовало сообщить о своих рассуждениях королю. Решено! Я возьму вас нынче с собой на совет в палатку Ричарда Английского!

«И там я обязательно столкнусь с маршалом тамплиеров!» – опешив, подумал Мартин.

Он немного помолчал, чтобы Гвидо подумал, что его аскалонец просто онемел от перспективы предстать перед самым главой похода, но потом осторожно заметил: Ричард Львиное Сердце скорее прислушается к этим доводам, если ему сообщит их сам Гвидо Иерусалимский, а не кто-то из свиты.

Лузиньян не стал спорить. А поздно вечером, вернувшись с совета, поведал, что после его высказывания насчет убийства лошадей король Ричард похвалил его за смекалку. Отныне животных будут пасти только под присмотром стрелков, да и в колонне их будут оберегать, прикрывая щитами. Плантагенет даже заявил, что нет худа без добра: учитывая нехватку свежего мяса, крестоносцы наконец получили большое количество конины. Правда, по такой жаркой погоде мясо быстро портится. Но оказалось, что конину успели съесть еще до того, как появился душок, а сами крестоносцы были довольны обильной кормежкой. Но, опять-таки, среди пыли и жары это привело к тому, что у многих случилось расстройство. То и дело какой-нибудь воин или рыцарь выбегал из строя, на ходу распуская завязки штанов, но едва они удалялись от стальной колонны войска, как их начинали разить стрелами. Ричард отправлял своих быстрых рыцарей, чтобы те загнали обмаравшихся крестоносцев обратно в строй. А иногда доходило до смешного: приходилось охранять тех, кто справлял нужду в какой-нибудь ложбинке или среди песчаных дюн.

Однако смешного для крестоносцев в этом было немного. Смерть настигала их везде, обстрелы держали войско в постоянном напряжении, особенно учитывая, что никто не ведал, где и когда вновь появятся конные сирийские лучники. Мусульмане с возвышенности наблюдали за продвижением колонны христианского войска вдоль береговой линии, их атаки следовали одна за другой, а с наступлением темноты даже участились. Многие крестоносцы были убиты, несмотря на ответные выстрелы лучников, раненых едва успевали отправлять в лодках на корабли. Однако те из воинов-христиан, какие были ранены легко, предпочитали оставаться в строю, как бы туго им ни приходилось. И по-прежнему двигались единой сплоченной массой, не поддаваясь на уловки людей султана разбить их колонну или быть увлеченными в атаку. Приказ Ричарда о единстве войска оставался незыблемым, и каждое из трех подразделений войска – авангард, центр и арьергард – по-прежнему представляли собой единое целое, но при этом могли самостоятельно действовать, подчиняясь своему командиру, если того требовали обстоятельства.

– Ну что, ты еще не пожалел, что отправился с крестоносцами на отвоевание пустой гробницы в Иерусалиме? – как-то спросил Мартина подъехавший к нему на марше Эйрик.

Мартин смолчал и оглянулся. Колонна крестоносцев медленно брела в полном облачении вдоль береговой линии. Солнце палило нещадно, доспехи раскалялись на воинах, а под ними еще были стегачи, подбитые льняной прядью, – иначе они не смогли бы противостоять стрелам сарацин, которые то и дело сыпались на колонну крестоносцев. Да, доспехи спасали им

жизнь, но и делали ее в этом удушающем климате нестерпимой. Даже бриз с моря не приносил облегчения закованным в сталь людям. Обвисшие знамена, унылые лица, неспешный шаг пехотинцев, к которому принаравливались конники на понурых в этой духоте потных лошадях. Тяжелый путь. И все же никто не жалел, что участвует в этом марше. Крестоносцы даже порой начинали петь, убыстряя шаг.

Мартин вспомнил вчерашний вечер, когда после изнурительного дня рыцари разбили стан у моря, пройдя совсем немного, ибо Ричард, как и ранее, не хотел доводить людей до изнеможения. И вот, когда были расставлены палатки, но обессиленные люди еще не отправились на покой, священники провели вечернюю мессу. Они обходили отряды, а герольд возглашал на весь лагерь: «Господи, помоги Гробу Твоему!» Трижды взывал он к Богу, и все войско повторяло эти слова, возведя к небу глаза и руки. А после молитвы утомленные крестоносцы даже повеселели, будто вновь обрели надежду, и не было слышно никаких жалоб.

Мартина это упорство воинов-христиан поражало... но и восхищало. Когда перед сном многие хором запели псалмы, у него даже ком подступил к горлу. Откуда в них столько веры? Неужели эта вера в распятого сына плотника дает им силы? Восторгаться ли этими упорными людьми или иронизировать по поводу их убежденности в том, что у них есть дело, ради которого не жалко и жизни? «Спасение души» – так говорят священники. Но Мартин думал, что это всего лишь приманка для доверчивых. Однако же эта приманка превращала измученных людей в образцовое, дисциплинированное, непобедимое воинство.

И снова изнурительный марш, обстрелы, кровь, гибель, тепловые удары. Что касается короля, то он, как и ранее, в минуты опасности проносился со своим отрядом вдоль строя, успевал везде дать отпор, сохраняя войсковую колонну в движении, несмотря ни на что. Ричард поспевал везде, и люди с гордостью говорили, что английский Лев встает первым и ложится спать последним. Мартин даже гадал, спит ли он вообще? Но не восхищаться королемпаладином он не мог.

Наконец через четыре опасных, утомительных, непривычно жарких для франков дня их медлительное, но не утратившее боеспособности войско дошло до Хайфы, вернее, до руин, оставшихся от нее после приказа Саладина разрушить поселение. Здесь король Ричард дал войску отдохнуть двое суток.

Когда стемнело, Мартин расположился со своими людьми под навесом и стал смотреть на отдаленный хребет выступающей во мраке горы Кармель – он простирался на много миль вдоль побережья, а потом исчезал среди сожженных солнцем равнин. Там, на возвышенностях, где имелось немало источников, сейчас находились войска Саладина. Люди султана, более привычные к местному климату, легче переносили жару, у них на горé есть свежая вода, они могут пополнить провиант охотой. Тем не менее они пока не могли задержать или принудить упрямых крестоносцев к удобной для сарацин тактике боя.

В какой-то момент Мартин оставил своих людей, чтобы ополоснуться в море. Ночь была темная, безлунная, только огромные звезды сияли на небосклоне, отражаясь в тихо плескавшейся воде. Невдалеке от берега покачивались суда флота крестоносцев, и Мартин видел, как к берегу и обратно снуют лодки с продовольствием, лекарственными снадобьями, ранеными людьми, которых нужно перевезти на корабли.

Немного поплавав, Мартин вернулся в одну из небольших бухточек, образованных в размытом морем известняковом берегу. Он уже успел одеться, когда кто-то остановился в соседней бухте и позвал одного из лодочников:

– Эй, брат мой во Христе! Отвези меня вон на ту галеру.

Голос был властный и... знакомый. У Мартина по спине поползли мурашки. Уильям де Шампер! Его враг совсем рядом! У маршала в руках был пылающий факел, и Мартин едва успел накинуть капюшон кольчужного оплечья и отойти в тень, когда тот его окликнул:

– Мессир рыцарь! Судя по гербу на вашем облачении, вы из свиты Гвидо Иерусалимского? Как себя чувствует Его Величество? Я давно не навещал его.

Мартин ответил сухим, чуть сдавленным голосом:

– Вашими молитвами, господин рыцарь.

– Передайте ему мое почтение. Вы знаете меня?

Мартин только кивнул и поспешно отступил от света факела.

Де Шампер сел в лодку и отчалил, а Мартин смотрел ему вслед, не в силах унять дрожь. Проклятье, он боялся этого человека! Подумать только, чуть не столкнулся с ним нос к носу! Выходит, зря Мартин надеялся, что среди такого многотысячного войска маловероятно встретиться со своим врагом. Может, Эйрик прав и им лучше поскорее покинуть ряды крестоносцев? Но как? В данный момент это было невозможно.

Джоанна де Ринель стояла у борта галеры и наблюдала за медленно приближающейся лодкой.

– Милая, кажется, это ваш брат на том суденышке? – елеинным голосом произнесла подле нее царица Синклитикия, или Дева Кипра, как ее все называли, не в силах совладать с ее трудным для латинян именем.

– Вы очень хорошо видите в темноте, царица, – сухо ответила Джоанна.

– О, вашего брата трудно не заметить. Такой привлекательный мужчина! Ах, сладчайший Иисус, если бы вы только представили нас друг другу...

– Он тамплиер – воин рыцарско-монашеского ордена! И довольно об этом! – оборвала ее щебетание англичанка.

Достаточно уже того, что она, оказавшись на корабле, вынуждена постоянно общаться с этой киприотской вертихвосткой. Увы, они плыли вместе, таков был приказ короля Ричарда.

Началось все после того памятного турнира у стен Акры, когда супруг Джоанны, Обри де Ринель, отличился в поединках с копьями. Тогда Ричард был к нему особо милостив, а позже вызвал к себе Джоанну.

– Милая кузина, – сказал король, галантно поцеловав ручку леди. – Ваш муж – отменный воин, столько наших рыцарей им восхищаются, а вы ведете себя с ним так неприветливо, что это уже породило слухи. Не забывайте, Джоанна, вы моя родня. Родня Плантагенетов! И мне не по нраву, что из-за вас о моем окружении идет дурная молва.

В тот момент молодая женщина не нашлась что ответить. Не объяснять же королю, что их брак с Обри изначально был ошибкой, что и сам прославленный де Ринель не сильно спешит наладить отношения с женой, предпочитая проводить время среди воинов, нежели в покоях супруги. Поэтому она лишь пролепетала в ответ, что Обри еще в Константинополе дал обет целомудрия, обязуясь избегать плотской близости с супругой, пока не будет отвоеван Гроб Господень. Хотя... Что тут таиться – они не просто не живут как супруги, а даже избегают друг друга, и многие действительно замечают, что Обри и Джоанна держатся, как чужие.

Ричарду не очень-то нравилось вести беседу на подобную тему с молодой женщиной. Этот грозный воитель смущался, оттого что приходится вникать в альковные отношения своей родни. Но дошло уже до того, что его об этом попросила Беренгария, сославшись, что ее советы насчет сближения с Обри Джоанна де Ринель попросту игнорирует. И Ричард решил сам поговорить с кузиной.

– Мы вступили в священную войну, мадам. И от каждого, кто оказался в походе, мы вправе требовать действовать сообразно заповедям Христовым. Вы говорите, что Обри дал обет целомудрия? Что ж, если это было сказано в подвластном схизматикам Константинополе, то любой наш священник легко освободит вашего супруга от подобного обета. Мне же важно, чтобы никакие сплетни и насмешки не пятнали образ крестоносца де Ринеля!

И Джоанна пообещала Ричарду, что исправит положение, будет вести себя с Обри как добронравная и приветливая жена. Ведь, ко всему прочему, у нее была и собственная причина, отчего она готова была помириться с супругом. Ибо Джоанна подозревала, что забеременела.

Благодарить ли ей за это Небо или, наоборот, ужасаться? Столько лет она считала себя бесплодной, столько молилась о ребенке, и вот теперь, когда дни ее месячных миновали и служанки уже стали шушукаться по углам о том, что же могло случиться... О, она и сама знала, что именно могло случиться! А ведь они с Обри не исполняли супружеский долг уже более полугода! Забеременеть же она могла... Да, Джоанна догадывалась, когда это произошло. Во время ее тайного свидания с Мартином в соборе Святого Андрэ. И вот теперь... О Небо! Никто не должен заподозрить, что она в тягости не от супруга. Теперь молодая женщина понимала, что, если о ее примирении с мужем не станет известно окружающим, она будет обесчещена, как блудница!

Однако помириться с Обри в Акре не вышло. И не по ее вине. Супруг просто не пришел к ней, когда она позвала его в свои покои. А у Джоанны не хватило духу сказать Беренгарию и сестре Ричарда Иоанне, что Обри пренебрегает ею – первой красавицей в свите Ричарда Английского, дамой, красоту которой были готовы восславлять его ближайшие сподвижники – начиная от молодого графа Лестера и заканчивая известным крестоносцем Жаком д'Авенским.

Что говорил сам Обри королю, Джоанна не знала. Но явно ничего хорошего о супруге, ибо вскоре в окружении короля уже стали ходить слухи, что Ричард собирается услатить непокорную подданную, не прислушавшуюся к его советам. Увы, мир так устроен, что всегда и во всем винят женщину, дочь Евы, на которой лежат особо тяжкие грехи.

Вот тогда к Джоанне и пришел Уильям. Хмуро выслушал ее оправдания и уверения, что она готова отправиться даже с войском крестоносцев, только бы быть подле супруга.

– Я на твоей стороне, Джоанна, – неожиданно прервал ее смущенную, то и дело сбивающуюся речь Уильям. – А отправиться вместе с супругом в поход – неплохая идея.

Джоанна не понимала, о чем он. Ведь всем было известно, что своих дам английский король оставляет в надежно укрепленной Акре.

– Сестра, я попрошу Ричарда, чтобы ты поплыла на одном из наших орденских кораблей, которые будут сопровождать войско, – пояснил Уильям. – Там ты будешь в безопасности и под присмотром. Время от времени, когда появится возможность, я буду навещать и забирать тебя на берег. Ты понимаешь зачем? Да, да, мне по-прежнему нужен этот лазутчик Мартин, или Арно, как бы он ни называл себя. Ибо он тут. Я знаю, я чувствую это. И не сомневаюсь, что он – одна из ячеек сети наших недругов, коварный и опасный шпион, который вынюхивает сведения и доносит своим нанимателям... А может, и того хуже, упаси Боже! – Тамплиер даже перекрестился. – Пойми, сестра, мне необходимо найти его, допросить или же просто следить за ним, чтобы узнать, кто его прислал и зачем. Ну а ты поможешь мне разыскать его и опознать.

Джоанна почувствовала раздражение. Разве она не сделала все, что велел ей брат? Даже выдала ему своего возлюбленного... Хотя и не призналась Уильяму, какое облегчение испытала, узнав, что у маршала ничего не вышло. Пусть Мартин и негодай, как уверял ее брат, но ей было бы крайне тяжело узнать о его гибели. О нет, только не это!

Уильям же продолжал:

– Король Ричард прислушается к моей просьбе, когда я попрошу ввести тебя в свиту Девы Кипра, которая будет находиться на одном из наших судов. Ведь должен же кто-то из знатных особ войти в окружение кипрской царевны!

Джоанну эта идея не слишком вдохновила. О Деве Кипра не злословил разве что ленивый. Крупная, статная, иконописно красивая, царевна была слишком чувствительна, чтобы вписаться в то целомудренное и благопристойное окружение, какое желал видеть подле своей нежной королевы Беренгарию Ричард. Киприотка же постоянно приставала к мужчинам, причем порой вела себя столь вызывающе, что это породило немало слухов. Крестоносцы с усмешкой

говорили, что никакая она не дева, а... И звучало крепкое слово, каким простые солдаты называли легкодоступных лагерных женщин. Но царевна была нужна Ричарду как наследница Кипра, и, чтобы слухи о ее распутстве затихли, ее надлежало куда-то услать. Но куда? Отправить ее на Кипр было невозможно – наследница Исаака Комнина была слишком лакомым куском, чтобы ее там не постарались похитить приверженцы ее отца, недовольные тем, что их остров отдали ордену Храма. Запереть в отдаленной крепости... Но Ричард все еще надеялся, что сможет выдать царевну замуж по своему разумению и с немалой выгодой для своих планов. Поэтому он и решил, что во время похода эту падкую на мужчин гречанку будут держать и оберегать на одном из кораблей ордена Храма, где суровые воины-монахи пресекут ее попытки вступать в предосудительные связи. Ну а Джоанна станет ее спутницей, будет приглядывать за ней. А заодно окажется в походе подле супруга, что поспособствует их примирению. Уильям же рассчитывал, что сестра продолжит вместе с ним поиски Мартина д'Анэ.

И вот сейчас Джоанна смотрела, как лодка ее брата подплывала к кораблю. Приблизившись, он сделал ей знак спуститься по трапу.

Она подчинилась. По приказу брата Джоанна была, как и ранее, в мужском облачении: длинная темная туника с опояской, безрукавка, обшитая стальными бляхами, суконное оплечье с капюшоном, под которым молодая женщина прятала свои длинные черные косы, уложив их низким узлом. Но сейчас, когда они направлялись к берегу в этой душной темной ночи, Джоанна еще не накинула капюшон и с этой прической смотрелась тоненькой, грациозной и одновременно величавой – так она гордо сидела, отвернувшись от брата-тамплиера.

– Надеюсь, когда ты явишься в шатер к Обри, он поймет, какое сокровище его жена, – с невольной нежностью в голосе заметил Уильям, любуясь сестрой при свете факела. – Я предупредил его о твоём визите, как ты и просила.

– Но сначала опять будешь водить меня по лагерю, – несколько резко отозвалась сестра.

Это была вторая их вылазка в стан крестоносцев. До этого они уже бродили между палаток, коновязей и костров, но тщетно. Да и краткой была их вылазка, учитывая, что Уильям услат сестру на корабль, как только в ночи объявили тревогу и сарацины стали обстреливать стан. На этот раз Уильям уверял, что подобного не случится: они расположились за руинами хайфских построек, а местность до самой горы Кармель хорошо просматривается, и там несут дозор лучники короля Ричарда.

– Отведи меня сразу к Обри, – со вздохом попросила Джоанна.

Уильям пропустил ее слова мимо ушей.

На берегу они стали неспешно ходить между палаток и лагерных стоянок, где у костров еще доедали свой ужин крестоносцы. Когда брат с сестрой приближались, можно было различить отрывки их разговоров.

У одного из костров на бретонском диалекте говорили об оставившем поход короле Филиппе.

– Он не видит никакого позора в том, что оставил армию! – горячились крестоносцы.

И тут же кто-то на французском говоре Иль-де-Франса²⁵ доказывал, что Филипп сделал все возможное, отважно сражался под стенами Акры, штурмуя Проклятую башню, и именно после его последнего натиска башня и, соответственно, Акра пали.

– И уж Капетинг, конечно же, раструбит об этом повсюду! – отвечали с насмешкой. – Теперь будет уверять весь христианский мир, что немало сделал для Святой земли.

– Наш король волнуется о своем королевстве, а не...

Говоривший осекся. Но за него закончили, все так же насмешливо:

– Да, а теперь король Филипп будет уверять, что наш Ричард прибрал к рукам все, что дала его победа.

²⁵ Иль-де-Франс – историческая область в окрестностях Парижа, издревле принадлежавшая французским монархам.

Для крестоносцев Ричард был «наш», не важно, кто сидел у костра – датчане, бретонцы или те же французы, которые все еще горевали после того, как их государь оставил Палестину, и которые старались найти ему оправдание.

Джоанна проходила мимо, чувствуя на себе внимательный взгляд брата. Пусть смотрит. Она не видит здесь Мартина, да и уверена, что он уже отбыл. Отвез своих евреев, как он говорил ей. И Джоанне хотелось верить в то, что его волновало только это и что он не враг, как утверждал Уильям. В любом случае трудно вызывать в своей душе ненависть к человеку, которому отдала свое сердце, от которого носишь под сердцем дитя.

Брат с сестрой уже обошли французский стан, где выделялась большая палатка с гербом Медведя – лазоревыми и золотыми полосами в обрамлении алой каймы, – ярко выступавшим в свете отдаленных костров. Впереди Джоанна заметила шатер короля Гвидо с возвращенным ему гербом Иерусалимского королевства. Она пошла медленнее. Было нечто, что Джоанна не сказала брату: во время ее последнего свидания с Мартином она заметила на его котте эмблему Лузиньяна. И если он где-то тут... Джоанна надеялась, что сможет вести себя невозмутимо, если ее голубоглазый изменник бросит на нее свой непередаваемо влекущий взор. «Я люблю тебя, – говорил он. – Без тебя мне нет жизни!» Сможет ли она снова его предать?

И тут Джоанна увидела громогласного рыжего крестоносца, о чем-то разглагольствовавшего у костра, который горел неподалеку от палатки короля Гвидо. Она невольно замерла, но потом продолжила идти, даже более спешно, чем ранее.

– В чем дело? – Уильям взял сестру под руку.

– Просто устала. Отведи меня к мужу!

Но Уильям вместо этого сжал ее локоть и остановился. Его взгляд перебегал с одного лица на другое, потом он направился к сидевшим у костра крестоносцам, увлекая за собой Джоанну.

Они подошли совсем близко, когда размахивающий рогом с вином Эйрик заметил их. И замер на полуслове. Он знал Шампера, а отблески костра осветили и фигуру подле него. Кого это тащит тамплиер?

Джоанна стояла, низко склонив голову, чувствуя, как за ней наблюдает брат. И еще этот Эйрик удивленно воззрился на нее. Она задрожала, и удерживающий ее Уильям почувствовал это.

– Тебя тут кто-то заинтересовал, сестрица?

У него был нюх ищейки, а подозрительность делала его особо внимательным к каждой мелочи.

И тут Эйрик окликнул его:

– Эй, тамплиер, мы вот тут поспорили: ребята-пулены уверяют, что этим путем мы идем к Яффе. А я и другие интересуются, какого демона нам нужна Яффа, когда нас ждет Иерусалим?

Все повернулись к тамплиеру, кто-то даже подвинулся, предлагая ему место у костра. И Уильям принял приглашение, принудив усесться подле себя Джоанну. При этом он по-прежнему внимательно оглядывал собравшихся. Тут и пулены, и отданные под власть Гвидо крестоносцы из Пуату, земляки Лузиньяна. Многие из них светловолосые и синеглазые, но в отсветах костра маршал не видел никого, кто бы мог напомнить ему предателя Арно де Бетсана. И все они смотрят на него, ожидая пояснений.

– Да, мы идем к Яффе, – после паузы произнес де Шампер.

Многие тут же загалдели, стали говорить, что после их блестящей победы под Сен-Жанд'Акрой они требуют похода на Святой Град!

Уильяму пришлось объяснять, что им опасно углубляться от береговой линии и отказываться от помощи с кораблей. Разве они не убедились, насколько флот облегчает их марш по этой земле? Глава похода Ричард предпочитает действовать наверняка, а захват Яффы,

главного порта на побережье, который способен обеспечить бесперебойное снабжение войск, видится вождям крестоносцев необходимым шагом на пути к столице.

Его доводы показались солдатам разумными. Они только уточнили, сколько идти до этой Яффы? Ответ, что им надо преодолеть около шестидесяти миль, привел многих в уныние.

– Давай уйдем, Уильям, – дергала за локоть брата Джоанна. Она чувствовала на себе взгляд Эйрика и опасалась, что там, где рыжий, может оказаться и ее Мартин. – Уходим. Меня уже наверняка ждет Обри.

Проклятое упрямство ее брата! Он словно чувствовал исходившее от нее волнение. И неожиданно обратился к собравшимся:

– А скажите-ка мне, парни, кто ваши командиры? Я ищу тут одного человека, такого светлоглазого, недурного собой...

– Похоже, вы его уже нашли, мессир рыцарь! – неожиданно подался вперед Эйрик и сорвал с головы Джоанны капюшон. – Вот он, светлоглазый, недурной собой. Ай да милашка!

Джоанна только заморгала, вертя растрепанной темноволосой головкой.

Уильям побагровел, но даже слова не проронил. А солдаты вокруг гоготали, как гуси, потом стали говорить, что братья-храмовники еще те хитрецы – дескать, все время в молитвах и с мечом, а милашку и приголубить некогда. И что же это выходит, тамплиер разгуливает по лагерю с такой кралей, а им ни-ни. Даже в обоз Ричард повелел взять лишь самых уродливых прачек, а тут... Какие губки, какой точеный носик! Да и под этой грубой безрукавкой сиськи небось что надо!

Уильям сорвался с места, увлекая за собой сестру. Она спотыкалась в темноте, едва поспевая за ним.

– Все. Идем к Обри.

Он ушел, оставив ее возле входа в палатку супруга и сказав, что с рассветом ее переправят на корабль. Один из саксов Джоанны, белобрысый Осберт, рвавший в ряды воинства Христова и потому взявшийся служить оруженосцем при Обри, так и просиял при виде госпожи. Учтиво поклонившись, он с готовностью откинул полог палатки.

Обри спал. Джоанна медленно сняла верхнюю одежду и улеглась подле мужа. Он повернулся во сне, притянув ее к себе. Пробормотал что-то странное:

– Ты тут. Мой милый...

Джоанна погладила его по голове, он не проснулся, а вот она долго лежала без сна, пока под утро ее не сморила дремота.

Утром Обри был даже смущен, обнаружив рядом с собой на лежанке жену. Но он собирался на войну, и Джоанна помогла ему облачиться в доспехи, расчесала его длинные светлые волосы, сама заплела их в косицу, перед тем как он водрузил на голову шлем.

Обри был растроган. Сказал, что в этой войне с ним всякое может случиться, так что пусть жена помолится за него. И даже поцеловал ее в лоб, когда за ней пришли сервиенты маршала, сообщив, что леди Джоанну уже ожидает лодка.

– Да говорю же тебе, она была здесь! Твоя распрекрасная Джоанна де Ринель! – доказывал Мартину Эйрик, рывком откидывая полоскавшееся на раскаленном ветру полотнище знамени Лузиньяна. – Причем была не одна, а со своим проклятым братцем, разрази его гром! И они явно искали тебя. Это так же верно, что у меня лицо в веснушках, а не в перепелиных яйцах!

Мартин задумчиво смотрел между ушей саврасого на пыльную дорогу. У него все еще не укладывалось в голове, что столь изысканная дама, как леди Джоанна, кузина короля и сестра маршала де Шампера, могла оказаться среди воинства крестоносцев. Но ведь его рыжий приятель слишком простодушен, чтобы сочинять небылицы, да и с кем еще мог появиться в стане столь суровый и строгий человек, как Шампер. Маловероятно, что он и впрямь завел себе милашку, схожую с родственницей. Но если это действительно была Джоанна...

– А ведь она не выдала тебя брату, хотя не могла не узнать, – задумчиво произнес Мартин.

Эйрик резко хлопнул себя по бедру, и пластины его доспеха жалобно звякнули.

– Что с того, что не выдала? Я, что ли, им нужен? – И добавил с обидой: – Если бы о подобном сообщил твой любимчик Сабир, ты бы его послушал. А я что... Но бежать нам нужно как можно скорее. Или ты еще не налюбовался этими запыленными рожами крестоносцев?

– Я готов уехать, – негромко отозвался Мартин. – Но как? Когда?

Эйрик задумчиво покусывал выбившуюся из-под кольчатого капюшона височную косицу.

– Раненых вон отправляют в Акру. Может, мне тебе руку сломать? А что? С поломанной рукой тебя наверняка отправят на галере к госпитальерам в Акру. Ну а там... Там нам ничто не помешает скрыться.

Мартин скривил рот в улыбке и постучал приятеля по раскаленному на солнце шлему. Но потом внимательно поглядел на море, где на белеющих пеной волнах покачивались распутившие паруса суда. Ну да, так можно было бы... Быстрые галеры крестоносцев то уходили к Акре, увозя раненых, то возвращались с подкреплением. Вот не далее как этим утром привезли в войско короля Ричарда самого Конрада Монферратского с прекрасно обмундированным отрядом из Тира. Конрад знал что делает: не дал своим людям и части пути пройти под палящим солнцем и обстрелом и воодушевил крестоносцев, приведя свежее подкрепление и показав, что судьба Иерусалима ему небезразлична. Недаром его так громогласно приветствовали воины на берегу, когда он вскочил на своего великолепного вороного и вихрем промчался вдоль строя. Герой! Но кое-кто даже пожалел, что в то время, когда маркиз красовался, не появились сарацины со своими луками и не подстрелили наследника престола Иерусалимского. Это позже в шеренге посмеивались, обсуждая приказ Ричарда, который велел Конраду идти под командование Гвидо, своего сюзерена. И что было делать Конраду? Не мог же он перечить главе крестоносцев в походе или, того хуже, повернуть назад? Вот и ехал теперь позади пуленов и пуатевенцев. Он с самым мрачным видом восседал на коне в своих вороненых доспехах, а затем, когда солнце стало припекать, приказал подать ему вымоченный в водах моря светлый плащ. Надолго это не спасет, но от теплового удара герой Тира все же не свалится.

Гвидо явно расстроился, поняв, что рядом будет его наследник, да еще куда более толковый воин, нежели он сам. И приказал Мартину особо следить за тем, чтобы их люди были защищены и готовы к атаке сарацин, дабы Монферрат понял, что у него в войске все в порядке и все готовы к столкновению. Однако этот день неожиданно прошел без происшествий. Неспешный марш с рассвета, остановка в самую жару, а ближе к вечеру мерное, неторопливое продолжение шествия. То же повторилось и на другой день. Все ожидали подвоха, но неприятель будто исчез. Это казалось странным.

На следующий день Гвидо был вызван к Ричарду во главу колонны. В этом не было ничего необычного: Львиное Сердце ехал впереди своего воинства под плещущимся алым стягом Плантагенетов и каждый день просил одного из предводителей разделить его общество, чтобы переговорить на марше. Он каждому уделял внимание, никого особо не поощряя, выслушивал и взвешивал рассуждения командиров о кампании. Вот и Гвидо удостоился этой чести.

На этот раз Ричард хотел услышать мнение Иерусалимского короля о причине неожиданного затишья со стороны сарацин. И оказалось, что Лузиньян, который провел в этих краях немало лет, вполне может оценить обстановку.

– Гора Кармель, – пояснил Гвидо. – Войско Христово подошло к ней, огибая берег, и сарацинам тут негде начать разбег для их легких лучников. Скорее всего, султан повел свои силы в обход по более пригодной для продвижения армии дороге, нежели лесистый кряж Кармель. Но они наверняка появятся, когда мы, двигаясь по длинной дороге у моря, выйдем к Кесарии. И тогда...

– Вы думаете, султан там нападет на нас? – спросил Ричард, и взгляд его серых глаз стал тверже кремня.

Гвидо развел руками – все может быть. И добавил:

– Но впереди уже начинается иная местность – Шаронская равнина, где земля не такая сухая. В тех местах много воды, а леса просто кишат живностью... Хватает и хищников. Там водятся огромные дикие львы и пятнистые леопарды. Есть там и крокодилы. Его Величеству приходилось видеть этих огромных ящериц?

Ричард лишь что-то буркнул, жестом отпуская Гвидо, так как увидел возвращавшегося с разведки маршала де Шампера с его тамплиерами.

Надо сказать, общение с Уильямом казалось Ричарду более полезным, чем рассказы Гвидо о пугающих хищниках. И, выслушав донесение тамплиера, что впереди нет врагов, только опустевшие руины замков – Де Тура, Кафарлета, Капернанума, – король поделился с де Шампером соображениями Гвидо о причине неожиданного отсутствия на их пути мусульман.

– Он прав, – кивнув, подтвердил тамплиер. – Когда мы минуем это узкое место и выедем в Шаронскую долину... Скажу так, она очень заболоченная, и вряд ли султан предпримет там атаку, если не желает увязнуть в зарослях тростника. Однако не сомневаюсь, что атаки лучников возобновятся. Саладин ведь здесь, рядом, он уже понял, куда мы направляемся, и не оставит нас в покое. Я как-то рассказывал вам об излюбленной манере боя сарацин: их небольшие, хорошо подготовленные отряды будут наносить стремительные удары по всей длине нашей колонны, нанося столько урона, сколько смогут, а потом мгновенно отступят.

– Ад и преисподняя! Но они же так и действовали все это время! А мне нужен бой на моих условиях, когда я наконец смогу разделаться с моим приятелем Юсуфом ибн Айюбом. Я твердо намерен сохранить единство армии и напасть только в подходящий момент, когда мусульмане, выведенные из терпения своими безуспешными атаками, решатся на большой бой.

Шампер снял свой горячий шлем и вытер вспотевшее лицо.

– Я не сомневаюсь, что у вас получится, государь. Когда налетит вся армия неприятеля, вы сразу это поймете. Наши лазутчики донесли, что у Саладина в два-три раза больше воинов, нежели у нас, и он рано или поздно пустит их в ход. Я дивлюсь, что он до сих пор так не поступил. Наверное, вы его и впрямь напугали взятием Акры, раз он столь нерешителен, – подытожил Уильям, не особо задумываясь, что его слова выглядят как лесть.

Он просто высказывал свои соображения вслух.

Ричард в ответ просто кивнул.

– Клянусь именем Плантагенетов, я напугаю его еще больше, когда встречу с ним лицом к лицу.

– Не рассчитывайте на его страх, – заметил Уильям. – Салах ад-Дин не простит вам казнь его единоверцев. Он явно не ожидал подобного, но теперь султан в гневе. И его стоит опасаться.

– Я всегда опасюсь врагов, – задумчиво глядя вдаль, заметил Ричард. – Так и должно к ним относиться, чтобы не счесть себя непобедимым. А каждая победа дорогого стоит. Это цена сомнений, размышлений, планов и принятых решений. Отвага в этом списке, пожалуй, на последнем месте. И она требуется, когда ты уже знаешь, чего ждать от врага.

Это были откровенные слова для полководца, слывшего непобедимым. Де Шампер ценил эту откровенность. Он вообще все больше ценил своего августейшего кузена. Избранная им тактика – двигаться медленно, без спешки и суеты, не отвечая на атаки сарацин и не разрывая слитного монолита войска, – безупречна. Сохранять порядок, спокойствие, но быть в силах дать быстрый и мощный отпор любым попыткам противника атаковать. Если Ричард и далее будет так действовать, он получит преимущество над Саладином, который явно не готов к подобной манере наступления.

Король попреридержал коня, оглядывая свое многочисленное войско – неторопливый лес пик, знамен и копий, поднятая множеством шагающих ног пыль, шлемы, выпелы, обозы и корабли, идущие вдоль побережья. И в то же время де Шампер уверяет, что у Саладина людей

гораздо больше. И он собрал их тоже не для того, чтобы идти рядом с воинами Креста до самой Яффы... а там и до Иерусалима.

– Видит Бог, – процедил сквозь зубы Ричард, – если уж сражения с султаном не избежать, пусть это случится поскорее.

Глава 4

В трудные минуты султан Салах ад-Дин черпал силы в чтении Корана.

Грозный Меч Ислама слушал слова чтеца-суфия, сидя в своем походном шатре на низкой софе. Прикрыв глаза, он чуть покачивался, внимая сурам из Корана: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день с теми, кто не запрещает того, что запретил Аллах и Его Пророк, и не подчиняется религии истины...»²⁶

– Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха... – медленно повторил султан и поднял тяжелые веки.

Его глаза казались глубокими и темными, как бездна. Уже немолодое породистое лицо источало силу и ум. Темная, с заметной проседью борода была расчесана надвое, а длинные усы, напомаженные и завитые книзу, подчеркивали надменную складку тонких губ. В остальном же великий султан Египта, Сирии, Ливии, Туниса и Йемена выглядел весьма просто: на нем был темный халат из тонкой шерсти, под которым он носил кольчугу, не снимая ее ни днем, ни ночью, ибо опасался покушений, и такой же темный тюрбан. Меч Ислама не любил нарочитой пышности, когда того не требовало его высокое положение предводителя правоверных.

– Да будет велик и благословен в веках Аллах, да прославлен будет в веках пророк его Мухаммад! – Он провел по лицу руками и сделал чтецу знак удалиться.

Медленно отпив из пиалы ячменного отвара – в своих вкусах Саладин тоже оставался прост, как и взрастившее его курдское племя, – султан Юсуф ибн Айюб надолго задумался. Он вел священную войну джихад²⁷, поклявшись, что закончит ее, только когда на Святой земле не останется ни одного презренного кафира²⁸. А потом... Кто знает волю Аллаха! Может, он будет иметь возможность идти под зеленым знаменем Пророка и далее, до самой земли франков...

Но появился Мелек Рик, этот английский Лев, который резко и отчаянно вмешался в планы султана.

Саладин понимал, что война с таким полководцем, как Ричард, будет непростой. Он немало расспрашивал о своем коронованном враге, узнал, что тот не проигрывает сражений, и его действия под Акрой подтвердили молву, что этот английский король умеет и привык побеждать. Да, это не безумный Рено де Шатильон, хмелеющий при виде врага и теряющий разум в атаке, не многомудрый и осторожный Раймунд Тивериадский, с которым можно было вести дела, и не глупец Гвидо де Лузиньян, слушающий советы всех подряд, часто меняющий решения, но совершенно не знающий тактики боя. Ричард был лучшим воином христианского мира, он пришел побеждать.

И вот теперь грозный владыка Востока, растерзавший четыре года назад армию Гвидо де Лузиньяна при Хаттине, растерянно наблюдал за новым вторжением франков.

После того как пала Акра, султан отошел через Хайфу на юго-восток, к Йокнеаму, разрушая все, что не успел уничтожить во время своего победного марша четыре года назад. Саладин решил оставить за собой пустую землю, чтобы остановить продвижение крестоносцев. От этого зависели его влияние, его мощь и даже власть, ибо после потери Акры и казни пленников, за которых он отказался платить, многие эмиры смотрели на султана враждебно. Они уже не восторгались Юсуфом ибн Айюбом, зато вспоминали, что он всего лишь выскочка курд, добившийся высокого положения интригами, хитростью и умением набирать самые большие войска, против которых не могли устоять отдельные правители. Но эти эмиры сами являлись

²⁶ Коран: IX:29.

²⁷ Джихад (священная война) – дословно переводится как «стремление», то есть стремление распространить ислам.

²⁸ Кафир – неверующий человек, высказавший свое неверие в словесной форме. Так мусульмане называли христиан.

частью его войска, и они могли... могли уйти от него. И чтобы этого не случилось, Саладину была нужна победа.

Пока же его отряды только прослеживали поход короля Ричарда, совершая время от времени набеги, впрочем, не доставлявшие крестоносцам особых волнений. Упрямые кафиры продолжали продвижение, будто их защищал сам шайтан, и несколько дней назад войско Мелека Рика захватило Кесарию, которую Саладин не успел сровнять с землей. Попытка помешать крестоносцам ни к чему не привела – опять были обстрелы, опять ответные залпы стрелков Ричарда. У короля были хорошие лучники, а его арбалеты разили легкую бедуинскую конницу Саладина на расстоянии, откуда сарацины не могли достать своими стрелами закованных в броню рыцарей. И теперь все чаще воины Саладина с ужасом говорили, что Мелек Рик непобедим и его ничто не остановит.

– Глупцы! – воскликнул султан в сердцах. – Мое войско ни на что не способно, если я не поведу его за собой и не буду каждый день присматривать за ним!

Что и говорить, если за спинами сражавшихся египтян всегда были начеку верные Саладину мамлюки с саблями наголо. У рыцарей такого не было: каждый из них знал, за что сражался. И все, что на сегодняшний день Саладин считал своей удачей, – это обман крестоносцев с их святыней, этим куском дерева, на котором был распят пророк Иса, наивно почитаемый этими идолопоклонниками Богом. Но обмануть иноверцев не великий грех. Другое дело, как поступить с ними сейчас, когда они продолжают свой путь и до Яффы, куда они направляются, осталось уже менее десяти фарсахов!²⁹ И если они дойдут... О горе! Крестоносцы сумели показать себя неуязвимыми в пути, в то время как люди султана как раз полны нерешительности. О, Юсуф с горечью отмечал, как рассыпается в прах дело его жизни. Сколько сил было положено во имя священного джихада, сколько героев пало в боях с неверными! И что? Пришел из-за моря надменный англичанин и замыслил во что бы то ни стало возродить ненавистное королевство христиан!

Саладин возвел очи к тенту своего походного шатра, сполз с софы на колени, воздев руки к небу.

– О Аллах милостивый и милосердный! Пошли мне знак! Пошли знак верному твоему слуге!..

Над головой слегка покачивался желтый тент палатки, было тихо, только издали доносились негромкие голоса пришедших на совет к своему повелителю эмиров.

Да, они уже ждали. Его эмиры, которых он собрал для решительного сражения. И он, Юсуф ибн Айюб, не должен ни под каким предлогом показывать им, что его страшит столкновение с Мелеком Риком, воином и правителем, не проигравшим ни одного сражения.

Саладин поднялся с колен и ударил в позолоченный диск. Его закованные в броню телохранители тотчас убрали копья, скрещенные перед входом в шатер, и отвели в сторону полог, образовав широкий вход.

Эмиры, командиры армии султана, входили плотной группой. В парче и сверкающей броне, в кисейных чалмах поверх островерхих шлемов, они смотрелись подле своего скромно одетого повелителя как знатные принцы. И все все они почтительно опустили перед ним на колени, склонились.

– О, непогрешимый, да возвеличится еще более твои могущество и слава!

– Да поведет тебя Аллах по светлому пути удачи, прославленный Меч Ислама!

Потом они все собрались у положенной на козлы столешницы, на которой была расстелена великолепно выписанная карта местности.

– Вот тут они, – указал пальцем племянник Саладина Таки ад-Дин, молодой и горячий, но уже одержавший не одну победу. Глаза его возбужденно сверкали. – Они идут по открытой

²⁹ Фарсах – три арабские мили (около 5,5 километров).

местности. Это ли не шанс напасть на них, когда они измучены и утомлены длинным переходом? Мы должны напасть! Атаковать до того, как Мелек Рик сам навяжет нам сражение на выгодных ему условиях.

Саладин, не сводя глаз с карты, задумчиво кивнул. Однако тут вмешался его младший брат аль-Адиль.

– О, повелитель, может, стоит еще повременить? Мы знаем, как обороняются франки, но нам неведомо, как поведет себя в бою Мелек Рик. Может, лучше продолжать изводить его армию наскоками и обстрелом, лишить его большей части войска и продолжать убивать коней рыцарей, чтобы они не могли выставить свой железный строй, перед которым трудно устоять?

Саладин поднял на него глаза и слегка усмехнулся – глубокая складка пролегла от носа до аскетически впалой щеки, образовав морщину. Ох, порой султан с подозрением относился к любимому брату – слишком прославленному воину, слишком большому интригану, амбициозному и порой даже симпатизирующему неверным; он и языком их искусно владел, и в гареме его находилось немало белокурых гурий с Запада, коим он отдавал явное предпочтение. Но главное заключалось в том, что иногда поговаривали, будто аль-Адиль – полководец получше своего прославленного брата Саладина: и при Хаттине отличился, и флотом командовал умело, да и после взятия Иерусалима Яффа и все южное побережье Палестины были захвачены именно им. Командуя по приказу старшего брата египетскими войсками, аль-Адиль снискал себе и почет, и любовь.

– Ты слылешь искусным стратегом, брат мой, – все так же кривя щеку улыбкой, заметил Саладин. – Но неужели ты не понял, что целью Мелека Рика является порт Яффа? Если мы допустим его туда, он обустроит там свой лагерь, обоснуется, примет свои суда, которые подвезут ему стройматериалы и свежие силы. От Яффы до Иерусалима рукой подать. Поэтому нам необходимо любой ценой остановить кафилов и не позволить им захватить яффский порт!

– Но мы не ведаем, каков Ричард в большом бою, – настаивал аль-Адиль, хотя и смущенно опустил под взором султана свои густые длинные ресницы. – Наши воины смелы и отважны, но и о кафилах можно сказать то же самое. И я бы советовал и дальше изматывать крестоносцев, пока их ряды не поредеют.

Ах, как же аль-Адиль упрям! Саладин почувствовал глухое раздражение, тем более что заметил, как и другие эмиры согласно закивали, признавая правоту младшего из Айюбов.

– Нет! – сурово отрезал султан. – Или ты забыл, Адиль, что мы ведем за собой огромное войско, которое с приходом отрядов из Конийского султаната³⁰ стало еще мощнее? Мы сможем разбить франков, раздавить их и уничтожить! И мы не будем медлить! Ибо служба эмиров не бывает столь долговременной, как нам хотелось бы. Эмиры со своими воинами только отбывают у нас срок воинской повинности, а потом они возвращаются к своей земле, к своим семьям, заботятся об урожае и пропитании. Я не имею права бесконечно держать подле себя такое количество воинов Аллаха.

– Позвольте мне сказать, – выступил вперед невысокий плотный человек с пышными усами, подкрученными до самых ушей.

Это был Баха аль-Дин, друг и поверенный султана. И темные глаза Саладина потеплели при взгляде на него. Верный Баха всегда чувствовал настроение своего повелителя, он был мудр и часто давал дельные советы.

– Я должен отметить, – поглаживая свои невероятные усы, начал тот, – что пока строй кафилов обстреливали в основном отряды наемников-бедуинов, вооруженные более легкими луками и облаченные в более легкую броню. Это давало им возможность совершать быстрые наскоки и тут же уноситься прочь. Но эти наскоки особо не вредили закованным в сталь фран-

³⁰ Конийский (Иконийский), Румский, или Сельджукский султанат – феодальное государство в Малой Азии. Возникнув в 1077 году на отторгнутых у Византийской империи владениях, султанат сыграл важную роль в истории региона.

кам, и я сам видел, как они маршируют вдоль взморья, утыканные стрелами, будто ежи. И, как мы поняли, Мелек Рик разгадал наш план и не позволяет своим тяжелым рыцарям броситься за ними вдогонку и тем самым разорвать строй, куда бы могли вклиниться наши тяжелые конники, дабы разделить армию франков и разбить их по отдельности. Однако если на кафиров нападут не легкие бедуинские стрелки, а конница опытных тюрков и курдов, то разбить колонну не составит особого труда. К тому же большинство командующих эмиров знают, что платой за их службу станут налоги с земель, которые они завоюют. Их ожидает богатство, и ради него они будут сражаться бесстрашно, как тигры и львы!

И это говорил недавно вступивший в войско Салах ад-Дина человек, паломник, совершивший хадж в Мекку, ученый, который больше времени провел над рукописями, нежели в седле! Саладин был готов обнять Баха ад-Дина. Тем более что заметил, как у присутствовавших тут эмиров загорелись глаза при мысли о добыче, а губы растянулись в довольной улыбке.

Но султан не показал своего воодушевления, он редко проявлял чувства, находясь в окружении приближенных, – истинный правитель должен быть далек и непонятен. Поэтому, спокойно склонившись над картой, Саладин указал на отмеченную на ней точку.

– Это Арсуф. Крепость у моря. Стены города мы основательно разрушили, но некоторые строения не успели превратить в груды камней, хотя и они значительно пострадали. И все же, если крестоносцы дойдут до Арсуфа, они смогут там укрыться и передохнуть. Это нежелательно. Будет лучше, если сражение произойдет на подступах к Арсуфу. Я вижу, здесь есть лес? – Он указал на карту.

– Арсуфский лес, – подтвердил кто-то из присутствующих.

– Что ж, нападать в лесу мы не станем – это только внесет путаницу и наши стрелки не смогут помогать конникам. Но когда колонна крестоносцев выйдет на равнину за лесом, войско моих верных курдов и отважных тюрков нанесут свой удар. С ними же будут и тяжело-вооруженные египетские воины-аскеры. Пусть нападают с фланга и разят арьергард противника, госпитальеров, которыми командует Гарнье де Неблус. Мы знаем, как он сражается, его действия нетрудно предугадать, да и его войско больше всего понесло потерь от обстрела бедуинов, так что отбить его от остальной колонны не составит особого труда. К тому же с госпитальерами идут и туркополы, – добавил султан, и его рот презрительно скривился, вновь проложив на щеке глубокую складку. Саладин был безжалостен к туркополам, мусульманским жителям Иерусалимского королевства, которые служили христианам. – Итак, нам надо прорвать войско кафиров, создать брешь в их боевой колонне, потом бросить туда свежие войска, расколоть армию Мелека Рика надвое и уничтожить по частям.

Султан перевел дух, медленно провел руками по длинной бороде. При этом он внимательно оглядел присутствующих.

– Войско наших курдов поведешь ты, мой Таки ад-Дин, – улыбнулся Саладин своему горячему племяннику. – Аскеров направишь ты, Баха. Наскочишь, когда войска Таки ад-Дина уже вступят в схватку. И не давай им спуска, ибо только так мы сможем разорвать колонну неверных франков.

– А мамлюки? – спросил аль-Адиль.

Мамлюки были самой боеспособной гвардией Саладина. Набранные из детей невольников, с детства воспитанные воинами и прекрасно обученные сражаться, они получали за свою службу свободу и хорошую плату и были беззаветно преданы Саладину. Но султан, будучи правителем, только руководил битвой и никогда не рисковал своей жизнью в жестокой сече, хотя обычно перед боем проезжал перед войсками, одним своим присутствием воодушевляя воинов Аллаха. Сейчас же он, повернувшись к брату, сказал:

– Мамлюки будут при мне. Я решу, когда им вступить в битву и закончить разгром кафиров. И поведешь их ты, Адиль. Моих мамлюков, своих мосульцев, а также воинов из Дамаска.

– Слушаюсь и повинуюсь, – склонившись, ответил младший из Айюбов. А когда выпрямился, старший понял, что аль-Адиль не станет больше перечить, – миндалевидные глаза брата, такие же черные, как и у самого Саладина, горели воодушевлением. – Мы отомстим неверным за кровь наших единоверцев, пролитую под Акрой.

Ох, лучше бы он этого не говорил! Многие эмиры до сих пор не могли простить султану, что тот отказался платить выкуп и из-за него погибли зарезанные, как овцы на заклании, превосходные воины. Саладин видел, как потемнели лица присутствующих эмиров. Но он не дал им опомниться, принявшись назначать командиров, объяснять, кто на каком крыле будет сражаться и как важно разделить войско крестоносцев до того момента, как франки смогут выставить против них свою тяжелую смертоносную конницу.

– Мы навяжем Мелеку Рику сражение на наших условиях! – горячо говорил предводитель правоверных, видя, как воодушевленно они его слушают, согласно кивают. – Завтра пятница – день, который у всех, кто исповедует ислам, посвящается молитве. Но на этот раз молитвой для нас станут ненависть к врагу и наша победа. Мы остановим эту стальную змею – армию презренных франков! О, я объявил священную войну джихад и, клянусь тюрбаном Пророка, не выпущу из рук оружия, пока по моей земле ходит хоть один неверный!

Темные глаза Салах ад-Дина искрились молниями, грудь бурно вздымалась. Но он заставил себя успокоиться.

– Ну а теперь помолимся, – закончил он уже другим, смиренным и тихим тоном, при этом вскинув голову и поднятые ладонями вверх руки. – Помолимся, ибо Аллах велик и славен. Он не оставит правоверных!

– Да будет так! Да будет славен Аллах во веки веков, и Мухаммад, пророк его!

Глава 5

Еще до рассвета, до того, как звуки труб оповестили крестоносцев о начале нового дня, в стане поднялись повара и обозные слуги, чтобы приняться за свои обязанности. И когда лагерь начал оживать и воины проснулись, все вокруг уже было полно запахов стряпни и аромата свежего хлеба, приготовленного в передвижных глиняных печках на телегах.

За обоз отвечал Гвидо де Лузиньян. Его люди следили за возами с фуражом, а также за тем, чтобы к каждому стану и отряду вовремя отправляли еду и запасы воды на день. Конрад подшучивал, что вот-де король Иерусалимский стал главным по кухне, – почетная, но не слишком-то славная обязанность. Однако и сам маркиз был не против, что его воины могли перекусить первыми и им доставались самые лучшие куски мяса.

Мартин, успев еще затемно ополоснуться в море, уже облачился в доспехи, поел и теперь упражнялся с тяжелой шипастой булавой. Его кисть гибко вращалась, совершая резкие обороты с опасным оружием. Действительно опасным: Мартин знал, что тонкая на вид броня мусульман на поверку бывает настолько прочной, что меч не в состоянии ее разрубить, зато булава наносила столь сокрушающие удары, что дробила кости, рвала звенья кольчуг, вдавливая их в полученные раны. Однако... Готов ли он сам сражаться, если дело дойдет до столкновения?

Отставив булаву, Мартин огляделся. В утреннем сумраке повсюду слышалось пение литании, многие молились, преклонив колени у походных алтарей. Сейчас крестоносцы просили Всевышнего проявить к ним милость, ибо кто знает, что принесет новый день.

Все же эти воины поражали Мартина своим воодушевлением. Хотя чем тут воодушевляться? Ведь после того, как войско вступило в сырую, изнуряюще душную землю Шаронской долины, кроме жары и нападок сарацин, крестоносцев стали тревожить и другие напасти: москиты, тарантулы, рычащие в зарослях львы, от голоса которых бледнели даже самые решительные вояки. Увидели они и огромных, ужасных обликом крокодилов. Прошлой ночью, во время остановки у речки, какую называли Крокодиловой, одну из прачек, толстуху Кло, утащило это жуткое чудовище, и воины потом еще долго не могли успокоиться. Женщина была немолода и непривлекательна – только таких Ричард позволил взять с собой в поход, дабы не наводить воинов на греховные мысли, – но порой солдатам так нужны ласковое женское слово, участие, забота. Так что о толстухе Кло в войске искренне горевали, молились о ее душе... и о своих, так как крокодилы вызвали у воинов ужас и омерзение. Но вот настал новый день – и крестоносцы снова были полны надежд, воспрянули духом и готовились идти далее.

Да, несмотря на все трудности, эти люди верили, что страдания и опасности ниспосланы им, чтобы испытать их на стойкость и выносливость. Священники уверяли, что путь к Христу – это умение найти смирение внутри себя и принять все, что дается Господом, без роптания. Непростое испытание, но Мартин видел, что эти решительные воины справляются: не жалуются, среди них практически нет дезертиров, зато есть цель, ради которой они готовы вынести все, что угодно. Они были едины в этом, и единство делало их несокрушимой силой. Но Мартин не считал себя одним из них. Спрашивается, что он тут делает? Ведь его ждет невеста!

Странно, но в последнее время мысли о Руфи тут же наводили его на воспоминания о Джоанне. Мартин надел шлем и сквозь прорези поглядел туда, где покачивались на волнах многочисленные корабли флота крестоносцев. Он узнал, что на одном из них находится трофей Ричарда – киприотская царевна. А с ней знатные дамы ее свиты. Неужели и англичанка там? По крайней мере после рассказа Эйрика о встрече с Джоанной Мартин вполне мог такое предположить.

Эйрика он увидел буквально через пару минут. Рыжий приближался, ведя под уздцы двух лошадей – своего бурого и Персика для Мартина.

– Арсуф, – негромко произнес Мартин, поправляя подпругу у саврасого. – Это по пути, и оттуда мы уедем, оставим поход.

Покрытое рыжей щетиной лицо Эйрика расплылось в улыбке.

– Ну, наконец-то!

Но, оглядевшись по сторонам, он посуровел.

– Они-то, конечно, славные парни, эти воины Креста, и хорошо держатся, клянусь воинственным Тором. Однако это не наша война, малыш. Так что... Но почему, собственно, Арсуф? Может, прямо сейчас? Пришпорим коней и...

Он улыбнулся, но тут же умолк, встретив устремленный на него сквозь прорези в шлеме взгляд Мартина – ироничный, почти насмешливый. Неужели простодушный Эйрик сам не понимает? И рыцарь повел рукой вокруг себя.

В стане крестоносцев царила привычная перед выступлением суеда: складывались и упаковывались шатры, облачались в доспехи рыцари, седлались лошади, пехотинцы выходили в строй, набрасывая на плечо ремни своих огромных каплевидных щитов. Скоро по знаку трубы все тронутся в путь, будут двигаться по побережью плотной массой, не размыкая строй, только редкие конники-дозорные время от времени станут проноситься вдоль всей колонны, передавая распоряжения или следя, где может понадобится помощь. И при этом порядке Мартину с Эйриком не так-то и просто будет оставить войско. Учитывая еще, что вокруг шныряют с луками наизготовку бедуины Салах ад-Дина, готовые поразить любого, кто удалится от колонны. Да и крестоносцы будут удивлены, если начальник конницы иерусалимского короля вдруг помчится невесть куда со своим оруженосцем. А Эйрик уже должен понимать, какие превосходные у крестоносцев стрелки.

– В Арсуфе Ричард рассчитывает дать войску передохнуть пару дней, – стал пояснять рыжему Мартин. – Значит, люди будут отвлечены лагерными хлопотами и не станут за нами приглядывать. Понятно? Ну а пока запасись галетами и питьевой водой – на первое время после нашего исчезновения они очень пригодятся. Сейчас луна только родилась, света достаточно, чтобы мы видели путь, но недостаточно, чтобы заметили, как мы уедем. Да и для сарацинских наблюдателей темновато, чтобы была вероятность попасть стрелой во мраке в двух скачущих вдоль моря всадников. Мы же доберемся до Кесарии, где Ричард оставил гарнизон крестоносцев, наплетем им что-нибудь, мол, гонцами едем. Может, и лодку удастся взять, чтобы выйти в море, – в Кесарии их хватает. Ну а там...

– И понесут нас ветры перемен! – воодушевленно подхватил Эйрик.

Мартин похлопал его по плечу.

– Ну, старина, ветры перемен нас носят всю жизнь.

Наверное, уже пора найти тихое место, не так ли?

– Ну, это как Ашер...

– Ашер – мой должник. И сдержит слово.

Правда, было еще кое-что, что волновало Мартина. За время похода он сблизился с королем Гвидо, который оказался неплохим господином, всегда заботящимся о своих людях, и внимательным, приятным собеседником. Но, как полководец, он совершенно не разбирался в военной жизни, поэтому Мартину то и дело приходилось давать ему советы, подсказывать приемлемые решения. У Гвидо хватало ума слушать и быть благодарным за подсказки. Как же он теперь обойдется без своего Фиц-Годфри, когда того не станет?

– Кто поддержит Лузиньяна, когда я уеду? – вслух рассуждал Мартин, будто советуясь с озадаченно взиравшим на него Эйриком. – Во всяком случае с ним будут Ибелин и Конрад Монферратский. А они опытные воины, привычные к походной жизни. Подскажут, если понадобится.

– А ты уже к Гвидо в няньки заделался, – вскакивая на лошадь, проворчал Эйрик. – И заботливый такой стал, нежный... Хоть к ране прикладывай.

Он пришпорил своего бурого, а Мартин отправился к королю Гвидо.

В этот день воинству крестоносцев предстояло преодолеть большой Арсуфский лес. До этого на их пути встречались только редкие группы пальм и фисташки, а тут местность изменилась, появились невысокие таврские дубы, росшие густо и плотно и хранившие под своей сенью неподвижный зеленоватый сумрак. Но, несмотря на тень, в лесу не было дуновения ветра, прогретый воздух был влажным, отчего казалось, что доспехи вместе с подкольчужницей, пропитавшись потом, слипаются с кожей. Особенно тяжело приходилось пехотинцам, тащившим на себе поклажу и тяжелые щиты. А еще и мошкara, роившаяся над уставшими людьми, забивалась в рот и нос, лезла в глаза.

– Фиц-Годфри, отчего вы не снимаете топхельм даже в лесу? – откинув со лба влажные пряди волос, спросил король Гвидо.

– Привычка, – отозвался Мартин, а сам тем временем наблюдал сквозь прорези шлема за проехавшей неподалеку вереницей тамплиеров в их белых с крестами накидках. Лица храмовников были скрыты под горшкообразными топхельмами. Один из них ехал на гнедой лошади с широкой белой полосой на морде и белыми стройными ногами. Похожих коней как раз доставляли из конюшен Незерби. Де Шампер?

Тамплиеры проехали мимо, но через некоторое время уже скакали назад, маневрируя между стволами кряжистых деревьев. И вскоре по рядам воинства прошла весть, которую донесли лазутчики: огромное войско Саладина находится неподалеку, на покрытых таврскими дубами возвышенностях.

Крестоносцы сразу подтянулись. Обычно обозы и конные рыцари сосредоточивались в центре колонны, за пехотой, которая шла по краю, прикрываясь щитами. Одна шеренга пехотинцев прикрывала отряды во время набегов, а когда они уставали или у их лучников заканчивались стрелы, их сменяла другая шеренга – та, которая шла вдоль кромки берега и могла передохнуть от обстрелов.

Уставшие же отступали к морю, где могли перевести дух, закинуть за спину щиты, попить воды и даже, если берег позволял, облить себя морской водой.

Именно такая смена стрелков происходила, когда воины стали выезжать из леса. Где бы в этот миг ни находился Саладин, пока ничто не предвещало опасности, и напряжение постепенно стало спадать. Многие даже запели:

В войске, считай, смельчаки лишь остались, Готовые доблестью путь проложить, Чтобы паломничество совершить.

Стальная змея войска с поднятыми на древках, но обвисшими в знойный безветренный день знаменами все дальше уходила от зарослей, где никто их так и не осмелился атаковать.

Мартин тоже перевел дыхание и закинул за спину щит. Но его глаза сквозь прорези шлема так и шарили по окрестностям. Дорога шла по пляжу у моря, вдоль склонов холмистой гряды слева. Между этими возвышенностями и колонной крестоносцев лежала открытая ровная местность, расстоянием немногим более мили. Неплохое место для боя, если не брать в расчет, что равнина была недостаточно широкой, чтобы тут могло развернуться большое войско. А Саладин никогда не нападал, не будучи уверенным в подходящей позиции. Но если его войско рядом... Султан Салах ад-Дин – очень непредсказуемый человек и часто поступает так, как от него не ждут.

И все же, выходя из зарослей, крестоносцы за маревом душной дымки уже стали различать очертания руин крепости Арсуф. В шеренге пехотинцев кто-то произнес:

– Еще немного, и мы сможем передохнуть. О Небо, какая жара! Мать бы родную продал за дуновение ветра с моря.

Мартин, двигаясь на полкорпуса позади короля Гвидо, слушал, как молодой Онфруа де Торон, этот знаток и книгочей, рассказывал своему королю:

– Арсуф – очень древний город. Некогда основавшие тут поселение греки называли его Аполлонией. Позже, когда эти земли оказались под властью Византии, город заметно укрепился и расцвел, но назывался он уже Созуса. А потом, когда мусульмане изгнали из этих краев ромеев, они переименовали Созусу в Арсуф. Но при них Арсуф не пользовался влиянием, все тут пришло в запустение. Это уже при крестоносцах здесь заново отстроили рыбацкую гавань и над ней, на скале, возвели крепость. Но, боюсь, что после Хаттина, когда султан повелел разрушить все укрепления христиан, нас тут встретят только запыленные руины.

– Отчего же? – подал голос Гвидо. – Я даже отсюда могу разглядеть внушительных размеров стены. Сегодня седьмое сентября, завтра – день Рождества Девы Марии. Вот мы и отметим его в базилике, возведенной в Арсуфе в честь Богородицы. А еще мы...

Он не договорил, резко оглянувшись на шум сзади. Там на только что появившихся из зарослей Арсуфского леса госпитальеров напали сарацинские набегчики. Даже сюда, до середины длинной шеренги армии, долетал их пронзительный визг, слышалось ржание лошадей, гортанные выкрики. Но все оставалось, как и прежде: колонна на марше продолжала свое движение, крестоносцы только плотнее сдвинули ряды и отгородились щитами. Лучники тоже доставали стрелы, кое-где звякнули тетивы, но Мартин повелел не стрелять: напавшие на арьергард были слишком далеко, чтобы выстрелы нанесли им вред.

Двигавшийся впереди воинства Ричард тоже услышал этот шум, но сохранял спокойствие. Арьергард и ранее страдал от нападок сильнее всех, однако опытные госпитальеры и отчаянно смелые лазориты обычно справлялись с наскоками бедуинов своими силами.

– На месте султана я не стал бы тут нападать, – заметил Ричард то ли себе, то ли ехавшему рядом Гуго Бургундскому. – Слишком мало пространства для маневров.

– Отчего же мало? – осмотрев с высоты своего скакуна песчаную равнину, возразил Медведь. – Если с места, да в карьер, да копыта наперевес...

Издали, со стороны арьергарда госпитальеров, попрежнему доносились шум, крики, грохот. Клубилось облако песчаной пыли, какую обычно поднимали конники, но горн, который должен был сообщить о начале конной атаки крестоносцев, молчал. Ричард строжайше запретил подавать этот сигнал без его приказа. А его приказ оставался прежним: продолжать двигаться, не разрывая единый строй воинства.

– Сир, не послать ли гонца в конец колонны? – волновался рядом Медведь. – Может, арьергарду нужна помощь? Какого дьявола вы медлите, Ричард! Вы же слышите, что там творится!

Что бы ни было... они должны или выманить все войско Саладина на большое сражение, или успеть добраться до Арсуфа и только тогда, передохнув, дать бой. Сейчас же... Король упрямо сжал зубы и приказал командирам, как и ранее, держаться слитной массой.

Ричард прикинул: большая часть армии Саладина состояла из легкой конницы, подвижной и маневренной; насакивали обычно бедуины и темнокожие суданцы в легких доспехах и на исключительно резвых скакунах. И те, и другие были вооружены луками и беспощадно острыми дротиками с древками из тростника. Крестоносцы, закованные в броню и прикрытые большими щитами, выдерживали их нападения, а если урон был существенным, колонне, как всегда, помогал быстрый отряд Ричарда. При виде конных рыцарей бедуины и суданцы обычно сразу отступали, но их не преследовали – это был приказ короля. А если лучники султана не уходили далеко и продолжали досажать крестоносцам, тогда следовал залп арбалетчиков. Их тяжелые болты летели куда дальше оперенных стрел сарацин, и те, понеся потери, в ужасе уносились прочь; арбалетчики же после их отхода под прикрытием рыцарей и пехотинцев с большими щитами собирали свои дорогостоящие литые болты. Пока что такая тактика показывала себя безупречно, и войско продолжало продвижение.

Но тут в голову колонны к Ричарду прискакал гонец от герцога Леопольда Австрийского. Герцог со своими людьми находился в строю неподалеку от госпитальеров, и он через гонца

сообщал, что на рыцарей ордена Святого Иоанна идет столь массированное наступление, что сарацины почти загнали пехоту в море, рыцари ордена оказались открыты стрелам врага и кони под ними так и падают под шквальным обстрелом. «Не пора ли моим австрийцам ответить врагу?» – интересовался Леопольд. Но Ричард повторил приказ: держаться скупенно и не прекращать движение!

При этом лицо короля было бледным от напряжения, он вглядывался вдаль, гадая, что это – очередной дерзкий наскок или... Ах, добраться бы до Арсуфа, где равнина расширяется достаточно, чтобы он мог отдать приказ развернуться и ударить по врагу конницей! Однако Арсуф еще так далеко!.. Да и жара донимает, пот застилает глаза...

Ричард вытер лоб под позолоченным ободом венчавшей его шлем короны. И когда смог сквозь потную резь в глазах смотреть, с удивлением заметил, как по воде вдоль самой кромки берега, разбрызгивая прибрежные волны, к нему скачет сам магистр Гарнье в своем черном с белым крестом одеянии и высоком белом тюрбане. Ричард не поверил своим глазам: чтобы сам магистр, глава собратьев-рыцарей, – и оставил своих людей?!

– Они преследуют нас, государь! – кричал Гарнье. – Их отряды появляются из леса в большом количестве и насаждают на нас. Они стреляют, и небо потемнело от их стрел и дротиков. Мы несем потери... Мы теряем лошадей! И мы обесчестим себя, если не осмелимся нанести ответный удар. Долго ли нам еще терпеть это?

– Терпеть! – только и рявкнул Ричард.

Гарнье резко натянул поводья, и его конь встал на дыбы. Магистр изумленно смотрел на Львиное Сердце, будто не верил своим ушам. И тот как можно спокойнее повторил:

– Был приказ – оставаться в строю. Если станет неважоту, я сам приеду, чтобы помочь вам.

И он поехал дальше, не глядя, как магистр все так же, по воде, поскакал обратно. Орденские рыцари могли не послушать короля Английского, но в походе, где они сами ратовали за предводительство Ричарда, не смели поступить своевольно.

«Если именно здесь суждено состояться решительному сражению, – лихорадочно думал Ричард, – то только после того, как Саладин пустит против нас всю армию. И тогда мы доберемся до самого ее ядра, а не будем тратить силы на вспомогательные отряды хитроумного Юсуфа. Но послать армию сюда... Разве султан не понимает, что если для разбега нашей конницы тут вполне достаточно места, то для его маневренных всадников пространства как раз и не хватает. Нет, я бы на его месте не спешил. Похоже, это все же уловка, и нам следует двигаться дальше».

Тем не менее на душе у короля было неспокойно. В какой-то момент он заметил, что и де Шампер оглянулся и смотрит на лесистые возвышенности за равниной. – Вы слышите, государь? – крикнул маршал.

Да, теперь атака бедуинов сопровождалась доносившимся откуда-то из-за деревьев грохотом барабанов, звоном бронзовых литавр, тягучими звуками труб.

– Это серьезно, Ричард! – прокричал де Шампер.

И Ричард увидел, как вдали, там, где завершали колонну его армии госпитальеры, облако пыли сгустилось еще более. Доносился вой – тонкий, пронзительный. Так обычно вопят вошедшие в раж пехотинцы сарацин, жадные до джихада, готовые в своем фанатичном пылу наскочить и на железных конников. Вооруженные луками и стрелами, с длинными острыми копьями, они могли нанести серьезный урон.

Расстояние до стычки, происходившей в конце строя, было огромным, и все же в какой-то момент Ричард увидел, как темная масса госпитальеров пошла в атаку на пехоту султана.

– Проклятье!

Этот вопль вырвался у короля, когда он увидел, как навстречу госпитальерам вслед за пехотой из-за деревьев огромной нескончаемой массой выскакивают все новые и новые кон-

ники сарацин, их знаменосцы несут зеленые знамена Пророка и желтые самого султана Салах ад-Дина. Пришпоривая коней, они нагоняли и топтали своих же солдат-пехотинцев. Вот сейчас они схлестнутся с вырвавшимися из строя госпитальерами, закипит бой, а потом волна воинов Аллаха отделит иоаннитов от остального войска, окружит, уничтожит...

– За мной! – приказал Ричард и во главе своего быстрого отряда понесся вдоль колонны, по его приказу не прекращавшей движения.

Но король поскакал не для помощи госпитальерам. Он понял – его время пришло! Саладин решил на бой! Причем решил на условиях, какие и хотел навязать ему Ричард!

– Дадим Саладину сражение, которого он так хочет! – вскричал король, выхватывая из ножен и поднимая вверх меч. – Рыцари Христа! Мы здесь ради битвы Господа с дьяволом! Убить сарацина не грех. Так убьем же их всех! Пора!

Он взмахнул рукой с мечом, и тотчас заиграли трубы во всех подразделениях, во всех отрядах, каким надлежало принять участие в битве.

По рядам застывших наготове всадников пронеслась легкая дрожь: лошади дернули головами, люди прижали пятки к бокам животных и поудобнее перехватили свои острые пики. Встрепнулись флажки, ярко вспыхнули солнечные лучи на лезвиях вынутых из ножен клинков.

В отряде рыцарей из Пуату и сирийских баронов, которыми командовал Гвидо, все было по-другому. Здесь трубы не подали сигнал к атаке – так было оговорено заранее. Ибо кто-то должен был остаться и охранять обоз. Не в обычаях Ричарда было сразу кидать все воинство в сражение, не оставив кого-то в резерве, и такой приказ был ранее отдан на воинском совете Гвидо. Его люди знали об этом, и все же, когда загремели трубы, Гвидо тоже стал разворачивать своего коня, тоже схватился за копье.

– Нельзя! – послал своего саврасого наперерез Лузиньяну Мартин.

Они почти сшиблись, их лошади с диким ржанием взвились на дыбы.

– Опомнитесь, Гвидо! – кричал Мартин, тесня растерявшегося Лузиньяна. – Вы забыли приказ?! Наше место здесь!

Но рядом уже давал указание развернуться для конной атаки Конрад Монферратский.

– Мы покроем себя славой! – воздев руку с мечом, обратился маркиз к своим рыцарям.

Мартин не мог перекричать его в шуме и грохоте оружия, воцарившемся здесь в одно мгновение. Тогда он сильно ударил Монферрата мечом плашмя по его вороненому топхельму. Маркиз зашатался в седле.

– Назад! – кричал в это время Мартин, вздыбливая Персика среди окруживших его воинов рыцарей маркиза. – Не совершайте глупости! Есть приказ...

По сути, Мартину не было никакого дела до происходящего. Но он уже оценил расчетливость и восхитился воинской предусмотрительностью Ричарда, не хотел рушить его планы и, даже окруженный гневными людьми Конрада, которые уже выхватывали мечи, стоял на своем. Его защитил авторитет барона Ибелина.

– Назад, парни! На позицию! Наша задача – охранять обоз. Так было решено, и я сам встану на пути всякого, кто не подчинится заранее обговоренному плану.

Понимая, чем обязан Ибелину, Мартин отсалютовал ему мечом. Но и люди Конрада уже стали сдерживать коней, готовых рвануться в атаку. Кто-то из них поддерживал все еще оглушенного, шатавшегося в седле Конрада, но с места не трогались. Теперь они только наблюдали за тем, что происходило на равнине.

Армия верховых рыцарей Ричарда выстраивалась для нанесения удара. И тут Мартин опять восхитился, увидев, насколько вымуштрованным было воинство христиан, как отработаны были все маневры.

В отличие от Саладина, пожертвовавшего пехотинцами, которые погибли под копытами лошадей своих же всадников, крестоносцы поступали иначе – их тактика боя строилась на

непрерывном взаимодействии пехотинцев и конных рыцарей. Развертывание из походного порядка в боевой было отработано до мелочей и не заняло много времени. Когда зазвучали трубы, пешие воины вмиг сгруппировались, присели скопом, накрывшись своими большими щитами, так что получилось нечто вроде укрытых холмиков, между которыми образовались проходы, куда и устремились тяжеловооруженные рыцари.

Им навстречу неслись бесчисленные воины султана. Раздавались громкие крики «Аллаху!», их подгоняли звуки барабана и цимбал. Но вот тяжеловооруженные рыцарихристиане, выставив копья, поскакали им навстречу, и по всему фронту понеслась стальная лавина. Со стороны это выглядело великолепно и устрашающе! Ровный ряд, полный блеска и топота, прибойной волной надвигался на противника. Гудела земля, и не было силы, способной выдержать натиск тяжелой кавалерии крестоносцев. Грохоту железа, ржанию коней, воплям боли и ярости внимали окрестные лесистые холмы и притихшее полуденное море.

Ричард сам несся среди своих конников, не в силах удержаться от участия в атаке. Он любил опасные поединки, ему нравилось ощущение единства с оружием, и, проникаясь азартом схватки, король использовал возможность показать свою ловкость. Рассеяв отряд мечущихся между конниками пеших поклонников джихада, Ричард врезался в толпу воинов ислама. Краем глаза он видел, как несколько лошадей под его рыцарями упали и всадники перелетели через головы убитых животных.

Но это не могло остановить мчавшуюся вперед лавину.

Его конница! Его гордость!

Копейный удар рыцарей, наскочивших на армию султана немного сбоку, в сторону к лесу, откуда появлялись воины ислама, возымел свой обычный сокрушающий результат. Расстояние между обоими войсками было столь малым, удар настолько сильным, а внезапность столь велика, что мусульмане не успели даже развернуть коней для встречной атаки, тогда как каждый из рыцарей видел перед собой своего врага, наконецником копья пронзал его тело, выбивая из седла. Сарацины не были готовы выдержать такой напор и гибли десятками. Легкие конные стрелки не смогли противостоять ощерившемуся копиями строю. Те, кто все же успел отклониться и проскочить через шеренгу рыцарей, были сражены залпом вставших на позицию за конницей арбалетчиков и лучников. Но все же основной урон был нанесен там, где, словно коса по траве, проносилась конница. Сразив немало врагов, рыцари хватались за мечи, булавы, секиры и начинали разить еще не успевших опомниться от такой стремительной атаки сарацин. Мусульмане попытались организовать сопротивление, но рыцари были в таком раже, что рубили направо и налево, сшибались с новыми противниками и убивали. Над сражавшимися тучей поднималась пыль, ржали лошади, кричали и вопили люди, грохотала сталь.

А где-то в лесу все еще били и били барабаны, насылая новых конников Салах ад-Дина, которых тут же затягивало в гущу жестокой сечи.

Вскоре битва развалилась на множество отдельных очагов: из-за столбом поднятой пыли предводители отрядов не видели своих людей и не могли ими управлять. Каждая группа рыцарей сперва держалась возле своего вожака, но вскоре эти дружины, преследуя противника или отбиваясь, стали распадаться на кучки, на десятки, на пары... Здесь и там, покончив с двумя-тремя противниками, стряхнув кровь с мечей, рыцари оглядывались и устремлялись на шум ближайшей схватки, чтобы начать все заново.

Мартин вместе с Гвидо, опешившим Онфруа и уже опомнившимся от гула в голове Конрадом следили со стороны за боем. Порой они в запале орали, порой азартно выкрикивали ругательства. Но все уже поняли: христиане побеждают! И пусть пыль затянула поле битвы густой завесой, все же они заметили, что всадники Аллаха чаще и чаще поворачивают коней назад, стремясь укрыться под сенью леса.

Султан Саладин с возвышенности следил за происходящим. Его лицо оставалось спокойным, даже когда он увидел, как закованный в броню рыцарь снес острием копья с седла его

племянника Таки ад-Дина, как мечется в пыли среди вражеских конников в своей алой чалме поверх шлема его друг Бахи ад-Дин, которого отбивают от яростных кафиров конные туркмены, видел, как они уступают, падают, а Бахи все никак не может вырваться из гущи врагов, хотя уже было ясно, что единственное желание воина-ученого – бежать из этого опасного ада. И едва выпала такая возможность, Бахи ад-Дин тут же поскакал прочь, уводя за собой остатки своего войска.

Саладин наблюдал за сражением молча. А вот аль-Адиль, находившийся рядом с ним, горячился. Его пыл передался коню – вороной кружил на месте, и аль-Адиль, натягивая поводья, молил брата:

– Повелитель, у нас же еще есть войска. Ради самого Аллаха, отдайте приказ наступать!

Но султан еще не решил, стоит ли ему рисковать своими лучшими частями, он оценивал положение. В душе его словно образовался змеиный клубок гнева, ярости, удивления, сомнения и горячего желания победить. Но победит ли он? О, Саладин уже понял, каков в бою король Ричард! Со своего места султан то и дело выхватывал взглядом его алый плащ среди мешанины воинов и вздыбленных коней, вспышек стали и клубов пыли. И везде, где был королькрестоносец, в какой бы гуще битвы он ни оказался, вскоре вокруг него образовывалась лишь пустота. А еще – поверженные тела, устилающие землю.

И все же бой начал стихать. Только в дальнем его конце, там, где откатывающаяся волна беглецов-сарацин тянулась к лесу, еще кипели схватки.

Наблюдавший со стороны Мартин тоже уже не сомневался в победе и облегченно перевел дыхание. Он улыбнулся под стальной личиной шлема. Славная была битва! Эти рубаки крестоносцы – парни что надо! Он даже пожалел, что не был причастен к этой победе.

Рядом говорили о том же:

– А мы все это время прикрывали обозы и больных – пусть почетная, но бесславная задача.

– Но ведь кто-то же должен был защищать обозы! – пытался оправдаться Онфруа де Торон.

Проезжавший мимо Конрад добавил:

– А главное – тут безопасно, не так ли, маленький книгочей?

Его насмешка глухо прозвучала из-под личины топхельма. Маркиз снял его и вытер лицо. Онфруа с тихой ненавистью глядел на того, кто увел у него жену. И сделал ее счастливой, как все говорят... Но даже ненависть Онфруа делала его красивое лицо жалким – столько в нем было обиды. А гордый барон Ибелин, похоже, пожалел его.

– Не надо задирать Онфруа, Конрад. Ричард приказал охранять обоз, и Фиц-Годфри правильно сделал, что остановил нас.

– О, моя голова это особенно почувствовала, – рыкнул Конрад, но, заметив устремленный на него сквозь прорези шлема холодный взгляд Мартина, не стал развивать эту тему. – Вот и выходит, что по приказу английского Льва все тут оберегают как обоз, так и любимчика Ричарда, Иерусалимского короля, – насмешничал Конрад. При этом его соединенные шрамом брови казались нахмуренными, отчего улыбка выглядела жутковатой. – Но чести это Гвидо не добавляет.

Лузиньян не был так спокоен, как Мартин, и, резко развернув своего коня, произнес, обращаясь к Конраду: – Послушай, наследничек...

– А ну, тихо вы! – вскинул руку Мартин. – Слышите?

Все замолчали, пытаясь уловить звуки. С поля боя еще доносился гул, какой бывает после сражения: командиры скликали своих воинов, громко стонали раненые, ржали потерявшие всадников кони, которых пытались поймать пехотинцы.

Однако Мартин заметил иное.

– Барабаны Саладина умолкли.

– Ну да, – подтвердил через миг Конрад. – Но сколько можно было долбить в них без остановки? А теперь...

Он осекся, когда дробь барабанов зазвучала снова, опять ударили цимбалы и этот гул стал подниматься по нарастающей...

Мартин догадался: вторая атака! А крестоносцы, занятые последними схватками и сбором отрядов по всей арсуфской долине, даже не обратили на это внимания. В дальнем конце поля боя, там, где только что отступили последние отряды неприятеля, можно было видеть какое-то столпотворение, там мелькал стяг Ричарда, там же было и знамя Гуго Бургундского. Похоже, Ричард удерживал бургундцев от преследования сарацин, что часто становилось ловушкой для увлекшихся погоней за отступающими. Но сейчас звук барабана означал, что сарацины уже не отступают, – они шли в наступление! И совсем в другом месте! А войско крестоносцев рассеяно по всей равнине!

Барабаны звучали все громче и громче – грохот, казалось, шел из небес. И вот из зарослей на разъехавшихся, рассредоточенных по всему песчаному полю рыцарей вынеслись новые, полные сил войска Саладина. Мартин расширившимися от изумления глазами смотрел, как приближалась туча пыли, слышал топот бешено скачущих лошадей. Казалось, что по полю катились раскаты грома... Всадники неслись, вздевая сверкающие сабли; они были в шафрановых туниках, наброшенных поверх кольчуг, такого же цвета было и знамя, которое развевалось над ними, – мамлюки! Лучшие воины Саладина! А с ними под черным флагом далекого Багдада, который повелитель правоверных³¹ прислал султану, скакали в пестрых чалмах на шлемах великолепно вооруженные египетские всадники-эмиры со своими отрядами.

О, Саладин не тот человек, чтобы решить все одним ударом, как многие, заблуждаясь, подумали. Оставив главные силы в резерве, он выждал подходящий момент и вот теперь дал приказ наступать.

– Трубить в трубы! – выкрикнул Мартин, прежде чем понял, нужно ли ему это. – На коней! В ряды!

Первым опомнился и подхватил его приказ Конрад. Он повторил клич Мартина – и трубы заиграли. Все рыцари из отрядов пуленов, крестоносцев из Пуату, германцев Конрада и сирийцев Ибелина вскакивали на коней и строились в ряд с копьями наперевес. Пока рыцари на равнине опомнятся, пока смогут выстроиться и отразить эту новую лавину войск султана, кто-то должен был остановить натиск врага!

– В копье! – кричал Мартин. – Стройся в ряд!
Вперед!

Команды выполнялись беспрекословно. Замешкавшийся было от неожиданности Гвидо оказался почти за строем, кони рванули, он заметался в потоках поднятой ими песчаной пыли, понимая, что теперь ему придется догонять.

И все же рыцари Христа были великолепными воинами. Рассредоточенные по всей равнине, они быстро разворачивали коней на звук трубы и, где бы ни находился их отряд, спешили к несущимся конникам Гвидо, умело вливаясь в строй, удлиняя линию атаки и настраивая опущенные копья на врага. Они наступали!

Наблюдавший за происходящим Саладин только мучительно застонал, когда увидел, как к небольшой группе конных рыцарей словно по волшебству примыкают остальные конники, мчащиеся к ним со всех концов поля. Вон и Ричард, который только что был в дальнем краю равнины, уже со своими рыцарями примкнул к шеренге конницы; кто-то из них скачет впереди, кто-то сзади, но копья подняты и направлены на его лучшие силы. Сшибка! Грохот и смешение красок – шафрановые конники-мамлюки разделились, рыцари проникали в их ряды, как будто

³¹ Повелитель верующих – официальный титул халифа Багдадского.

сам шайтан вселил в них новые силы, настолько сокрушительной была их атака. О, Аллах, как такое возможно! Откуда у них столько сил? Как они успели так быстро собраться?

Мартин мчался в шеренге рыцарей и испытывал ни с чем не сравнимое воодушевление. Уже много лет ему не приходилось сражаться в таких конных поединках, он давно привык единолично биться и защищать себя.

Но сейчас, ощущая себя единым целым с множеством собратьев по оружию, он переживал необыкновенный душевный подъем... Не было ни страха, ни мыслей – были только раж схватки и ощущение силы, в которой ты один из многих и переполнен этой общей силой.

Противник, которого он наметил себе в лавине встречных сарацин, мчался, воздев руку с блистающей саблей и закрывшись круглым, горящим на солнце щитом. Мартин с наскока ударил его в этот щит. Удар получился оглушающим – толчок копья отдался глухой мощью до плеча. Однако опытный соперник-мамлюк отразил удар щитом, стальная поверхность которого защитила его владельца. Но лишь на миг, ибо от силы столкновения его вместе с конем отшвырнуло куда-то в сторону, на острия копий следовавших рядом с Мартином рыцарей. Мартин же теперь навел копье на следующего врага, выделив его в массе желто-шафрановых мамлюков. Он несся вперед, открыв в неистовом вопле рот, и острие вошло прямо в эту яростную пасть, рвануло... Голова мамлюка вмиг отделилась, оторвалась, осталась висеть на копье, когда Мартин уже бил копьем следующего противника, вышиб его из седла, пронзил, отбросил. И только тут рука с копьем пошла вниз под грузом нанизанного на нее мертвого тела, заскользила в кольчужной перчатке от густой крови врагов.

Для Мартина это был опасный миг – он уже не мог поднять тяжелое копье и выронил его, оказавшись на время безоружным. Но успел поднять щит, заслонился, и о его дубовую, покрытую кожей и заклепками поверхность застучали сразу три вражеских клинка. А потом его рука привычно взялась за булаву, и Мартин стал отвечать ударом на удар, его конь кружил, лягая лошадей сарацин, которые были теперь повсюду, ибо, проредив в копейной сшибке часть вражеского войска, крестоносцы ворвались в ряды превышающих их численностью сарацин.

Рыцарские кони, более тяжелые и медлительные, чем увертливые лошадки мусульман, теперь показывали себя во всей красе, сбивая их своей мощью вместе с всадниками, кусая и разя тяжелыми копытами. Мартин работал тяжелой булавой, в пылу схватки даже не ощущая ее веса, зато при ударе его страшное оружие крушило нападавших вместе с доспехами, все вокруг будто переполнилось кровавым туманом от летевших во множестве кровавых брызг, хрустевшей плоти, яростных, полных боли и ужаса криков.

Желтые шафрановые накидки вокруг, островерхие шлемы, темные бородатые лица, скрежет зубов, храп лошадей... В какой-то миг Мартин увидел, как по рядам мусульман, будто молотобоец на гумне, пробивается огромный рыцарь, высокий шлем которого венчало изображение орла из серебра и бронзы, и узнал Леопольда Бабенберга. Мартин успел сразить всадника, который метил острой пикой в австрийского герцога со спины. В другой раз Мартин оказался в ряду теснящих сарацин тамплиеров, чьи белые котты были сплошь в кровавых брызгах, и несколько мгновений сражался рядом с ними, не думая о де Шампере, а только отметив, как великолепно бьются храмовники. Вокруг валились тела, и в какой-то миг Мартин даже оказался свободен от схватки и успел оглядеться.

Вокруг творилось невообразимое: все кипело от человеческого движения в этом яростном вихре смерти, мелькали тела, искаженные лица, руки с кривыми саблями и разящими мечами, падали всадники, грызлись друг с другом кони, клубы горячей пыли пахли кровью...

Размышлять было некогда... И все же не думать совсем было нельзя. Мартин особенно это ощутил, когда на него вдруг напал огромный мамлюк, просто гигант в своем высоком сверкающем шлеме и оскаленными зубами в обрамлении черной бороды. Великан рубил и рубил

без передышки своим огромным скимитаром³² по подставленному щиту Мартина, щит трещал и распадался, он уже не защищал руку, а рыцарь все не мог достать врага своей булавой, более короткой, нежели меч.

Спас Мартина Персик. Взвившись и заржав, он ударил копытом в грудь лошадь огромного мамлюка, та шарахнулась в сторону, противники на миг сблизилась, и для Мартина открылась возможность ударить мамлюка булавой по открытому в обрамлении кольчужного оплечья лицу, превратив лик чернобородого гиганта в страшное кровавое месиво. Отбросив остатки разбитого щита, Мартин изловчился и выхватил свободной рукой меч – и как раз вовремя, ибо тотчас успел отсечь чью-то занесенную для удара руку с саблей. Отрубленная кисть, все еще сжимавшая оружие, пролетела мимо его лица, обдав кровавыми брызгами.

Еще не веря в победу, он с ужасом ощутил за спиной чье-то присутствие, но времени отразить удар напавшего сзади не было... Однако тут за ним раздался звон, потом хриплый крик, и Мартин уловил движение падающего тела.

Быстро оглянувшись, он увидел пронесшегося мимо спасителя, который лишь на краткий миг отсалютовал ему мечом и тут же вступил в новый поединок. Рыцарь был в пластинчатом оплечье поверх кольчуги, его светлая котта вся побурела от крови врагов, но все же Мартин заметил червлено-золотую шахматку герба под темными потоками. Лестер, Роберт Лестер, милый племянник Джоанны.

Но задумываться, кому обязан жизнью, времени не было. Разя мечом и булавой, наседа на врагов, он поневоле сражался сразу обеими руками, как это делал Эйрик, учитель его первого боя... Проклятье, а где сам рыжий?

Норвежца Мартин увидел, когда сражавшихся вокруг врагов стало меньше и они уже не так теснили рыцарей. Эйрик с кем-то рубился в стороне, его большая секира в одной руке и выхваченный у кого-то из врагов скимитар вращались, снося противников, как стебли тростника. В какой-то миг, отправив к Аллаху очередного его приверженца, Эйрик оглянулся и заметил в толпе своего приятеля. Рыжий сразу подъехал, блестя глазами в прорези округлого шлема, закрывавшего верхнюю половину лица.

Мартин заметил, что рука Эйрика в кольчужной перчатке вся в крови, да и рукав туники поверх доспеха почернел от крови.

– Тебя ранили?

Эйрик озадаченно оглядел руку, повертел ее вместе с секирой.

– Нет. Это кровь тех, кто мне попался. Ох, малыш, ну и славная же ныне вышла обедня, клянусь былой невинностью! И разродиться мне на этом же месте, как шлюхе, если эти парни в чалмах не отступают!

Мартин тоже это понял, заметив, как шафрановые накидки мамлюков удаляются к лесу – кто верхом, кто бегом, кто прихрамывая или увлекая с собой пошатывающихся товарищей. А конники-крестоносцы догоняют их, разят, схлестываются с теми, кто в отчаянии принимает последний бой. Ибо то, что это последний, уже никто не сомневался.

В это время на холме застывший, словно изваяние, Саладин смотрел расширившимися глазами на страшное поражение своих лучших воинов внизу. Проклятые кафиры выдержали и второй бой! Их не победили даже его знаменитые мамлюки!

– Юсуф! – кричал рядом аль-Адил, только что примчавшийся с поля боя, весь обрызганный кровью. Он тряс замершего в неподвижности брата. – Юсуф, самим Пророком заклиная, дай приказ трубить отход. Спаси остатки своей армии! Это не позор. Позор будет, когда ты останешься совсем без войска!

³² Скимитар – восточный кривой меч, расширяющийся к концу.

И видя, что пораженный брат не двигается, аль-Адиль сам приказал дать сигнал, а потом, схватив лошадь Меча Ислама под уздцы, стал увлекать его за собой, прочь от этого страшного места под Арсуфом.

Не столько приказ младшего из Айюбидов, сколько отъезд султана был понят как сигнал к отступлению. Трубы громко заиграли отход. По этому знаку последние сражавшиеся в пыли на арсуфской равнине всадники стремительно кинулись прочь от страшных кафилов, понеслись, топча тела павших в бою единоверцев и уклоняясь от настигавших ударов преследовавших их крестоносцев.

Но Ричард, опасаясь новой засады, приказал остановить свое войско. И опять герцог Бургундский, раненый и истекающий кровью, принялся настаивать на преследовании, кричал, что сейчас их час, что они в таком состоянии способны гнать проклятых язычников султана до самого Иерусалима. Но Ричард был осторожен. У него в Палестине только это войско, а у Саладина – его земли, его эмиры, его последователи, и если будет еще одна атака... если их заманят в ловушку...

Только позже Ричард узнал, что Саладин уехал, уводя за собой остатки войска, оставив раненых и убитых, умчался, ибо такое поражение он потерпел впервые.

Поле боя осталось за крестоносцами. Вокруг лежали умирающие кони и раненые люди, которые стонали и кричали. Рыцари, еще не пришедшие в себя после схватки, только теперь почувствовали, как они устали. Но что это победа, поняли, когда раздался громкий приказ Ричарда:

– Знамя – в центр!

Огромный шест, на котором развевалось алое знамя с большим крестом, взмыл в небо, полотнище наполнилось ветром, заполоскалось. Это вмиг воодушевило крестоносцев. Тысячи людей вдруг радостно закричали, воздели руки к небу. Они рыдали и молились. О, наконец-то Хаттин отомщен! Они превозмогли в бою самого непобедимого Саладина!

Мартин тоже кричал вместе со всеми. Забывшись, он даже не чувствовал, как соленые слезы жгут сквозь пот и пыль глаза, он улыбался и вопил, ликовал и размахивал сорванным с головы шлемом. И видел, как люди вокруг обнимаются, смеются, плачут. Видел, как радостный Ричард, спрыгнув с коня, обнял первого, кто оказался рядом, – Леопольда Австрийского, которого ранее так унизил в Акре. И Бабенберг тоже сжимал короля в могучих объятиях.

Тамплиеры обнимались с госпитальерами, пулены радостно хлопали по плечам сражавшихся вместе с ними мусульман-туркополов, король Гвидо заключил в объятия Конрада, и последний даже не пенял Лузиньяну, что тот почти не участвовал в сражении: лошадь Иерусалимского короля споткнулась еще в начале атаки, а сам Гвидо потерял от удара о землю сознание и очнулся уже, когда крестоносцы потеснили мамлюков султана. Даже с Мартином Фиц-Годфри Конрад обнялся, не помянув, как этот рыцарь сегодня оглушил его ударом по шлему.

– Вторая атака была ваша, Фиц-Годфри! – весело сказал Конрад. – Если бы вы так быстро не сообразили, в чем дело, то... О, клянусь Пречистой Девой, я непременно сообщу об этом королю Ричарду!

Сам же Ричард, воздев руку с мечом, гарцевал на своем белоснежном, но до самых копыт обрызганном кровью врагов Фейвеле перед ликующим воинством и радостно улыбался, когда они скандировали его имя:

– Ри-чард! Ри-чард! Ри-чард!

– Это ваша победа! – кричал им в ответ король. – Это вы смогли победить!

Но его голос тонул в их восторженных воплях. Казалось, и люди, и земля, и небо ликуют при звуках его имени: Ричард, Ричард!

Мартин тоже кричал вместе со всеми и был так счастлив, как не бывал уже давно.

Глава 6

Позже стало известно, что на равнине под Арсуфом сарацины потеряли более семи тысяч воинов. А крестоносцы... немногим более ста человек. Это казалось настоящим чудом Господним.

Из предводителей христиан в сражении погиб Жак д'Авен. Этот ветеран крестового похода, пьяница и весельчак, пал еще в первом сражении, кинувшись преследовать отступавших сарацин, сделав как раз то, от чего так стремился удержать своих людей Ричард. Но Жак был слишком горяч, он вошел в раж, и в итоге сарацины окружили его в зарослях леса, выбили оружие и подняли отчаянного крестоносца на копья. Свидетели этого слышали, как он кричал: «Ричард, отомсти за меня!» А еще поговаривали, что находившийся неподалеку епископ Бове испугался и даже не попытался помочь отважному д'Авену, а после боя надолго удалился в свой походный шатер, где молился и каялся...

Но все равно такая сокрушительная победа со столь незначительными потерями среди христиан воодушевила крестоносцев. Расположившись среди руин Арсуфа, они перевязывали раны, отдыхали. Но ближе к вечеру все отправились к месту погребения павших в битве единоверцев, куда прибыл и Ричард Львиное Сердце.

Король, преклонив колено над завернутыми в саваны телами крестоносцев, молитвенно сложил руки и произнес:

– Благодарим Тебя, Иисусе, наш Христос, за эту великую победу. И прими наших погибших собратьев с Твоей великой милостью. Они пали за веру, но мы надеемся, что теперь они найдут утешение в раю от самого Господа. Им отпущены грехи, и их ожидает вечная жизнь. А мы продолжим нашу священную войну и пойдем далее – на Иерусалим!

– Аминь, – сказали все и опустили на колени перед крестообразными рукоятками мечей.

Мартин последовал их примеру, тоже преклонив колени. Его вдруг прошиб озноб, сердце забилося, и, поддавшись общему порыву, он взмолился вместе со всеми. Кого он молил? Судьбу? Некие высшие силы? Иногда так хочется воззвать к кому-то...

Подобное душевное смятение озадачило его. Неужели он и впрямь становится таким, как все эти крестоносцы? Поднявшись с колен, Мартин потрянул головой, чтобы согнать наваждение, и напомнил себе, что он не из их числа. О нет, он тут чужой. И довольно! Он своими глазами видел, как воины Христовы отомстили за Хаттин, он сам приложил к этому руку, но теперь...

Мартин отправился искать Эйрика, чтобы напомнить об отъезде. Рыжий заулыбался. А ведь он уже стал опасаться, что «малыш» после всего происшедшего и дальше будет мнить себя крестоносцем. Но им следует уезжать, причем незамедлительно. Эйрик настаивал на этом особо, поведав, что видел, как граф Роберт Лестерский приходил в ставку короля Гвидо и расспрашивал о рыцаре Фиц-Годфри.

– Оказывается, ты, малыш, сразил в бою любимца Саладина, некоего непобедимого Айза ат-Тавила, то есть Длинного. Граф Лестер видел вашу схватку и теперь намеревается лично препроводить тебя к Ричарду для награждения.

– Но я и в самом деле свалил этого мамлюка, – заметил Мартин.

– И что? Побежишь за наградой? Опомнись, малыш, этот Лестер встречал тебя в Олимпосе в облачении госпитальера. Нужно ли, чтобы он тебя узнал? Пришлось сказать, что ты где-то отдыхаешь после боя и даже я, твой оруженосец, понятия не имею, где тебя искать. Ну а ко всему прочему, и этот пес де Шампер тут крутился. Правда, недавно он отбыл на корабль, но в любом случае, чем скорее мы уедем...

– Все верно, старина. – Мартин похлопал приятеля по плечу. – Иди и подбери нам пару подходящих коней для отъезда. Трофейных лошадей в стане ныне предостаточно, а мой сав-

расый пострадал в бою, и вряд ли мне стоит ехать на нем. Когда же совсем стемнеет и крестоносцы будут отдыхать – а после такой сечи они будут спать крепко и глубоко, – мы незаметно удалимся от Арсуфа, а там поскачем без остановок до Кесарии. А может, и до самой Акры. После такого разгрома султан наверняка увел свои отряды как можно дальше, и в пути нам никто не будет угрожать.

Рыжий сразу засуетился, сказал, что все подготовит и будет ждать Мартина со свежими лошадьми неподалеку от шатра со знаменем короля Гвидо. Сам Гвидо все время при короле Ричарде, да и его окружение там же, так что некому будет приставать к Эйрику с расспросами. Как только стемнеет, они с Мартином уедут, будто и не было их тут никогда.

Закат догорал, далекая полоска багряной зари уходила в море. А само море, притихшее и гладкое в этот жаркий день, казалось светлым, серовато-лиловым... как глаза Джоанны де Ринель. Которая, если верить Эйрику, сейчас на одном из пришвартованных вдоль побережья Арсуфа судов. Но какое дело Мартину до этой англичанки?

Он отправился к коновязям, где находился его Персик. Конь получил несколько порезов в бою, лекари уже их обработали, но животное все равно выглядело неважно. Персик стоял с опущенной головой и даже не проявил обычной радости, когда к нему подошел хозяин.

– Прощай, дружище, – погладив коня по темной, с седыми прядями гриве, сказал Мартин. – Так будет лучше, и я просто берегу тебя, не велел седлать. Ты не выдержишь той скачки, какая нам ныне предстоит. А тут хорошо обращаются со скакунами, и у тебя наверняка скоро появится новый хозяин, который будет любить и холить такого славного жеребчика, как ты. Правда, он никогда не будет называть тебя Персиком... Это была лишь наша тайна, что у тебя кличка, придуманная женщиной.

– Мессир Фиц-Годфри! – внезапно услышал Мартин голос короля Гвидо.

Лузиньян подходил, улыбаясь. За то время, что войско расквартировывалось в лагере близ Арсуфа, король Иерусалимский привел себя в порядок – свежая котта с гербом Иерусалимского королевства на груди; вымытые волосы мягкой золотистой массой обрамляли его чисто выбритое, привлекательное лицо и ниспадали до поблескивающего кольчужного оплечья. Светлые, как прозрачный мед, глаза Гвидо смотрели на Мартина приветливо и тепло.

Приблизившись, он положил руки на плечи своего аскалонца.

– Я обязан вам своей честью, Фиц-Годфри. Ибо если бы вы так смело не повели себя во время второй атаки Саладина... А так все хвалят меня за разумное решение выступить, когда никто не ожидал нового нападения. Моя честь спасена, но я не настолько тщеславен, чтобы не сообщить Ричарду, что это мой рыцарь сумел так вовремя отреагировать на сигнал и приказал нашим отрядам выступить. Это ваша битва, Мартин из Аскалона, и я не намерен умалять вашу славу. Поэтому идемте сейчас со мной. Английский Лев желает видеть того, кто сегодня так отличился.

– Это обязательно?

Лицо Гвидо вытянулось от удивления. Отказаться от такого предложения? Подобная скромность выглядит даже странно. И он строго заметил, что это не обсуждается. Король ждет рыцаря Фиц-Годфри!

Мартину пришлось подчиниться. Он последовал за королем Иерусалимским через палаточный лагерь к темнеющим на фоне вечернего неба руинам крепости Арсуф. По пути Мартин прикидывал в уме: откажись он от приглашения, это показалось бы по меньшей мере подозрительным, и Гвидо даже мог приказать своим людям отвести его. Мартин же теперь, когда они с Эйриком собираются бежать, должен быть вне подозрений, и его не должны хватиться сразу после их исчезновения. Да и, в конце концов, Гвидо, привыкший к нему, не Роберт Лестер, который может его узнать, и не Шампер, ныне пребывающий у магистра ордена Храма на корабле... или со своей сестрой, как уверял Эйрик.

Некогда охранявшие поселение Арсуф стены лежали в руинах, но сама крепость на небольшом холме над морем более-менее уцелела, если не считать разрушенных входных башен. Да и расположенная неподалеку церковь Святой Девы Марии, где ныне с почестями погребли Жака д'Авена, поднималась к угасшему небу длинным остовом бывлой колокольни. Остальное – руины, которые все же были обжиты и заполнены людьми. Вечером к крестоносцам присоединились местные жители, убедившиеся, что страшные кафиры их не тронут. Они выбрались из окрестных зарослей, где прятались во время битвы, и теперь предлагали крестоносцам кто что мог: несколько яиц, козий сыр, чистую воду, дыни с расположенных неподалеку огородов. Дыни у питавшихся в походе кониной и кашами крестоносцев шли просто нарасхват.

Следуя за королем Гвидо, Мартин увидел в отдалении еще пару уцелевших башен, венчавших некогда куртину³³ южной стены города. Ныне от стены остались одни обломки, но одна из башен была почти целой, и над ней уже развевалось черно-белое знамя с алым крестом, указывающее, что там расположились рыцари-храмовники. В сумерках стяг ордена едва можно было различить, но Мартин с облегчением перевел дыхание: чем дальше от него будут тамплиеры, тем лучше. А вот госпитальеры заняли строение бывшего склада совсем рядом от пролома в стене, куда входили Гвидо и Мартин. Госпитальеры, занавесив руины полотнищами с белым крестом, устроили за ними нечто вроде лазарета, и сейчас тут было немало раненых, за которыми ухаживали орденские лекари. Им помогали те самые прачки, что обычно ехали в обозе. Этих немолодых, зачастую непривлекательных женщин разместили среди руин со всевозможным комфортом: установили над их обиталищем навесы, отдали им помещение, где толстые стены создавали некое подобие уединения и могли оградить от ветра с моря. Рядом же находился колодец, чтобы прачки не носили ведрами воду, а могли тут же стирать окровавленную после боя одежду крестоносцев, а главное – бинты и полотнища для перевязок. Сейчас Гвидо с Мартином проходили мимо этих белых полотнищ, развешанных на растянутых веревках. Мнимому Фиц-Годфри в какой-то миг даже почудилось, будто он услышал знакомый голос, который, однако, звучал несколько странно – сильно шепелявил:

– Видали бы вы, голубушки, как я шбил копьём того проклятого шарашина, вштавшего на моем пути во время атаки. Это уше потом меня огрели саблей по шлему. Да так... Шрашу веш рот в кровизи!..

Мартин криво усмехнулся. Обри де Ринель. Кажется, в сражении англичанин прикусил себе язык. Вон и хлопотавшие рядом с англичанином прачки, жалеющие его, уверяли, что он рыцарь хоть куда, несмотря на то, что потерял кончик языка. Ничего, ведь у других ранения куда похуже.

По крайней мере Мартин мог быть спокоен, что обычно ехавший в свите Ричарда во главе колонны де Ринель не будет присутствовать во время представления аскалонца королю. К счастью, и Лестера там не окажется: по пути Мартин заметил молодого графа в компании с какимито рыцарями в арке рухнувшего здания: «милый племянник» о чем-то беседовал с ними, и они беспечно смеялись.

Продвигаясь за Гвидо, Мартин неожиданно разволновался совсем по другой причине: сейчас он будет представлен самому Ричарду Львиное Сердце! Он вдруг испытал прилив гордости. Сегодня он сумел показать, на что способен, и если такие люди, как Лестер, Лузиньян и сам Ричард, хотят воздать ему должное, то это воистину честь! По крайней мере после сегодняшнего дня у него в душе уже не будет той скверны, которая поднималась всякий раз при воспоминании о зле, какое он совершил некогда под Хаттином.

Сквозь брешь в стене Гвидо ввел Мартина в довольно обширное помещение, где когда-то был зал совета крепости Арсуф. Правда, и залом его сейчас было трудно назвать: одна стена вся в пробоинах, под ногами пыль и обломки. Уже совсем стемнело, через проломленную

³³ Куртина – отрезок крепостной стены между двумя башнями.

крышу были видны первые звезды, в полутемном зале горел в кованых треногах огонь. Почти все собравшиеся стояли спиной к входу, глаза их были устремлены на каменное возвышение в конце зала, где находился король Ричард. Они с Гвидо остались стоять в толпе, и Мартин украдкой озирался, узнавая многих собравшихся по спинам. Вон стоит маркиз Конрад в его поблескивающей в свете огня вороненой кольчуге; рядом, чуть сутулясь, – магистр Гарнье в своем белом тюрбане; а вот возвышающийся над всеми Леопольд Австрийский в порванном во многих местах светлом плаще. Ближе к Ричарду стоял его племянник Генрих Шампанский в накидке с бело-голубым гербом, а за ним, чуть в стороне, – группа тамплиеров в белых туниках с алыми крестами... Все рыцари Храма были без шлемов, и Мартин внимательно пригляделся к ним. Он узнал Великого магистра де Сабле по его алой плоской шапочке и роскошной каштановой бороде... Де Шампера среди них не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.